ЛИТЕРАТУРА В ШКОЛЕ
2'2017
16+

Научно-методический журнал
Основан в августе 1914 года
Выходит 12 раз в год

Учредитель —
ООО «Редакция журнала "Уроки литературы"»

Главный редактор
Надежда Леонидовна КРУПИНА
Редакторы
Николай Николаевич ЗУЕВ,
Татьяна Алексеевна КАЛГАНОВА
Отв. секретарь
Ирина Степановна ГОЛОВИНА
Дизайн и вёрстка
А.Г.БРОВКО
Компьютерный набор
Н.А.КРУПИНОЙ
Корректура
Е.А.ВОЕВОДИНОЙ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В.М.Гуминский — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИМЛИ им. М.Горького;
Е.О.Галицких — доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Вятского государственного гуманитарного университета, заслуженный учитель РФ;
Ю.А.Дворяшин — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИМЛИ им. М.Горького, заслуженный деятель науки РФ, член Союза писателей России, лауреат Международной премии им. М.А.Шолохова;
Н.А.Дворяшина — доктор филологических наук, профессор кафедры филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета, почётный работник высшего профессионального образования РФ;
В.П.Журавлёв — кандидат филологических наук, доцент, зам. руководителя центра гуманитарного образования издательства «Просвещение»;
С.А.Зинин — доктор педагогических наук, профессор кафедры методики преподавания литературы МПГУ, член Федеральной предметной комиссии по литературе;
И.П.Золотусский — литературный критик, писатель, исследователь жизни и творчества Н.В.Гоголя, член Русского ПЕН-центра, лауреат премии А.И.Солженицына, Государственной премии правительства РФ;
А.Г.Кутузов — доктор педагогических наук, профессор; академик РАЕН;
Ю.В.Манн — доктор филологических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета;
В.С.Непомнящий — доктор филологических наук, зав. сектором и председатель Пушкинской комиссии ИМЛИ РАН, лауреат Государственной премии в области литературы и искусства РФ;
Н.Н.Скатов — доктор филологических наук, член-корр. РАН;
Л.А.Трубина — доктор филологических наук, профессор, проректор, зав. кафедрой русской литературы, председатель диссертационного совета МПГУ;
В.Ф.Чертов — доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой методики преподавания литературы МПГУ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
Покровский бульвар, дом 4/17, строение 5,
Москва, почтамт, 101000.
Телефон: 8 (495) 624-77-38.
Факс: 8 (495) 624-77-78.
E-mail: litervsh@mail.ru
www.litervsh.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-22549 от 30 ноября 2005 г.

Отпечатано в типографии АО Полиграфический комплекс «Пушкинская площадь».
Юр. адрес: 109548, г. Москва, ул. Шоссейная, дом 4 Д.
Тираж 8 000 экз.
© Журнал «Литература в школе». 2017.

При реализации проекта «Изучение классики и современной литературы на уроке и во внеклассной работе» используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 05.04.2016 № 68-рп и на основании конкурса, проведённого Общероссийской общественной организацией «Российский союз ректоров».

СОДЕРЖАНИЕ

БЕЛГОРОД И БЕЛГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ

НАШИ ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ

В.В.ЛИПИЧ —
Творческое наследие М.Ю.Лермонтова в школьном и вузовском изучении 2

М.В.ПОЛОВНЁВА, Л.П.СОЛОМАХИНА —
Эхо «фетовской свирели» в лирике А.Блока 7

Е.А.ШИРИНА —
Образ природы как ключ к осмыслению войны и мира в романе-эпопее М.А.Шолохова «Тихий Дон» 11

Е.Н.СЕМЫКИНА —
«Душеполезное чтение» на уроках литературы: о прозе В.Н.Крупина 17

ПОИСК. ОПЫТ. МАСТЕРСТВО

Т.Ф.НОВИКОВА —
«Малая родина — душа человека».
Пути создания образа малой родины в произведениях белгородских авторов 24

Ю.В.КУРБАТОВА —
К вопросу о преемственности в преподавании литературы в современной школе 28

Т.А.ОВЧАРОВА —
Анализ текста с использованием учебной графики.
XI класс 31

С.Н.БЕЛОВА —
«Да святится имя твоё...»
Любовь в рассказе А.И.Куприна «Гранатовый браслет». XI класс 33

Т.Ю.РЕВИНА —
Информационные технологии на уроках литературы.
Из опыта работы региональной инновационной площадки . . . 37

Н.П.ПЕРЕВЕРЗЕВА —
Ссора Троекурова и Дубровского.
VI класс 40

«Ещё не раз душа замрёт от счастья...»
Стихи поэтов Белгородчины 43

ЛИПИЧ Василий Васильевич —
доктор филологических наук, профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета
lipich_v@bsu.edu.ru

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ М.Ю.ЛЕРМОНТОВА В ШКОЛЬНОМ И ВУЗОВСКОМ ИЗУЧЕНИИ

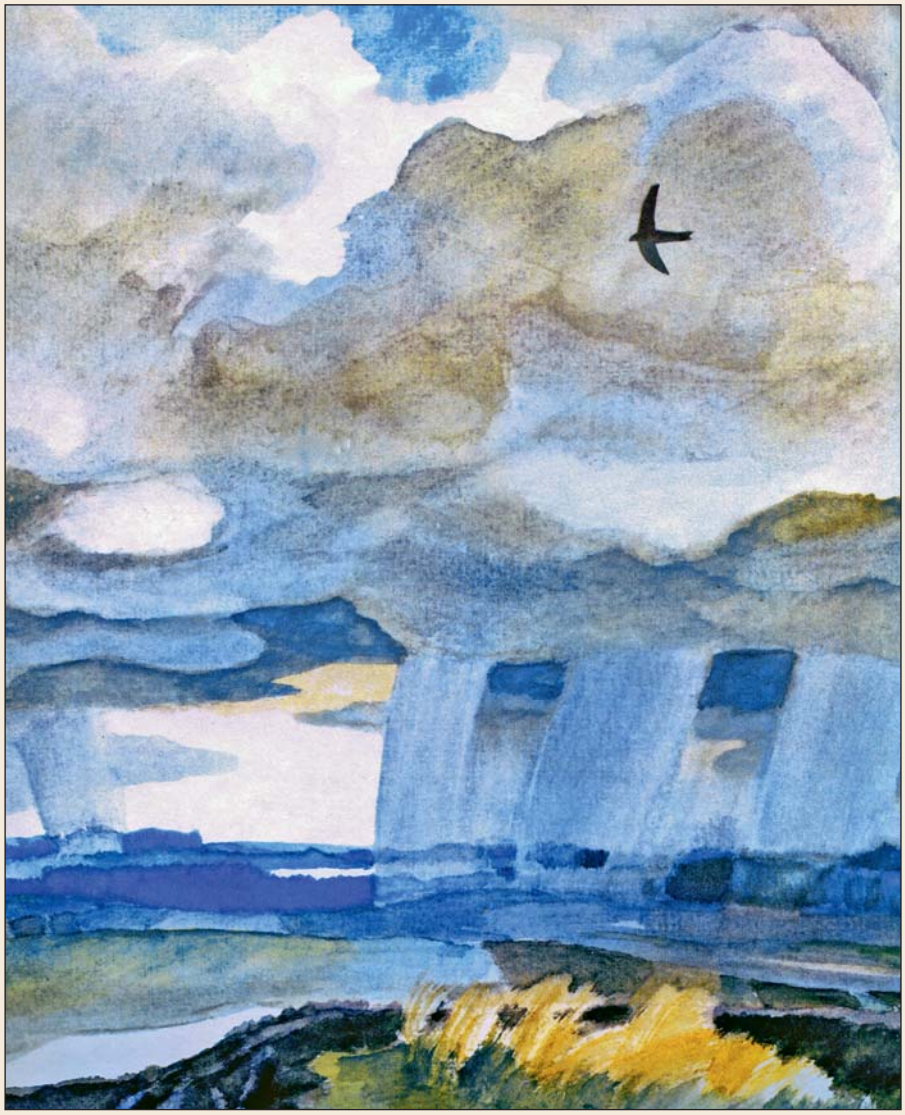
Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению отдельных аспектов творчества М.Ю.Лермонтова и призвана помочь учителю-словеснику, а также вузовскому преподавателю в активизации интереса школьников и студентов к изучению личности великого русского поэта и постижению его художественного наследия.*
Ключевые слова: *творчество, духовность, культурное наследие, лирика, поэтика, учитель-словесник, ученик, личность, урок, лекция.*

Abstract. *The article considers certain aspects of M.Y.Lermontov's art and is designed to help the teachers and university professors to enhance students' interest to study the personality of the great Russian poet and comprehend his artistic heritage.*
Keywords: *creativity, spirituality, heritage, poetry, poetics, teacher, student, person, lesson, lecture.*

М.Ю.Лермонтов актуален всегда. Это аксиома. И очередное обращение к личности и творчеству поэта в год его двухсотлетия мне показалось важным и, как никогда, необходимым. Попытаюсь хотя бы пунктирно подчеркнуть актуальность и неоценимую роль творчества Лермонтова и для далеко не простых реалий дня сегодняшнего.

К сожалению, сейчас и школьный курс словесности, и вузовский проходят стоическое испытание на прочность. Никогда учитель литературы не оказывался в столь сложном положении, как сегодня. Мы привыкли воспринимать как незыблемый постулат суждение о приоритетности филологических дисциплин. Сама мысль об их сокращении до недавнего времени казалась нам противоестественной. В прежние времена учителю-словеснику не приходилось особо утруждать ни себя, ни учеников объяснениями того, какую роль в жизни человека играют чтение и книга. Сказывалась прочная российская традиция: литература всегда была у нас не только средоточием высокой поэзии и чувственности, но и выражением общественной мысли. Роман, повесть, стихотворение были для нас и лирической исповедью, и философским трактатом, и психологическим текстом. Литература рассматривалась как важнейшее средство формирования духовности, эстетического вкуса, речевой и интеллектуальной культуры.

Сегодня, к нашему большому сожалению, ситуация совершенно иная. У изящной словесности потихоньку отвоёвывают свои плацдармы и сферы влияния дисциплины, прежде даже не помышлявшие о таком вторжении в «святая святых». Получается, что литературе сегодня нужно как бы подтверждать свою конкурентоспособность.



А.Белюкин. Илл. к стихотворению М.Ю.Лермонтова «Тучи». *1981*

Политические и экономические катаклизмы последних двух десятилетий язык и литературу как основную линию обороны автономной личности начали взламывать одной из первых. При этом опрометчиво забывалось, что результат этого взламывания может оказаться совершенно неожиданным и совершенно противоположным. Ведь недаром Достоевский в своё время писал, что в общечеловеческую семью мы можем попасть только как национальная определённость и сохранённость: да, собственно, этим мы интересны и значимы.

Современный старшеклассник совершенно искренне не понимает, зачем ему нужна книга и почему такое количество времени он

вынужден тратить, скажем, на постижение существа спора между Базаровым и Кирсановым, а Татьяна Ларина, к примеру, могла бы просто «скинуть» Евгению Онегину коротенькую эсэмэску и не утруждать себя написанием длинного признательного послания.

Современный старшеклассник будет убеждать вас, что жизнь по рецептам, скажем, Наташи Ростовой или Пьера Безухова абсолютно несостоятельна, а книга — это устаревший и неудобный носитель информации. Да и вообще, что такое книга в сравнении с Интернетом! Многочисленные гаджеты куда эффективнее, современнее, «круче». Таким образом, получается, что классический императив «нужно больше читать» сейчас нуждается в куда более серьёзной аргументации, нежели ранее.

Сегодня учителю литературы всё труднее достучаться до сердца подростка, очень часто классический художественный текст остаётся непрочувствованным, даже не бегло и формально прочитанным, а спешно и по диагонали просмотренным и пролистанным в планшетнике.

Поэтому современному учителю-словеснику отводится в наши дни, как никогда, важная миссионерская роль. Его задача — вернуть уважение к книге, к той самой достопочтимой книге, которая на протяжении своей долгой истории становилась средоточием Божественного глагола и дьявольских происков, лучом спасительного света и сгустком искушений. Задача учителя-словесника — наглядно показать и убедительно доказать, что если речь идёт о формировании умственной и духовной культуры личности, об истинном самостоянии человека, то литература здесь по-прежнему вне конкуренции. Такое наставническое предназначение Учителя-словесника, не побоюсь преувеличения, сродни подвижничеству и Божьему Промыслу. Однако вернусь к теме предлагаемой статьи.

Лермонтов — один из самых любимых поэтов юношества. Его стремительный порыв к свободе, бескомпромиссность и, наконец, личная трагедия особо привлекают молодое поколение. И в связи с этим биография, личность, творчество поэта, как единое целое, оказывают огромное эмоционально-воспитательное воздействие и на школьников, и на студентов. Лирические произведения прежде всего воспринимаются сердцем; знакомство с ними и разбор их помогают развивать культуру чувств юношества, культуру переживаний, обогащать духовную жизнь молодёжи, помогают ей узнавать нечто новое о жизни, человеке, сложности и в то же время радости человеческих взаимоотношений.

Воспитание читателя, тонко воспринимающего поэзию, умеющего постигать внутренний строй мыслей и чувств лирического произведения, — одна из первостепенных задач как школьного учителя, так и вузовского преподавателя литературы. Нравственное воздействие лирики Лермонтова на учащихся зависит в значительной степени от целенаправленного развития у них эстетического чувства, интереса и любви к поэзии. Этому способствует соблюдение ряда психолого-педагогических, методических условий: психологическая настроенность на восприятие произведения, глубина эмоционально-образного впечатления, включённость в сопереживание лирическому герою, осмысление художественного своеобразия произведения, обретение лично дорогого в нём.

В развитии этих ценных слагаемых личности большое значение имеет создание и в школьном классе, и в студенческой аудитории особого лирического настроения, которое можно было бы определить как поэтическое, помогающее обучающимся наиболее органично вступить в сопереживание с лирическим героем. Возникновение творческой атмосферы в классе или аудитории зависит не только от чтения самих произведений, но и от всего содержания, структуры, темпа, эмоциональной наполненности занятия, характера взаимоотношений между учащимися и учителем, студентами и вузовским преподавателем. Важно помочь юношам и девушкам войти в поэтический мир лермонтовской лирики, раскрыть многообразие авторских переживаний, мир высоких мыслей и чувств. Этому будет способствовать и лекция о своеобразии личности поэта, и выразительное чтение его стихотворений, и проведение литературно-музыкального вечера, и экскурсии, и часы поэзии, и, конечно же, самостоятельная работа самих учащихся.

Многогранное развитие личности школьника во многом осуществляется в процессе самостоятельной деятельности: вот почему такую большую роль играет правильно организованная учителем самостоятельная работа учащихся. Изучая те лирические произведения, которые указаны в программе, следует стимулировать и более широкое ознакомление школьников с лирикой поэта, пробуждать интерес к ней, и с этой целью необходимо отобрать для самостоятельного анализа стихотворения, не изучаемые в классе.

От урока к уроку нужно усложнять как фронтальные, так и индивидуальные задания, повышать степень самостоятельности школьников, сделать задания более разнообразными, учитывая при этом особенности личности учащихся: уровень их литературного развития, возникший интерес к поэзии Лермонтова, их индивидуальные возможности. Каждое из заданий должно пробуждать у учащихся желание самостоятельно подойти к решению поставленной учителем задачи, проявить познавательную активность, и, главное, повышать интерес и к лирике поэта, и к его личности.

Задания с установкой на развитие воображения учащихся могут сменяться заданиями, требующими не только воспроизведения картин, но и их осмысления, сопоставления с уже известными по другим стихотворениям, от анализа отдельного стихотворения — к циклу стихотворений, объединённых одной темой и т. д. Среди различных видов самостоятельных работ видное место может занимать сравнительный анализ стихотворений, близких по тематике: например, В.Бенедиктов и Лермонтов о назначении поэзии («Пиши, поэт, слагай для милой девы...» и «Поэт»); «Пророк» Пушкина и «Пророк» Лермонтова; образ поэта-гражданина в стихотворениях Рылеева, Пушкина и Лермонтова; тема любви в лирике Пушкина и Лермонтова.

Поэзия Лермонтова, насыщенная философскими, остросоциальными проблемами, контрастными чувствами, сложна для самостоятельного чтения подростков и может вызвать у них противоречивые нравственные представления. Это обстоятельство ведёт к необходимости соотносить каждое изучаемое стихотворение с проблематикой, пафосом всего творчества Лермонтова, выявлять нравственно-эстетический идеал поэта.

Сегодня творчество М.Ю.Лермонтова снова приобретает своё предельно острое звучание и переживает новый виток актуальности и востребованности. Показателен также и тот факт, что произведения Лермонтова менее всего поддаются конъюнктурному ангажированию и ситуативным «подгонкам». Поэзия Лермонтова щедро одаряет нас высокой человечностью, пониманием своей жизни как частички неугасаемой вечной силы, именуемой духовностью, обогащает нас осознанием своей личной значимости и, стало быть, ответственности за свои поступки, ибо только продуманные действия ведут к добру, утверждению жизни, что для самого поэта являлось высшей целью земного существования:

В толпе людской и средь пустынь безлюдных
В нём тихий пламень чувства не угас:
Он сохранил и блеск лазурных глаз,
И звонкий детский смех, и речь живую,
И веру гордую в людей, и жизнь иную [1: 34].

(Памяти А.И.Одоевского, 1839)

Приведённые строчки были посвящены Лермонтовым А.И.Одоевскому по случаю его ранней смерти. Но вместе с тем они в значительной степени характеризует и те импульсы, которые мы воспринимаем сегодня от самого Лермонтова. Обращаясь к нему, мы как бы заряжаемся энергией жизни, заключённой в его спрессованном стихе, часто облитом «горечью и злостью».

Поэзия Лермонтова в силу своей громадной смысловой концентрированности не может восприниматься как некое расхожее чтиво, для того чтобы скоротать, или хуже того — «убить время»: она требует серьёзной работы мысли и души. И это счастье! Счастье, что есть творчество, требующее такой работы. Есть поэзия, через которую умнеет и добреет всё, что только может поумнеть и подобреть. Однако это же определяет и некоторые трудности сегодняшнего изучения творчества Лермонтова (причём не только его одного) как в вузе, так и школе.

Попробую обозначить, в чём они состоят. Прежде всего, полагаю, в том, что и школьники, и студенты лишь частично воспринимают глубочайший смысл и богатейший под-

текст того, что заключено в произведениях Лермонтова. А поскольку истинное искусство всегда человечно, то, стало быть, молодые поколения недобирают именно в этой сфере, а конкретнее — в нравственности, что, в свою очередь, порождает другие перекосы в быту, в экономике и т. д.

Причин происходящего много. И нам, филологам, необходимо, я считаю, посмотреть на это дело со своих «цеховых» позиций и осознать свои недоработки. А они, не будем скрывать, есть, и весьма существенные, несмотря на известные достижения отечественного лермонтоведения в целом.

На мой взгляд, одним из основных недостатков массового, в особенности школьного, обучения является тот факт, что, сосредоточившись на выявлении природы лермонтовского отрицания, мы как-то забыли о другой стороне творчества — утверждении, гармонии, что было заветною мечтою тоскующего и бунтующего поэта. В итоге очень многое из того, что связано с нравственно-философским и эстетическим содержанием в творчестве Лермонтова, остаётся как бы в тени, на обочине. Поэтому не только на уроках, но и на страницах серьёзных литературоведческих изданий подчас всё сосредоточено вокруг борьбы поэта с самодержавием, пошлой дворянско-аристократической средой. Разумеется, всё это было в творческой практике поэта, но диктовалось оно, в конечном счёте, не целями политической борьбы как таковой, а стремлением отыскать пути духовного и социального возрождения человека. Именно в этом стержень, суть и главные смысловые сгустки поэзии Лермонтова, они-то и остаются, к сожалению, невостребованным кладом на занятиях и в школе, и в вузе. Да и наставникам молодёжи порою самим нелегко добраться до этого клада вследствие несовершенства методик, количества отведённых на изучение часов (особенно в последнее время), непоследовательности и изменений учебных программ, несоответствия учебного материала возрасту школьников и т. п.

Кроме того, трудно согласиться с довольно распространённой традицией, когда почти вся характеристика творчества Лермонтова сводится подчас к раскрытию мотивов борьбы великого поэта с окружающей действительностью. Не стремясь к искусственному утрированию, замечу, что и в программе, и в учебниках есть соответствующие посылки о нравственно-эстетическом своеобразии произведений Лермонтова. Но всё это нередко остаётся посылками. Главная же работа идёт в плане откатки и отшлифовки весьма усечённого и дистиллированного образа великого поэта, который будто бы только то и делал, что «ненавидел», «пылал революционной страстью» и беспрерывно «боролся с самодержавием».

Безусловно, не следует отрицать объективной роли творчества Лермонтова в деле возбуждения демократических настроений. Но ведь нельзя же всё сводить к политическому сопротивлению поэта, урезая другие аспекты его творчества, не следует заковывать Лермонтова в латы исключительно бунтаря-ниспровергателя самодержавно-крепостнического режима. Разве этическое, философское содержание лирики поэта не является чудесной силой, которая может «выпрямлять» человека? И разве в восприятии природы Лермонтов менее велик, чем в своём общественном максимализме? Да и максимализм его был порождён необходимостью отстоять незамутнённость человека, сохранить его вечно целительные связи с естеством, с природой. И, я думаю, для всех является очевидным сегодня, что если прервутся эти связи, то прервётся и сама жизнь человека на этой земле. А это значит, что и «ландыш серебристый», который радовал глаз великого поэта, и «малиновая слива», и «свежий ветерок», который ласкал поэта, и многие другие метафорические образы сегодня уже нельзя интерпретировать только как знаки умиротворения человека, уставшего в борьбе с самодержавием. В первую очередь для нас это знаки *жизни,* которая выше и прекраснее любых временных и конъюнктурных отношений и зависимостей. Научить юношество воспринимать тайну и красоту мироздания, как она выражена во многих произведениях Лермонтова, — значит помочь юным поколениям стать носителями, а не разрушителями самой этой жизни.

Л.Непомнящий. Илл. к стихотворению М.Ю.Лермонтова «Она не гордой красотой...». *1987*

Или, допустим, взять, к примеру, такую хрупкую и деликатную сферу нашей жизни, как интимно-этические отношения. Не скажу, что порнография совершенно захлестнула нас, но в то же время всё учащающиеся и справедливые негодования многих известных мастеров нашей культуры, искусства и самих зрителей по поводу иных слишком вольных интерпретаций и слишком «заземлённых» приёмов изображения «любви» в некоторых театральных и киноактёрских коллективах заставляют задуматься. И невольно мысль вновь возвращается и обращается к классикам, которые завещали нам целомудренное отношение к красоте, женщине, отстаивали святость интимного чувства. И Лермонтов стоит здесь в первом ряду:

Кто объяснит, что значит красота:
Грудь полная, иль стройный гибкий стан,
Или большие очи? — Но порой
Всё это не зовём мы красотой:
Уста без слов — любить никто не мог;
Взор без огня — без запаха цветок!
О небо, я клянусь, она была
Прекрасна!.. я горел, я трепетал,
Когда кудрей, сбегающих с чела,
Шёлк золотой рукой своей встречал,
Я был готов упасть к ногам её,
Отдать ей волю, жизнь, и рай, и всё,
Чтоб получить один, один лишь взгляд
Из тех, которых всё блаженство — яд! [1: 259]
(Она была прекрасна, как мечта...», 1832)

В приведённом отрывке легко заметить, что духовное начало («один лишь взгляд») в любви не только первично, но и едва ли не абсолютно, во всяком случае, вне его любовь — не любовь, суррогат. Уж и не знаю, можно ли сегодня надеяться на то, чтобы такое понимание вернулось к нам в полном объёме? Но очень бы хотелось.

Возможно, в таком рассуждении и содержится недооценка известного тезиса о том, что доминирующей чертой творчества Лермонтова является мятежность (этот вывод поддерживал в своё время ещё Белинский) и с «небом гордая вражда». В целом считаю данный тезис справедливым, но применять его, как мне кажется, следует гибче. Во всяком случае, не так, как мы делали до сих пор.

Прежде всего необходимо уяснить, в чём смысл и причины лермонтовской «мятежно-

сти», его «вражды», что он хотел утвердить в человеческом сознании и людских отношениях. Отмечу, что ответы на эти вопросы и в аудитории, и в классе зачастую звучат предельно категорично, иногда даже недопустимо прямолинейно, вследствие чего, вольно или невольно с опорой на Лермонтова, прививается мысль о том, что главное достоинство человека состоит в его умении постоянно бороться, побеждать, не смиряться, протестовать, отрицать и т. д. Мы так приспособили поэзию Лермонтова ко всей этой работе, что уже и не замечаем того, что данные мотивы присутствуют в поэзии Лермонтова как условие всеобъемлющей любви, любви к жизни и человеку. Позволю себе привести две цитаты из Лермонтова, которые хорошо известны специалистам, но которых нет ни в одном существующем ныне учебнике по литературе как вузовском, так и в школьном, а ведь в них, по сути, квинтэссенция лермонтовского пафоса:

Я не могу любовь определить,
Но это страсть сильнейшая! — любить
Необходимость мне; и я любил
Всем напряжением душевных сил [1: 176].
(«1831-го июня 11 дня»)

Эти строчки были написаны в 1831 году и относятся не только к чувственной любви, любви к женщине. Второе стихотворение было создано поэтом уже в зрелую пору его творческого пути, а если быть точным, то в 1839 году:

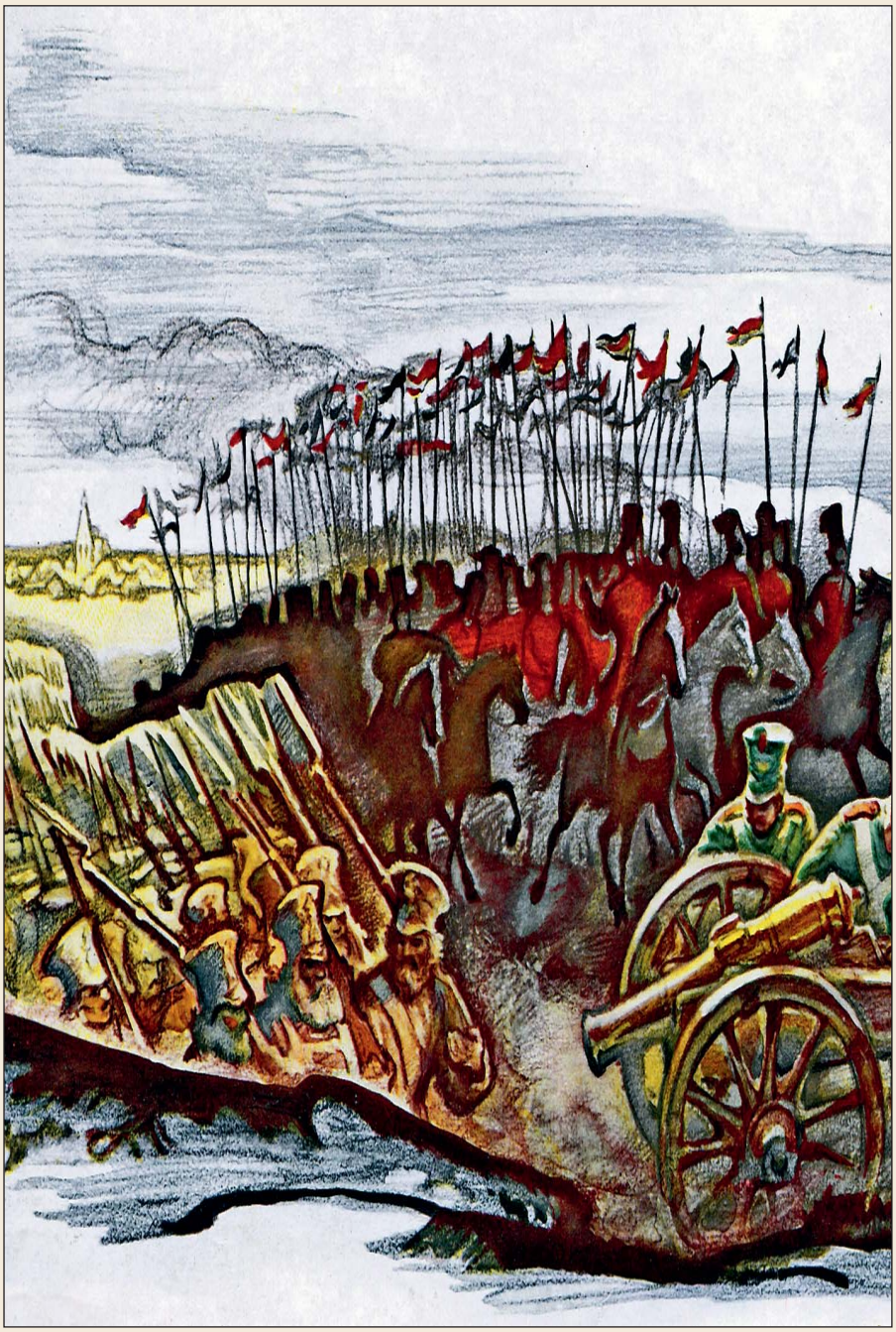
Есть речи — значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.

Как полны их звуки
Безумством желанья!
В них слёзы разлуки,
В них трепет свиданья.

Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рождённое слово;

Но в храме, средь боя
И где я ни буду,
Услышав, его я
Узнаю повсюду.

Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу,
И брошусь из битвы
Ему я навстречу [1: 40].
(1839)



И.Архипов. Илл. к стихотворению М.Ю.Лермонтова «Бородино». *1973*

Возникает вполне закономерный и резонный вопрос: что же это за звуки такие, что за речи такие, заслышав которые поэт готов оставить не только битву, но и молитву? Мне трудно согласиться с мнением уважаемого исследователя Л.Г.Фризмана, автором статьи об этом стихотворении в «Лермонтовской энциклопедии» (М., 1981), что «именно в звуках, а не в их значении, пустом и «ничтожном», кроется для Лермонтова истинная причина покоряющей силы слова» [2: 158]. Получается, что в этих звуках нет содержания или, во всяком случае, оно ничтожно для автора. Считаю, что это не так. С моей точки зрения, ничтожно лишь травестийное восприятие данного содержания, но не оно само в своей истинности. Для поэта оно огромно и значимо, хотя и не поддаётся адекватному и точному в своём словесном эквиваленте выражению. Безусловно, это содержание связано с любовью в самом многомерном и широком смысле слова. И именно на них, на «звуки» любви, добра, красоты, истины, и готов откликнуться поэт всегда и всюду — даже если бы пришлось броситься для этого из самой что ни на есть напряжённой и героической битвы. Значит, с «небом гордая вражда» — это лишь начало характеристики лермонтовского пафоса, сопрягающегося в конечном счёте с устремлениями к идеалу («ищу земного упоенья»).

Однако с раскрытием лермонтовского идеала дело обстоит, как мне кажется, ещё хуже, чем с толкованием основной доминанты творчества поэта.

Подходить к рассмотрению этого крайне непростого вопроса с набором каких-то однозначных и линейных суждений, конечно, не следует. Но вот когда знакомишься с некоторыми популярными изданиями и даже отдельными научными работами, то невольно складывается впечатление, будто бы у Лермонтова вообще нет идеала как такового. А вот «отрицание», «тоска», «жалобы на действительность» — этого пожалуйста, сколько угодно. Что же касается идеалов, то тут, извините, всё в тумане, зыбко, неопределённо очень, тем более что убит в двадцать шесть с

небольшим лет — какие могут быть идеалы у разочарованного и измученного человека?!

Что можно сказать на это? Конечно, если под идеалом подразумевать прописные истины, сдобренные высокопарной риторикой, то такого идеала у Лермонтова искать не следует. Но так сегодня (как некий катехизис), кажется, никто идеалы уже и не трактует. Поэтому истинный идеал Лермонтова, я думаю, нужно усматривать в самой сущности его творений, в философско-этических принципах его отрицания, в порывах (очень разнообразных с точки зрения форм поэтического воплощения) к высокому, совершенному. Но вот незадача: дети командных и, можно сказать, регламентированных эпох, мы и сами разучились реагировать на трепетное излучение чувств в лирике Лермонтова, — да и не только Лермонтова! Скажем, искренность. С этим чувством люди частенько попадали (и попадают теперь), мягко говоря, впросак. А милосердие или верность дружбе? Последнее вообще считается семистепенным делом в нашей «инновационной» и быстротекучей жизни. Были бы успехи по службе, в бизнесе, материальный достаток да хорошие отношения с «начальством», а уж без дружбы как-нибудь проживём!

Говорить о тоске по идеально-прекрасному не стану. К чему она нам, когда мы привыкли поклоняться прагматике, рацио, удачливости? Вот так и *усреднилась* поэзия Лермонтова в нашем восприятии, так затуманилась линия и мера высокого идеала в его лирике. В школьном же преподавании она подчас и вовсе отсутствует.

По всей видимости, именно из этого же корня идёт также и долгая, перманентно то возникающая, то прекращающаяся полемика о том, кем был Лермонтов по сути своего творчества: романтиком или реалистом? Ведь если романтиком, то, стало быть, не только таинственное, психологически противоречивое, но и мистическое в поэзии гиганта как-то надо объяснять. Проще оказалось «выпрямить» поэта, свести все его устремления к борьбе за свободу и всё это связать с реализмом, а зыбкое, многоподвижное и противоречивое — с романтизмом, затем негласно и как бы ненамеренно отодвинуть в разряд не самого существенного. Стремление как можно больше найти у Лермонтова «реалистического» и, значит, более совершенного, к сожалению, и сейчас присутствует в отдельных исследованиях. Всё это не могло не сказаться на составлении методик и пособий, в которых постепенно приоритеты духовного подвижничества Лермонтова стали подменяться приоритетами социального противоборства, и тем вольно или невольно приглушалось многоцветье лермонтовских образов. Между тем какая широкая перспектива открывается для молодых поколений в усвоении таких человеческих качеств, как духовная наполненность интимных отношений, умение слушать голос своего сердца, желание деятельных свершений как условия нравственного формирования личности, несовместимость подлинного достоинства с унижением других, мелочных желаний — с истинными потребностями души и т. д.!

Пробиться к этому мешают также плохой стиль, заумный язык, дурные приёмы, с помощью которых приступаем подчас к анализу лермонтовских произведений.

Я уже говорил о том, какой серьёзный вред изучению творчества Лермонтова (и не только его) приносит чисто социологизаторский подход и анализ, оторванный от нравственных, философско-эстетических проблем творчества. В то же время есть и другая крайность: вольное или невольное отключение эстетического анализа от социального. В этом случае преобладающей тенденцией становится формально-эстетический разбор, вследствие чего убивается и форма, и содержание. Не часто, правда, но иногда такие анализы встречаются и в «Лермонтовской энциклопедии», которую, безусловно, можно и нужно рассматривать как значительный вклад и в изучение жизни и творчества поэта, и в развитие отечественного лермонтоведения в целом.

Не могу не сказать также и о том, что в последние годы нас просто заполонили всякого рода «концепты», «уровни», «синтагмы», «амбивалентности», «парадигмы», «пространственно-временные модусы», «неконвенкциональная метафоризация» и десятки других подобных определений и терминов, засилье которых буквально глушит в иных «учёных» сочинениях живое содержание лермонтовской лирики. Но дело не только во внедряемой терминологии. Куда как большую опасность, с моей точки зрения, представляет стиль (иногда его называют «структуральным»), сознательно ориентированный на изобретение и демонстрацию заведомо «усложнённых», а чаще абстрактных наукообразных понятий. Внутренне они между собой не связаны, не отражают и не вскрывают также и суть образа или поэтического пафоса, что в первую очередь, очевидно, и должно составлять цель и объект литературоведческого анализа. Однако за «прогонкою», эквилибристикой слов не почувствуешь и юдоли той муки, того стона души, которыми пронизана поэзия Лермонтова, поэтому в подобных случаях очень сложно вести речь о каком-то там приближении лирики поэта к уму и сердцу современного читателя.

Подобный квазиучёный язык находит широкое распространение в диссертациях магистрантов и аспирантов, что в особенности тревожит научную общественность. Ведь сегодняшние магистранты и аспиранты — завтрашние преподаватели вузов, от них идёт учитель, от учителя — ученик, ученик становится студентом и т. д. Возникают, таким образом, целые пласты и зоны, где господствует омертвлённый, ничего общего не имеющий с живой сутью литературы «аналитический» язык.

Таким образом, получается, что проблем, связанных с более качественным изучением творчества Лермонтова, как и всей отечественной литературы, хоть отбавляй. И, отдавая дань памяти великому поэту, надо отказаться от привычного представления о том, что с изучением его наследия у нас всё в порядке. Отнюдь. И если мы уже однажды бросили клич: «Вперёд, к Пушкину!», — то ещё с большей силой эта потребность ощущается сейчас по отношению к творчеству Лермонтова. К Лермонтову надо идти, подниматься на уровень его сознания, чувствований. Следует обновлять методологию литературоведческих анализов в такой плоскости, чтобы раскрылись, наконец, и неповторимость, и духовное богатство, и поэтическое очарование, и нравственная притягательность его лирики, и сила креативного потенциала бессмертных творений Лермонтова. И в этом контексте очень актуально, я считаю, звучат слова современного поэта Г.Ростовского:

Не классиком, закованным в кольчугу
Проржавленных критических статей,
А нашим современником и другом
Войдите в класс мой, Лермонтов, скорей!

В наше время, которое так истончило грани добра и зла, греха и святости, что они, по сути, перестают быть антиподами, когда размыты многие моральные критерии, когда порог нравственности отдельных членов общества понижен практически до нуля, юному незрелому уму трудно определить, «кто есть кто» и «что есть что» в окружающем его мире. И великая русская литература, обладающая огромным духовным и дидактическим потенциалом, остаётся чуть ли не единственным нравственным ориентиром, и роль учителя-словесника в первую очередь и заключается в приобщении молодых людей к этому нравственному роднику, и творчество Лермонтова является одним из таких духовно оберегающих и духовно сберегающих источников. Кроме того, литература опять-таки является едва ли не единственным предметом, который ориентирован прежде всего на воспитание чувств, художественного мышления, формирование нравственных устоев и жизненных позиций молодого человека.

И если школьный учитель-словесник, вузовский преподаватель хотят добиться серьёзных результатов в своей работе, то они должны отдавать себе отчёт в «стратегических» целях преподавания литературы, они должны знать ответы не только на вопросы «что?» и «как?», но и на вопрос «зачем?». При этом необходимо, чтобы смысл упомянутого вопроса «зачем?» был ясен и ученику. В противном же случае и преподавание, и сама «прелестная роскошь словесности», как выразился Батюшков, превращаются в схоластику и буквоедство.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЛЕРМОНТОВ М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. — М., 1952. — Т. 1. — С. 34.
2. Лермонтовская энциклопедия. — М., 1981. — С. 158.

ПОЛОВНЁВА Марина Владимировна —
кандидат филологических наук, доцент Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ БелГУ)
@polovneva@bsu.edu.ru
СОЛОМАХИНА Людмила Петровна —
кандидат филологических наук, доцент Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ БелГУ)
solomahina@bsu.edu.ru

ЭХО «ФЕТОВСКОЙ СВИРЕЛИ» В ЛИРИКЕ А.БЛОКА

Аннотация. *Статья посвящена выявлению фетовской традиции в поэзии А.Блока.*
Ключевые слова: *символисты, фетовский стиль, литературная традиция, элегический взгляд на мир, психологически точный пейзаж, музыкальные ассоциации, любовная лирика, однотипные поэтические приёмы.*

Abstract. *The article is devoted to revealing Fet's tradition in A.Blok's poetry.*
Keywords: *symbolist, Fet's style, literary tradition, elegiac view of the world, psychologically detailed landscape, musical associations, love poems, different poetic techniques.*

Русские символисты рассматривали Фета как своего исконного предтечу, учились у него «чувству поэзии, чувству красоты». Интересно, что К.Бальмонт, «сознавая себя прямым преемником поэтического наследия А.А.Фета... написал в Париже на склоне своих лет своеобразное миниатюрное признание в любви к своему старшему современнику», в котором указал, что, «звено с звеном свивая» [1: 202—203], на протяжении всего своего творческого пути держал в руках «фетовскую свирель». У А.Блока также есть стихотворение, посвящённое «свирельнику с именем лилейно-лёгким Фета» (К.Бальмонт) — «Памяти А.А.Фета» (1898), в котором удивительно точно передан фетовский стиль, использована характерная для поэтического языка художника XIX века лексика и даже, как нам кажется, прочитывается сюжет произведения А.Фета «В лунном сиянии» (1885), строки из которого в трансформированном виде взяты Блоком в качестве эпиграфа к собственному тексту.

А.БЛОК

Выйдем тихонько бродить
В лунном сиянии.
А.А.Фет

Шепчутся тихие волны,
Шепчется берег с другим,
Месяц колышется полный,
Внемля лобзаньям ночным.

В небе, в траве и в воде
Слышно ночное шептание,
Тихо несётся везде:
«Милый, приди на свидание...»
(Памяти А.А.Фета)
1898

По мнению В.Н.Орлова, с которым в данном случае нельзя не согласиться, «непрерывно расширяя свой поэтический диапазон, охватывая различные, порою очень далёкие друг от друга литературные традиции, Блок ничего не отвергал из исторического наследия русской поэзии» [2: 154]. Выявлению фетовской традиции в поэзии А.Блока и посвящена данная статья.

Е.Мешков. Илл. к книге «Стихи русских поэтов». *1988*

Произведения Фета и Блока роднит «сознательная авторская установка на недоговорённость» или акцент на ассоциативную связь между образами, «использование “музыкальной потенции слова”» [3: 38]. При этом важно помнить, что «категория музыки — вторая по значимости... в эстетике символизма. Вслед за Ф.Ницше и французскими символистами русские сторонники “нового искусства” считали музыку высшей формой творчества, потому что именно она даёт максимальную свободу самовыражения творцу — и максимальную свободу восприятия слушателю». Категория музыки значима для символистов и «как словесно-музыкальная фактура стиха, как максимальное использование звуковых и ритмических возможностей поэзии» [там же, 38—39].

В этой связи заслуживает внимания необыкновенная музыкальность фетовского стиха. Не случайно П.И.Чайковский в письме к великому князю Константину Константиновичу от 26 августа 1888 года писал о Фете: «Считаю его поэтом безусловно гениальным. <...> Фет в лучшие свои минуты выходит из пределов, указанных поэзии, и смело делает шаг в нашу область. Поэтому часто Фет напоминает мне Бетховена. <...> Подобно Бетховену, ему дана власть затрагивать такие струны нашей души, которые недоступны художникам, хотя бы и сильным, но ограниченным пределами слова. Это не просто поэт, скорее поэт-музыкант» [4: III, 239].

Именно музыкальность стиха, романсное начало, красота во всех её проявлениях роднят лирику Фета и Блока.

С музыкальной темой, например, связаны стихотворения Фета в разделе «Мелодии»: «Певице», «Бал», «Сияла ночь. Луной был полон сад...», «Шопену», «Романс» и другие. То же у Блока: «Голоса скрипок», «Песня за стеной», «Натянулись гитарные струны...», «Смычок запел. И облак душный...», «Романс» и другие.

Музыка — это не только одна из тем в творчестве Фета и Блока, фон, но и важнейшее поэтическое средство[1]. Так, большая часть фетовских стихов не имеет прямого отношения к музыке, однако является выражением «музыкально неуловимого» (Ап.Григорьев), передавая многообразие человеческих переживаний, чувств, их зыбких переходов и тончайших

[1] Не случайно Поль Верлен, один из основоположников французского символизма, восклицал в своём программном стихотворении «Поэтическое искусство»: «Музыки — прежде всего другого!» (пер. Г.Шенгели).

оттенков. Это стихотворения «Буря на небе вечернем...», «Я долго стоял неподвижно...», «Как мошки зарёю...», «Сны и тени...», «В дымке-невидимке...» и др. Подобное явление можно обнаружить и в лирике Блока: «Сольвейг», «Романс», «Голоса скрипок», «Приближается звук. И, покорна щемящему звуку...», «Ты — как отзвук забытого гимна...» и т. д.

Например, благодаря музыке Шопена, лирический герой стихотворения Фета «Шопену» (1882) погружается в воспоминания о давно прошедшем, но бесконечно милом и дорогом его сердцу и заново переживает былое. Сменяющиеся в стихотворении образы можно сравнить с льющейся мелодией, динамика которой передана глаголами «мелькнула», «предстала», «задрожало», «слышу», «коснулась», «встрепенулась», «несусь», «потух», «торжествует». Также обращает на себя внимание метафора «слышу трепетные руки».

И в блоковском шедевре «Приближается звук. И, покорна щемящему звуку...» (1912) прошлое переживается как волнующее настоящее. Фетовское отчётливо выступает здесь и в том, какое эмоциональное состояние вызывается у лирического героя звуком («молодеет душа»), и в том, что звук играет знаковую роль: он из настоящего переносит к прежним переживаниям, помогая ощутить полноту любви и счастья. Звук — блоковская метафора любви, которая не реализована в жизни, но вечна в памяти.

В стихотворении всё сплетается в причудливый рисунок: явь, сон, былое и настоящее. Уже первые строки («Приближается звук. / И, покорна щемящему звуку, / Молодеет душа») [5: III, 168] задают повышенный эмоционально-экспрессивный тон. Затем возникает следующий план — сон, отражающий прошлое героя, вызываемое чувственной памятью. Любовь лирического героя предстаёт в предельном напряжении чувства, она выходит на первый план как безусловная ценность жизни, как чувство сильное и незабываемое. На осязательном уровне это находит воплощение в описании руки возлюбленной, что, как и у Фета («Слышу трепетные руки...»), указывает на «спаянность» ощущений, полноту ответного чувства, единство которого выражается синтаксическим повтором этого образа, усиленного добавлением эпитета «милая»: «Хоть во сне твою прежнюю милую руку / Прижимая к губам» (ср. с первой строфой: «И во сне прижимаю к губам твою прежнюю руку, / Не дыша») [5: III, 168].

Ту же роль выполняет парадоксальное, как кажется вначале, сплетение понятий — «жизнь и горе отдам». На наш взгляд, в общем контексте стихотворения становится очевидным христианский подтекст этих слов, которые являются важной характеристикой героя, адресующего их своей возлюбленной: нераздельность существования и в горе, и в радости. Всё приносится на «алтарь» любви.

Раскрыть душевное состояние лирического героя помогают также упоминания старого дома с «окошком твоим» и пейзаж, детали которого («овраг», «бурьян», «колючий шиповник», «туман») возникают в памяти до мельчайших подробностей и, как нам представляется, не столько указывают на многочисленные преграды, встречавшиеся на пути к любви, сколько обнажают порывистость чувств, силу и глубину страсти.

Каждая строка заключительной строфы пронизана благоговением перед той, которая навсегда вошла в сердце и с которой связано сокровенное:

Этот голос — он твой, и его непонятному звуку
Жизнь и горе отдам,
Хоть во сне твою прежнюю милую руку
Прижимая к губам [5: III, 168].

Таким образом, музыка, звук в произведениях Фета и Блока позволяют заново увидеть и пережить прошлое.

С музыкальной тематикой, по мнению А.Тархова, связано и стихотворение А.Фета «Ярким солнцем в лесу пламенеет костёр...» (1859), которое, как считает исследователь, является выражением цыганской стихии, «как бы квинтэссенцией понимания и переживания “цыганского начала”» [6: 34]. «Фет создал стихотворение захватывающе-могучее, которое по силе воздействия можно поставить рядом с “Цыганской венгеркой” Григорьева. В основе фетовского монументально-лирического шедевра — два главных символа, две противостоящие и неотделимые друг от друга стихии: Костёр — и Ночь. <...> Фетовское переживание ночи очень разнообразно по чувству и по мысли; но постоянно у него стремление — постичь пред “лицом ночи” ценность и единственность жизни или измерить бездной ночного бытия всю глубину жизненного начала. Так и в стихотворении “Ярким солнцем”: лениво мерцает день — скупо теплится на поляне огонёк; но вот пришла Ночь — и разгорается ей навстречу, пламенеет Костёр. <...> Нет сомнения, что центральный образ “Ночного Костра” указывает на принадлежность стихотворения к кругу “цыганской тематики”; но, чтобы постичь высокий смысл этого образа у Фета, надо вглядеться в тех, кто окружает этот ночной костёр: это ведь — хор! Своим символическим сравнением дикой мощи и исступления цыганского хора с “шатающимся ельником” Фет как бы перекликается со словами А.Григорьева о глубоко природных истоках цыганского пения, с его мыслью об их “растительной гармонии”», — пишет исследователь, делая следующий вывод: «В глубине цыганской природы, в её “огненной музыкальности” Фет нашёл нечто чрезвычайно близкое своему мироощущению; именно поэтому одно из самых высоких его поэтических созданий — стихотворение “Ярким солнцем...” — есть одновременно и поразительный символ “цыганского духа” — духа огня и музыки, — и одновременно “пейзаж души” самого поэта: холод и мрак бытия подступают к нему, но “до костей и до сердца прогрело” его пламя негасимого костра, пламя “огненной музыки”. И наконец, костёр уподоблен Фетом солнцу: сама предельная степень, высший ранг сравнения цыганского ночного костра заставляют видеть в этом стихотворении мировоззренческую осознанность символики. Сам поэт предстаёт перед нами как служитель того необычайного культа, в котором как бы соединились воедино два древнейших “музыкальных миропонимания”: западный орфизм и донесённое цыганским племенем восточное огнепоклонство...» [там же, 34—35].

Но мы позволим себе не согласиться с автором данной статьи, так как, на наш взгляд, стихотворение «Ярким солнцем в лесу пламенеет костёр...» скорее является отражением импрессионистической манеры Фета. Да, «Ярким солнцем в лесу пламенеет костёр...» — одна из лучших «мелодий» Фета. Поэт умеет придать конкретному образу глубину и многозначность[1]. Вначале перед нами возникает реальная картина, нарисованная яркими, но контрастными красками: огонь — угли, жар — холод, пламя — зола, ночь — день. Однако за этой реальной картиной лирическому герою видится иной мир, созданный его воображением, где треск можжевельника ассоциируется с хором пьяных гигантов и заставляет героя забыть и о холоде ночи, и о «скупо мерцающем дне». Получается, что материалом для поэтического творчества является в данном случае не реальный мир, а образы, созданные в воображении поэта, точнее, отражение реального мира посредством фантастических образов, возникших в сознании воспринимающего этот мир субъекта[2].

Ещё одним фактором, сближающим поэтический мир двух поэтов, является биографический подход в создании поэтических текстов, который нашёл наиболее полное выражение в любовной лирике.

Так, интересно представлены отношения влюблённых в стихотворении А.Фета “Alter ego” (1878), где девушка сравнивается с «лилеей», а лирический герой — с ручьём. Эти сравнения, с одной стороны, признак поэтичности, красочности стиха, с другой — заключают в себе глубокий смысл: подобно отражению цветка в воде, девушка «отражается» в любимом человеке, узнаёт в нём черты своего собственного духовного облика, осознаёт в себе то, что до времени было скрыто от неё самой, и тем самым реализуется как женщина.

Лирический герой “Alter ego” вспоминает прошлое, романтические прогулки, когда они, «как боги», «взирали» на звёзды, ощущали духовную близость: «Ты душою младенческой всё поняла, / Что мне высказать тайная сила дала...» И через много лет тень умершей возлюбленной сопровождает его. С годами произошло высшее единение душ, когда влюблённые не существуют по отдельности и лирическое *я* переходит в *мы:*

<u>Нас с тобой</u> ожидает особенный суд;
Он сумеет <u>нас</u> сразу в толпе различить,
И <u>мы вместе</u> придём, <u>нас</u> нельзя разлучить!
[7: I, 55]

(Подчёркнуто нами. — *М.П., Л.С.*)

[2] На наш взгляд, интересный и содержательный анализ этого стихотворения дан Е.ЭТКИНДОМ. См.: Эткинд Е. Разговор о стихах. — М., 1970. — С. 232—236.

Последняя строчка, с небольшими отличиями дважды встречающаяся в тексте стихотворения, звучащая как заклинание, утверждает полное единение душ, как и необычная метафора третьей строфы:

Та трава, что вдали на могиле твоей,
Здесь на сердце, чем старе оно, тем свежей...
[7: I, 54].

Могильная трава «прорастает» в сердце лирического героя, никогда не увядая. Так проясняются взаимоотношения Афанасия Фета и его возлюбленной, в которой угадывается Мария Лазич, и в большей степени раскрывается смысл названия стихотворения: alter ego — второе я (лат.).

Осознание себя как части целого, как *мы* даётся и в стихотворении А.Блока «Помнишь ли город тревожный...» (1899), посвящённом Ксении Михайловне Садовской. Чувство Блока было взаимным, между ними возникла связь. Но со временем поэт охладел к своей первой возлюбленной и даже, как отмечает В.Н.Орлов, назвал их отношения «дорогою ложной», по которой они «безрассудно пошли», в стихотворении «Помнишь ли город тревожный...». Однако, на наш взгляд, трактовка отношений влюблённых в этом произведении не столь проста и прямолинейна, её нельзя свести к однозначному толкованию. В стихотворении явно ощутимы два временных плана и, соответственно, даются два взгляда на произошедшее. Чувство казалось лирическому герою «ложным» тогда, в момент переживания:

Шли мы — луна поднималась
Выше из тёмных оград,
Ложной дорога казалась —
Я не вернулся назад [5: I, 60].

Спустя годы повзрослевшему герою пережитое видится иначе. Теперь «ложной» представляется дорога, разлучившая влюблённых. Эта мысль дважды повторяется в блоковском тексте, имеющем кольцевую композицию:

Помнишь ли город тревожный,
Синюю дымку вдали?
Этой дорогою ложной
Молча с тобою мы шли... [5: I, 59].

Последняя строчка — лишь небольшая вариация заключительной строки первого четверостишия:

Помнишь ли город тревожный,
Синюю дымку вдали?
Этой дорогою ложной
Мы безрассудно пошли... [5: I, 60].

В этой связи и перекличка последних строк первой («Молча с тобою мы шли...») и четвёртой строф («Мы безрассудно пошли...») свидетельствует об изменении точки зрения лирического героя, его нынешнем видении бывших когда-то событий («молча» — «безрассудно»). А само любовное чувство вспоминается с грустью:

Наша любовь обманулась,
Или стезя увлекла —
Только во мне шевельнулась
Синяя города мгла... [5: I, 60].

В данном случае ещё более зримой, ощутимой становится связь этого стихотворения со стихотворением Фета “Alter ego”.

Блок переосмыслил свои отношения с Садовской после того, как получил ложное известие о её смерти, что и нашло отражение в позиции лирического героя. Вспоминая о первой любви, он, подобно фетовскому герою, понимает, что не только тогда было полное единение душ, но и теперь, в воспоминаниях о невозвратном.

Своеобразным подтверждением сказанному может служить и цикл Блока «Через двенадцать лет», со стихами которого явно перекликается не только блоковское «Помнишь ли город тревожный...», но и фетовское “Alter ego”.

В анализируемых произведениях любовь лирических героев и Блока, и Фета связана с необходимостью расставания. Однако, разлучившись физически, герои продолжают ощущать духовную близость. И эта невидимая связь оказывается значимой на протяжении всей жизни. Данная позиция не только заявлена в поэтических текстах, но и выражена в совпадениях на смысловом уровне:

Фет
И хоть жизнь без тебя суждено мне влачить,
Но мы вместе с тобой, нас нельзя разлучить!
[7: I, 54]

Блок
И ты навеки обручён
Той давней, незабвенной тени? [5: III, 118]

Фет
У любви есть слова, те слова не умрут.
Нас с тобой ожидает особенный суд;
Он сумеет нас сразу в толпе различить,
И мы вместе придём, нас нельзя разлучить.
[7: I, 55]

Блок
Ты позови — она придёт:
Мелькнёт, как прежде, профиль важный,
И голос, вкрадчиво-протяжный,
Слова бывалые шепнёт. [5: III, 118]

И на уровне метафорическом:

Фет
Та трава, что вдали на могиле твоей,
Здесь на сердце, чем старе оно, тем свежей,
И я знаю, взглянувши на звёзды порой,
Что взирали на них мы как боги с тобой.
[7: I, 54—55]

Блок
Иль первой страсти юный гений
Ещё с душой не разлучён,
И ты навеки обручён
Той давней, незабвенной тени? [5: III, 118]

Подтверждение сказанному находим и во втором стихотворении цикла «Через двенадцать лет»: «Весь я — память, весь я — слух, / Ты со мной, печальный дух, / Знаю, вижу — вот твой след, / Смытый бурей стольких лет» [5: III, 119], а также в последнем стихотворении блоковского цикла: «Всё, что память сберечь мне старается, / Пропадают в безумных годах, / Но горящим зигзагом взвивается / Эта повесть в ночных небесах. / Жизнь давно сожжена и рассказана, / Только первая снится любовь, / Как бесценный ларец перевязана / Накрест лентою алой, как кровь» [5: III, 122].

Важно и то, что у обоих авторов любовные переживания связаны с их поэтическим призванием.

У Фета возлюбленная первой поняла его высокое предназначение:

Ты душою младенческой всё поняла,
Что мне высказать тайная сила дала... [7: I, 54]

А у Блока чувство первой любви воспринимается и трактуется как своеобразный эмоциональный посыл к поэтическому творчеству:

Эта юность, эта нежность —
Что для нас она была?
Всех стихов моих мятежность
Не она ли создала?
(Шестое стихотворение цикла)
[5: III, 121]

Характерной особенностью лирики Фета является и стремление поэта зафиксировать впечатление от мига, передать его мгновенность и текучесть, а вернее, поделиться впечатлением от увиденного или перечувствованного. Обратимся в этой связи к нашумевшему когда-то стихотворению Фета «Шёпот, робкое дыханье...» (1850). Оно основано на использовании такого приёма, как психологический параллелизм. Через природные описания поэту удаётся удивительно точно передать переживания лирического героя. Как отмечает В.С.Баевский, в произведении «строго выдержано соответствие между миром природы и миром человека с перевесом мира человека. И хотя нет ни одного глагола, стихотворение насыщено действием» [8: 165], в нём легко угадывается сюжет свидания влюблённых. Подобный приём неоднократно встречается и у Блока. Так, отголоски фетовского шедевра слышатся в стихотворении «Глушь родного леса...» (1901), первая строфа которого — два безглагольных предложения. Через описание увядающей, но ещё яркой осенней природы («Глушь родного леса, / Жёлтые листы. / Яркая завеса / Поздней красоты» [5: I, 372]) Блок передаёт сожаление героя, связанное с ушедшим чувством: «Замерли далече / Поздние слова, / Отзвучали речи — / Память всё жива» [там же].

И несмотря на то, что любовные переживания ещё напоминают о себе: «Отзвучали речи — / Память всё жива», метафора «яркая завеса поздней красоты» подчёркивает бесполезность последних просьб и обещаний: «Замерли далече / Поздние слова». При этом, как и у Фета, отсутствие глаголов-сказуемых лишь усиливает напряжённость переживаний

лирического героя. Подобно Фету, Блок в маленьком стихотворении, состоящем из восьми строк, сумел передать душевное движение, «внутреннее развитие» (В.С.Баевский). И хотя в эмоциональном плане эти стихотворения различны — фетовское «Шёпот, робкое дыханье...» обольщает читателей «своей благоуханной свежестью» (М.Е.Салтыков-Щедрин), его метафоры яркие и светлые: «пурпур розы», «отблеск янтаря», а метафоры блоковского текста вызывают ощущение грусти и сожаления об утраченном, они являются ярким примером переклички «технической», так как обнаруживают преемственность в использовании художественных средств и приёмов.

Подобные «переклички» неоднократно возникают у Блока на протяжении его творческого пути. Так, поэт развивает «иррациональные» фетовские метафоры и «необъяснимые сравнения». Например, у Фета: «душа алкала», «тоскливой жизни цепь», «лоно вечности» («О нет, не стану звать утраченную радость...»); «воздух пьян» («Фонтан»); «палящего солнца лобзанье» («За горами, песками, морями...»); «слышу трепетные руки» («Шопену»); «звездистые очи» («Соловей и роза»), «утро... ярко пышет на ямках ланит» («На заре ты её не буди...»); «река... стального зеркала светлей», «и речка... за льдиной выпускает льдину как будто стаю лебедей» («Опять незримые усилья...»), а у Блока: «глухие вечера» («Пётр»); «запоёт мечта» («Дали слепы, дни безгневны...»); «онемелая волна», «вздох волны» («Взморье»); «красной медью зазвучу» («Поёт, краснея, медь. Над горном...»); «тонкое имя», «тихое солнце» («К вечеру вышло тихое солнце...»); «корабль души», «тишина цветёт» («Тишина цветёт»); «даль опустила синий полог» («Так окрылённо, так напевно...») и т. д.

Привлекают внимание и разнообразные виды повторов, используемые обоими авторами. Сравним:

Фет
Но мне понятней ещё говорит
Этот правдивый румянец ланит,
Этот цветов обмирающих зов,
Этот теней набегающий кров,
Этот предательский шёпот ручья,
Этот рассыпчатый клич соловья.
(«Чуя внушённый другими ответ...», 1890)
[7: I, 140]

Блок
Розы — страшен мне цвет этих роз,
Это — рыжая ночь твоих кос?
Это — музыка тайных измен?
Это — сердце в плену у Кармен?
(«Вербы — это весенняя таль...», 1914)
[5: III, 147]

В ритмико-мелодической организации поэтического текста Фета и Блока также обращают на себя внимание повторы, которые не только придают экспрессивную окраску выделяемому слову, но и модифицируют его смысловую наполненность. Часто анафорические повторы способствуют передаче психологического напряжения, переживаемого героем. Например:

Фет
Запретили тебе выходить,
Запретили и мне приближаться,
Запретили, должны мы признаться,
Нам с тобою друг друга любить.
(«Запретили тебе выходить...», 1890)
[7: I, 141]

Блок
Я медленно сходил с ума...
Я плакал, страстью утомясь...

Я медленно сходил с ума,
Я думал холодно о милой.
(«Я медленно сходил с ума...», 1914)
[5: I, 138—139]

Это могут быть повторы колористических эпитетов, передающих краски живой природы, а также лексический подбор, который служит усилению того или иного признака, той или иной стороны изображаемого. Например:

Фет
Только в мире и есть, что тенистый
Дремлющих клёнов шатёр.
Только в мире и есть, что лучистый
Детски задумчивый взор.
Только в мире и есть, что душистый
Милой головки убор.
Только в мире и есть этот чистый
Влево бегущий пробор.
(«Только в мире и есть...», 1883)
[7: I, 136]

Блок
За то, что ты светлой невестой была,
За то, что ты тайну мою отняла.
За то, что связала нас тайна и ночь,
Что ты мне сестра, и невеста, и дочь.
За то, что нам долгая жизнь суждена...
(«Люблю Тебя, Ангел-Хранитель во мгле...», 1906)
[5: II, 95]

Лирика Фета и Блока — это и своеобразные внутренние монологи или диалоги, с вопросами и ответами, порой с обращением к отсутствующему собеседнику, например:

Фет
Не отходи от меня,
Друг мой, останься со мной,
Не отходи от меня:
Мне так отрадно с тобой...
(«Не отходи от меня...», 1842)
[7: I, 116]

Блок
И Ты явилась: тихой властью
В моей затеплилась груди,
И я зову к тебе со страстью:
«Не покидай! Не уходи!»
(«Вхожу наверх тропой кремнистой...», 1899)
[5: I, 286]

Вопросы в фетовских и блоковских стихах непростые, передающие то смятение лирического героя, то его трудные раздумья, а порой и трагически окрашенные:

Фет
Бежать? Куда? Где правда, где ошибка?
Опора где, чтоб руки к ней простерть?
(«Смерть», 1878)
[7: I, 55]

Блок
Ужель и сила покидает,
И мудрость гасит светоч свой?
Ужель без песни умирает
Душа, сражённая тоской?
(«Нет ни слезы, ни дерзновенья...», 1900)
[5: I, 247]

Таким образом, с полным основанием можно говорить о том, что в поэзии Фета Блок нашёл созвучный себе элегический взгляд на мир; их творческие почерки сближают психологическая тонкость пейзажа, поиск гармонии в слиянии с природой, особое отношение к сочетанию света и тени в создании образов, музыкальные ассоциации, использование однотипных поэтических приёмов. «Проблема выработки нового лирического стиля заключалась для Блока в значительной степени в свободном сочетании и перегруппировке элементов различных стилей... а отнюдь не в разрушении старых форм и не в отказе от традиций» [2: 154]. И многое было заимствовано здесь из поэтического мира А.Фета, творчество которого подготовило почву для развития нового строя русского лирического стиха, получившего выражение в поэзии К.Бальмонта, В.Соловьёва, В.Брюсова, А.Белого и А.Блока.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЖЕМЧУЖНЫЙ И.С. А.А.Фет и К.Д.Бальмонт // 175 лет со дня рождения Афанасия Афанасьевича Фета: Сб. науч. трудов. — Курск: КГПУ, 1996. — С. 184—203.

2. ОРЛОВ В.Н. Александр Блок. — М., 1956. — 262 с.

3. КАРСАЛОВА Е.В., ЛЕДЕНЁВ А.В., ШАПОВАЛОВА Ю.М. Серебряный век русской поэзии. — М., 1996. — 192 с.

4. ЧАЙКОВСКИЙ М. Жизнь Петра Ильича Чайковского (По документам, хранившимся в архиве в Клину): В 3 т. — Т. 3 (1885—1893). Печ. по изд. 1903 г. — М.: Алгоритм, 1997. — 616 с. — Серия «Гений в искусстве».

5. БЛОК А.А. Собр. соч.: В 6 т. — Т. 1—3. — М., 1971.

6. ТАРХОВ А.Е. «Музыка груди» (О жизни и поэзии Афанасия Фета) // Фет А.А. Сочинения: В 2 т. — Т. 1. Стихотворения; поэмы; переводы / Сост., вступ. статья и коммент. А.Е.Тархова. — М., 1982. — С. 5—38.

7. ФЕТ А.А. Сочинения: В 2 т. Стихотворения; Поэмы; Переводы / Сост., вступ. статья и коммент. А.Е.Тархова. — М., 1982. — Т. 1. — 575 с.

8. БАЕВСКИЙ В.С. История русской поэзии: 1730—1980. Компендиум. — М., 1996. — 320 с.

ШИРИНА Елена Алексеевна —
кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
shirina@bsu.edu.ru

ОБРАЗ ПРИРОДЫ КАК КЛЮЧ К ОСМЫСЛЕНИЮ ВОЙНЫ И МИРА В РОМАНЕ-ЭПОПЕЕ М.А.ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»

Аннотация. *В статье рассматривается роль пейзажа в шолоховском художественном осмыслении истории в романе-эпопее «Тихий Дон» (в воссоздании полотна мирной казачьей жизни, оценке событий Первой мировой и Гражданской войн, вёшенского восстания).*
Ключевые слова: *«Тихий Дон», образ природы, роман-эпопея, функции пейзажа, авторская концепция истории.*

Abstract. *The article examines the role of landscape in Sholokhov's artistic interpretation of the history in the epic novel "And Quiet Flows the Don" (in recreation of peaceful Cossack life and evaluation of the events of the First World War, Civil War and Vyoshenskaya uprising).*
Keywords: *"Quiet Flows the Don", image of nature, epic novel, landscape features, author's concept of history.*

Дом М.А.Шолохова стоит на крутом берегу реки, давшей название роману «Тихий Дон». С пространством исторической области войска Донского связаны вся жизнь и творчество писателя, и вне этой связи с казачеством, вне сыновней близости автора эпопеи к родной степи и Дону едва ли возможно понять его наследие. Однако простая констатация факта (автор писал о том, что видел, хорошо знал и любил) никак не проясняет тех глубоких смыслов, которые таит в себе шолоховский образ природы. Совокупный образ природы в романе-эпопее М.А.Шолохова как сложно организованное единство включает пейзажи (развёрнутые описания открытых пространств), «портреты» отдельных объектов животного и растительного мира, сравнения человека и истории с предметами и процессами, протекающими в природе, суждения автора и персонажей, их чувства и действия по отношению к окружающей среде. Показательно, несомненно, то, что в «Тихом Доне» около двухсот пейзажей, которые составляют, по подсчётам Б.Косановича, девятую часть текста[1].

Усадьба М.А.Шолохова в станице Вёшенской

«Вездесущность» природы — отражение авторского представления о всеобщей взаимосвязанности явлений и предметов в истории, природе, социуме. Т.Я.Гринфельд писала: «...природа у Шолохова выступает как вездесущая материя, вписанная во все слои повествования»[2]. На особую функцию естественно-природного начала в шолоховских произведениях, исходящую из философской установки о том, что природа — «это материальная и духовная *первооснова бытия,* субстанция, *сосредоточившая в себе качества животворящего мира*», указывал Ю.А.Дворяшин[3].

Образ природы как вездесущий персонаж появляется в рамочных элементах композиции — названии и эпиграфах — и во всех ключевых точках сюжета. Наиболее многозначен начальный пейзаж. Первые фразы романа-эпопеи вроде бы чисто информативные: «Мелеховский двор — на самом краю хутора.»[4] (1, 11). Но каждое слово в них, по замечанию В.Кожинова, связано с образом Григория Мелехова: «В "образе" мелеховского двора проступает образ самого героя — его вольность и устремлённость за пределы отлаженного быта, его ощущение неограниченности бытия»[5]. Автор задаёт бытийный масштаб художественной реальности, вписывая дом в мир, соотнося мелеховский двор со всеми сторонами света: с севера — Дон, с востока — Гетманский шлях и степь, с юга — гора, а улица, ведущая в центр хутора, — с западной стороны. Так в одной пейзажной картине соединяется несколько значений — несомненно узнаваемый поэтический местный колорит, особенность положения мелеховского двора («на краю хутора») связана с судьбой главного героя, открытость куреня на все стороны света говорит о масштабе повествования, близость главной военно-исторической дороги — Гетманского шляха — намекает на сложность исторического конфликта между Доном и Советской Россией.

Если начальный пейзаж «Тихого Дона» — экспозиция основных сюжетных линий, то в финальной картине авторское видение жизни как трагедии, «оплакивание родства», идея преодоления смуты через смирение: «Он стоял у ворот родного дома, держал на руках сына...

Это было всё, что осталось у него в жизни, что пока ещё роднило его с землёй и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром» (4, 463).

Разговор о пейзаже и других формах присутствия природы в «Тихом Доне» может быть темой двух занятий (одного урока недостаточно), а можно из урока в урок последова-

тельно прибегать к анализу пейзажа, ведя речь как о мирной казачьей жизни, так и о войне, о воссоздании народного характера и пути Григория Мелехова, его поисках правды, эмоциональном состоянии персонажей. Выходя на проблемы жанра, композиции, средств выражения авторской позиции в эпическом произведении, классических традиций, приёмов типизации и психологизма, стоит прокомментировать эпические параллели и контрасты, пейзажи-предзнаменования, символико-психологические картины, портретные детали, высказывания персонажей о родной земле. Не менее важно то, что изображение природы показательно для выяснения особенностей творческого мышления автора, его стиля. В данной статье мы предлагаем материал к одному из возможных приёмов анализа исторической линии романа-эпопеи «Тихий Дон» сквозь призму образа природы.

В романе-эпопее пейзаж полифункционален, но всё-таки основное его назначение, по Гегелю, поддерживать действие пафоса. «Там, где мир пребывает в состоянии великого и бескомпромиссного социального переворота, как раз этот, “традиционно-эпический”, элемент зачастую оказывается наиболее надёжной опорой для писателя, желающего выразить трагедию и борьбу целого народа», — верно отмечал Д.Затонский[6].

«Тихий Дон» объективно сопоставим с «Войной и миром». В этих произведениях близки проблематика, объект изображения, масштаб осмысления событий, место и время действия, многогеройность, наличие эпического героя, жанрово-родовой синтез. Главное отличие кроется в пафосе (доминирующее героическое начало у Толстого связано с тем, что в Отечественной войне 1812 года побеждает сплотившийся народ; трагическое начало у Шолохова формируется авторской оценкой Гражданской войны как братоубийственной).

Эпопею Шолохова, как и эпопею Толстого, организует противопоставление двух состояний МІРА — война и мир. В центре задуманного писателем в 1925 году романа о казачестве в революции стояла «мысль народная», которая сохранила своё значение в более широко развёрнутом полотне, завершённом в 1940 году.

Представление о народной жизни формируется изображением мирного Дона в первой книге романа-эпопеи. Довоенная жизнь гармонизирована (критика в конце 1920-х годов не без оснований обвиняла автора в идеализации казачества, чувствуя любовное внимание автора к природно-семейному ладу и не замечая при этом, что Шолохов не скрывал предрассудки, жестокость, чувство сословного превосходства, характерные для персонажей хутора Татарского).

Целостное полотно патриархального быта и нравов вырисовывается благодаря хронологической последовательности сюжетного действия. В довоенных главах неспешно воссоздаётся круг забот земледельца и разворачивается любовно-семейная линия: в мае 1912 года — рыбалка, лагерный

Г.Литвиненко. Степь ковыльная. *2013*

сбор, на Троицу — луговой покос, в августе — уборка хлеба, сговор о свадьбе, в октябре — свадьба, в ноябре — пахота, в декабре — порубка хвороста. Весной 1913 года Григорий переправляется через Дон, охотится с паном, на Пасху пытается покончить с собой Наталья, в августе проходит жатва, рождение дочери Аксиньи и Григория, в декабре—январе — подготовка Григория к службе, в марте 1914 года — возвращение Натальи в дом Мелеховых, сухим летом того же года объявляется война. Во всей мирной жизни — размеренность и целесообразность, течение жизни подчинено природному календарю. В картинах природы в «Тихом Доне» неразрывно слиты поэзия природы и труда.

Выразительным свидетельством содружества человека земли с природой является пейзаж лугового покоса. Его можно считать символом гармоничной довоенной жизни. Обратим внимание на то, как Шолохов передаёт слитность природы и работников, как через пейзаж он изображает чувства казаков и выражает своё отношение к людям, земле, труду. Весь день лугового покоса с раннего утра до ночи передан в ярких деталях. Обстоятельность повествования уже говорит о важности сцены в идейно-художественной структуре эпопеи. «С самого утра *зацветало* займище праздничными бабьими *юбками*, ярким шитвом завесок, красками платков. <...> От Дона до дальних ольховых зарослей шевелился и *вздыхал* под косами опустошаемый *луг* (1, 47). Слитность людей и земли передают метафоры, «займище зацвело... юбками» — люди вписаны в природу, разноцветье праздничных одежд сравнивается с луговым разнотравьем; «шевелился и вздыхал... луг» — с живым существом сравнивается земля. В короткой зарисовке использовано двойное уподобление: люди — растения, земля — люди. Дальнейшее повествование — о Мелеховых, припозднившихся с выездом на покос, об изменении лица луга к полудню, о погоде и настроениях людей: «...солнце насквозь пронизывало седой каракуль туч, опускало на далёкие серебряные обдонские горы, степь, займище и хутор веер дымчатых преломлённых лучей» (1, 48).

«Луг, скошенный возле хуторских гумен, светлел бледно-зелёными пятнами; там, где ещё не сняли травы, ветерок шершавил зелёный с глянцевитой чернью травяной шёлк» (1, 49). Обращает на себя внимание богатство цветовых оттенков (седой, дымчатый, серебряный), сравнения с ценными металлами, дорогими тканями, мехом (серебром, шёлком, каракулем), которые говорят о прочности и красоте мира. Повествователь любуется праздничным лугом, который преображается в результате работы людей: он изменяет цвет, бледно-зелёные пятна контрастируют с тёмно-зелёными участками, где трава ещё не тронута. Единство настроения человека и природы выражается замечанием о лице Дуняшки, которое «словно говорило: мне весело и хорошо оттого, что день, *подсиненный* безоблачным небом, тоже весел и хорош; оттого, что на душе вот такой же *синий покой и чистота*. Мне радостно, и больше я ничего не хочу» (1, 48). Счастливая беззаботность подростка, спокойная и благодарная деловитость косцов, смех, радуга праздничных завесок и косынок — всё говорит о радости бытия, которую испытывают простые люди в труде. Благодарность Богу за такое счастье — в улыбке Пантелея Прокофьевича, взявшего в руки косу, в его обращении к колокольне, перекрестившись на которую старик начал косить, в отношении Григория к работе: он шёл следом за отцом, «полузакрыв глаза, стелил косой травьё».

Повествование о покосе включает и любовную линию. Размеренная работа Григория соединилась с воспоминаниями об Аксинье: «шагал под счёт — раз, два, три; память подсовывала отрезки воспоминаний: “Сидели

под мокрой копной... в ендове свиристела турчелка... месяц над займищем... и с куста в лужину редкие капли *вот так же* — раз, два, три. <...> Хорошо, ах, как хорошо-то!"» (1, 49). А в ночном пейзаже есть символы, предваряющие развитие любовного сюжета: «над займищем по чёрному недоступному небу шёл ущербленный месяц. Над огнём метелицей порошили бабочки» (1, 51).

Таким образом, небольшая глава содержит множество пейзажных деталей, через которые автор сумел показать как общую связь казаков с природой (хутор — луг), так и индивидуальную (Дуняшка, Пантелей Прокофьевич, Григорий и Аксинья с их настроениями).

Шолохов воссоздал эмоциональное восприятие его героями процессов труда, с нелёгкой работой связаны любимые запахи, звуки. Способность к эстетическому переживанию сохраняется в крепком хозяине, ретивом казаке Пантелее Прокофьевиче Мелехове. Обратимся к психологически и философски насыщенному лесному пейзажу (из шестой — кульминационной — части произведения), благодаря которому образ Мелехова-старшего раскрывается с неожиданной стороны, здесь не грозный, иногда чудаковатый казак появляется перед читателем, а мудрый, деятельный крестьянин, который ищет спасения от отчаяния в работе и природе. Эта картина — одна из лучших в романе и самых показательных с точки зрения особенностей шолоховской предметной изобразительности. Герой наделяется авторским видением мира. Описание начинается с олицетворения: «за Доном в лесу прижилась *тихая ласковая осень...».* Дважды сравнивается с огнём шиповник: кусты, «будто объятые пламенем», ягоды, «как огненные язычки», ветви черноклёна уподобляются взлетающей сказочной птице.

Первая часть эпизода — описание леса — построена на доминанте тишины. Тишина чаще всего у М.А.Шолохова «оценивается» положительно, она называется ласковой, благостной, великой. С мотива тишины начинается описание, им же и завершается его первая часть: «молчаливая красота», «тихо ступал». Тишину подчёркивают звуки: шелест падающих листьев, щебетание дроздов, стук дятла.

В обеих частях зарисовки автор передаёт восприятие Мелеховым-старшим запахов: «горький, всепобеждающий запах сопревшей дубовой коры», «терпкий запах увядшей листвы». Самые подробные — зрительные наблюдения, они преобладают во второй части природоописания. Герой отмечает особенности роста, степень зрелости, влажность, цвет и освещение всех предметов природного мира. В зарисовке присутствует удивительное богатство красок: дымчато-сизые ягоды ежевики, серебряная паутина, багряные хвосты сазанов, золотистая, с красной медью чешуя, зелёные кувшинки, голубой горизонт, вызолоченные перелески, пурпурные листья черноклёна. Свет создаёт праздничное ощущение блеска и сияния. То, что видит Пантелей Прокофьевич в лесу, контрастирует с его мыслями о войне и смерти, мыслями, от которых «тускнеет» и одевается «чёрной пеленой» мир. Героя спасает забота о доме и способность видеть красоту природы в деятельном общении с ней. Однокоренные слова «облюбовал», «любовался», «полюбовался ещё раз», выражающие отношение героя к природе, употреблены трижды, об этом же отношении говорят и эпитеты: «несказанно нарядный», «сказочная» птица, «могучая» рыба, «искусно» прятались.

Пейзаж перемежается с повествованием о работе. Отдыхая от работы, старик жадно вдыхал «*терпкий запах* увядшей листвы, долго глядел на далёкий горизонт, повитый голубой дымкой, на дальние перелески, вызолоченные осенью, блещущие последней красотой» (там же), любовался кустом черноклёна, стоявшего неподалёку. В дереве он увидел дивную красоту: «*несказанно нарядный* он (куст. — *Е.Ш.*) весь сиял под холодным осенним солнцем, и раскидистые ветви его, отягощённые пурпурной листвой, были распахнуты, как крылья взлетающей с земли *сказочной* птицы» (там же).

Непрерывное общение с природой приучает человека не только согласовывать свои действия с природными законами, но и вступать в борьбу со стихиями, способными поглотить человека, уничтожить результаты длительного труда. Ярким доказательством *противоборства с природой* является поведение героев во время грозы на Дону, борьба Григория с освобождающейся ото льда безымянной степной речкой.

В четвёртой главе первой части описана ловля рыбы с бреднем, ей предшествует картина грозы: «к вечеру собралась *гроза*. Над хутором стала бурая туча. Дон, взлохмаченный ветром, кидал на берега гребнистые частые волны. За левадами палила небо сухая молния, давил землю редкими раскатами гром» (1, 30). Силы природы вызывают суеверный страх у людей: крестятся старухи, спешащие по домам из церкви, закрываются ставни куреней. У Мелеховых гонят прочь кошку — нечистый дух, Дарья осеняет крестом все окна. Страх — удел женщин, а казаки не боятся грозы. Пантелей Прокофьевич требует готовить бредень. Ни ливень, ни стонущий рёв Дона, ни ветер, рвущий тучи и полотно дождя, не вызывают у Пантелея Прокофьевича желания спрятаться в доме, в тепле. На реке он кричит, «*осиливая* хлобыстающий ветер», по-хозяйски велит занять место «от глуби» Григорию, а по краям идти бабам. Борются с ветром и течением Григорий и Аксинья, сбитая с ног огромным сомом, прорвавшим бредень.

Во второй части повествуется о том, как Григорий переправлялся через небольшую реку по хрупкому мартовскому льду. Речка, «пополняемая коричневыми потоками талой воды, пухла, пенилась, подступая к улочкам» (1, 188). Она едва не поглотила Григория — сани перевернулись, испуганный конь ударил Мелехова копытом в колено, в ледяной воде коченели руки и вырывались поводья, на отмели его подмяли сани. Несмотря на это, Григорий смог выбраться из реки. Сцена борьбы за жизнь в мутном водовороте символична, она ассоциативно перекликается с положением Григория и крестьянства в стихии революции, способствует эпизации образа главного героя. И вместе с тем эта сцена, как и эпизод рыбной ловли в грозу, заключает в себе авторскую веру в неистощимые силы народа.

Не только разбушевавшийся Дон заставляет напрячь все силы, чтобы выжить. Обычная уборка хлеба — покос, молотьба — напряжённый труд, без которого невозможна крестьянская жизнь. Земля награждает любящих её людей богатырской силой. Работник земли выступает её равнодостойным союзником. Вот уборка хлеба, изображённая в первой части: «по степи, до голубенькой каёмки горизонта, копошились люди. Стрекотали, чечекали ножи косилок, пятнилась валами скошенного хлеба степь. Передразнивая погонычей, свистели на курганах сурки.

— Ишо два загона — и закурим! — сквозь свист крыльев и перестук косогона крикнул, оборачиваясь, Петро. Григорий только кивнул. Обветренные, порепавшиеся губы трудно было разжимать» (1, 81—82). Жатва в лето 1914 года не легче: «хутор скочевал в степь. Косили жито. Выматывали в косилках лошадей, задыхались в духоте, в пряной пыли, в хрипе, в жаре. <...> Наталья остановила лошадей, задыхаясь, будто она тянула косилку, а не лошади» (1, 244).

Эпизод жатвы в романе-эпопее М.А.Шолохова «Тихий Дон» завершает рассказ о мирной жизни донского казачьего хутора и предшествует сцене объявления о мобилизации, является экспозицией главной (военно-революцинной) сюжетной линии.

Взгляд Шолохова на войну народный, христианский, война описывается как трагедия в жизни народа, что воплощается в стилистике пейзажей, их символической наполненности. В первой главе III части автор прибегает к эпическому *пейзажу-предзнаменованию*. Пейзажная картина подкрепляется многоголосым комментарием, в котором выражено крестьянское мировосприятие. В первом предложении описания назван главный признак сезона: «сухое тлело лето». Инверсионный порядок слов сохранится во всём описании, внося предощущение чего-то грозного. Определение оторвано от определяемого слова, чем акцентируется названный признак, а дальше перечисляются черты этой сухости: обмелел Дон, ночные густые тучи не роняли ни капли дождя. Земля пышет «горячечным жаром», прижжены травы, «горели сухостойные бурьяны», «вхолостую палила молния». Картина довершается страшными криками сыча, ревущего и стонущего то на колокольне, то на кладбище. «Худому быть, — пророчили старики, заслышав с кладбища сычиные выголоски.

— Война пристигнет» (1, 229).

В описании лета нет светлых солнечных красок, напротив, подчёркнуто повторяется слово «ночами», «по ночам». «*Ночами* в хутор сползала с гребня густая текучая духота» (там же), «*ночами* густели за Доном тучи...», «*по ночам* на колокольне ревел сыч». В темноте ночи «невидимый и таинственный», сеял он «над сонным хутором тревожные клики» (там же).

Ощущение трагедии передаётся не только через символику тьмы, но и через цветовой колорит картин. В III главе третьей части речь идёт об объявлении мобилизации в начале войны 1914 года, здесь жёлтый цвет связан с предчувствием несчастья. Первое предложение «Над степью — *жёлтый* солнечный зной» создаёт эмоциональное напряжение. Оно подкрепляется описанием, в котором развивается мотив огня, пыли, желтизны: «*Жёлтой* пылью дымятся нескошенные вызревшие заливы пшеницы... *Иссиня-жёлтая* наволока неба накалена жарой. Там, где кончается пшеница, — *шафранная* цветень донника». Хуторяне в степи косят жито, верховой объявляет сполох, он загнал коня, отливающего «стальным блеском», с него упала в пыль «*желтоватая пена*» (1, 244).

Казаки бросают работу, мчатся в хутор. «Со всех концов по *жёлтым* скошенным кулигам хлеба скакали к хутору казаки. По степи, до самого *желтеющего* в дымчатой непрогляди бугра, вздували комочки пыли всадники, а там, где, выбравшись на шлях, скакали они толпою, тянулся к хутору серый хвостище пыли». Растаял в облачке пыли и Петро, «как и те, что серыми текучими веснушками расцветили истлевавшую в зное степь», — это конечная фраза главы. Она перекликается с начальной. Писатель, нагнетая жёлтый и серый цвета, варьируя мотив зноя, показывает несчастье, обрушившееся на казаков с появлением вестового. Манера Шолохова в данном описании-повествовании напоминает экспрессионистическую, картина формирует ощущение неблагополучия.

В пейзажах войны устойчиво повторяется мотив неубранного хлеба, наиболее остро выражающий чувства хлебороба, оторванного от мирного труда: «вызревшие хлеба топтала конница, на полях легли следы острошипых подков, будто град пробарабанил по всей Галиции» (1, 287). Уничтожение плодов труда земледельца действиями людей сравнивается со стихийным бедствием, и это сравнение лаконично выражает состояние хлебороба, бессильно сокрушающегося о потерях.

В шолоховских пейзажах войны постоянно применяется приём *антропоморфизма*. Народное сознание, сохраняющее в языковой метафоричности мифологические черты, олицетворяет природу, представляет землю страдающим существом, терпящим тяжёлые испытания. Это отражается в стилистике шолоховского пейзажа: «там, где шли бои, *хмурое лицо земли* (метафорический эпитет. — *Е.Ш.*; далее в скобках пометы мои. — *Е.Ш.*) оспой взрыли (сравнение земли с больным человеком) снаряды: ржавели в ней, тоскуя по человеческой крови, осколки чугуна и стали (осколки одушевлены, они ждут новых жертв). По ночам за горизонтом тянулись к небу *рукастые* алые *зарева* (метафорический эпитет), зарницами полыхали деревни, местечки, городки (сравнение пожара с зарницей). В августе, когда вызревают плоды и доспевают хлеба, небо неулыбчиво серело, редкие погожие дни томили парной жарой (небо одушевлено — оно неулыбчиво, серое небо и жара внутренне контрастируют с обычной погодой августа — одного из самых благодатных месяцев, чем подчёркивается всеобщее неблагополучие).

Г.Литвиненко. Холмы Дона. *2010*

К исходу клонился август. В садах жирно желтел лист, от черенка наливался *предсмертным* багрянцем (лист умирает — олицетворение), и издали *похоже* было, что деревья — в рваных ранах и кровоточат рудой древесной кровью» (1, 287—288, сравнение деревьев с раненым человеком). Изменения на лице земли ассоциативно связываются с переменами в людях: «каждый по-своему вынашивал в себе и растил семена, посеянные войной» (там же; здесь видим обратную метафору: не природное уподобляется человеческому, а человек — засеянному полю).

Страдание переносится на звёзды, солнце, колосья: «А над намокшей в крови Беларусью *скорбно* слезились звёзды» (2, 89), «выхолощенные ветром колосья горбились и *скорбно* шуршали» (1, 312), «*по-вдовьему* усмехалось *обескровленное* солнце» (1, 335).

Осенние пейзажи вырастают в символическую параллель социальным катаклизмам. Доминирующий цвет осени — жёлтый — получает у Шолохова экспрессивное наполнение, связывается с болезненностью, страданием, смертью. «Ветер сорвал с месяца завесу тучи и на местечко, на купы садов... потёк *жёлтый мертвенный* свет» (1, 280). В этой же главе описан подвиг Крючкова и лицо убитого им австрийского офицера из разъезда — «молодое, нахмуренное, уже *пожелтевшее*» (1, 285). В XII главе дан вид зарубленного Чубатым пленного: «на траве тускло, осенним листом *желтела* ладонь» (1, 316). Ряд примеров можно продолжить: «розовели травы... в предосеннем, кричащем о скорой смерти цвету» (1, 333), «за Доном, тронутый *желтизной*, горюнился лес» (1, 335). Найденный образ повторяется в рассуждениях героев, в других зарисовках, например в кладбищенском пейзаже, где значим не только повтор, но и определение героем его символического смысла: «наступающая осень уже окрасила листья в *жёлтый, горький цвет увядания*» (4, 194).

Нередко сравнения с природой проводятся по принципу контраста. В «Тихом Доне» *пейзажи-контрасты* наделены морально-разоблачительной функцией, подобно картинам природы в «Севастопольских рассказах» и «Войне и мире», где Толстой для осуждения войны прибегал к антитезе природы и социума[7].

Шолохов, как и Толстой, обращается к поэтике контраста для выражения антивоенных настроений. В XV главе четвёртой части речь идёт о нежелании особой казачьей сотни участвовать в захвате Корниловым власти. Начинается глава пейзажной зарисовкой, построенной на антитезе изуродованной войной опушки леса и болота, хранившего следы мирного труда: «У опушки рос чахлый, ощёлканный пулями бурьянок, сугорбились *обугленные* пни, *желтел* бурой глиной бруствер, далеко в стороны по голому полю отходили морщины окопов. Позади даже болото, изрытвленное рябью разработок, даже разрушенное шоссе пахли жизнью, кинутым трудом, у опушки же безрадостную и горькую картину являла человеческому глазу земля» (2, 128). Контраст мира и войны реализуется в противоположных цветовых и оценочных эпитетах: болото *цвета ржавчины* спрятано за «*зелёной* непролазью ольшаника и березняка», здесь «*красной* ягодой цвел шиповник», у опушки два цвета — жёлтый и чёрный (чёрные пни и буро-жёлтая глина). «Весёлые» ягоды шиповника, «запах» мирной жизни, густые заросли молодого леса противопоставлены «безрадостной и горькой картине» боевого участка, занятого сотней, чахлой растительности, голому полю, морщинам окопов.

И в XXIX главе, оканчивающей четвёртую часть, природа противопоставляется людской злобе: «шуршали на кукурузных будыльях сохлые листья. За холмистой равниной пе-

реливами синели отроги гор. Сонлив и мирен был тусклый октябрьский день; *благостным покоем*, тишиной веяло от забрызганного скупым солнцем пейзажа. А неподалёку от дороги в *бестолковой злобе* топтались люди, готовились кровью своей травить сытую от дождей, обсеменённую, тучную землю» (2, 177). Контраст передаётся через употребление антонимичных эпитетов, противительного союза «а», с которого начинается вторая часть сравнения. «Настроение» природы названо автором: «благостный» покой, тишина разлиты во всём. Люди, с их сильным и резким чувством «бестолковой злобы», не гармонируют с природой. По принципу контраста людской злобы и природного лада построены многие зарисовки, при этом противопоставляются многоцветье, многозвучье жизни естественной, мирной и однообразие, монотонность войны (смерти).

Воссоздание исторических событий 1918 года также не обходится без образа природы. В начале 1918 года в области войска Донского не было единой власти, одни станицы подчинялись войсковому кругу, другие — военно-революционному комитету. Позиции Донского правительства усилились после того, как красногвардейские отряды завоевателями прошли по хуторам Мигулинской станицы. Просуществовавшие около двух месяцев Советы свергались, была объявлена мобилизация (отметим попутно, что оборона границ округа длилась с весны до ноября. В суровом декабре фронт распался, казаки вернулись в родные хутора, пропустив Красную гвардию через свою территорию и не протестуя против красных атаманов до начала расстрелов).

Накануне первого выступления казаков состояние мира воссоздаёт идиллическая зарисовка вечера в хуторе Сетракове. «За приречными вербами разноголосо гомонили лягушки. За бугром валилось через порог солнце. По хутору Сетракову рассасывалась предвечерняя прохлада» (2, 303). Пейзаж и описание действий жителей Сетракова проникнуты ощущением неспешной слаженности между людьми и природой, это выражается в глаголах «гомонили» (не кричали, а переговаривались), «рассасывалась» (не падала, а медленно опускалась), «шли», «погоняя» коров и разговаривая, казачки, старики сидели «степенно», дети играли. Переходя от общего плана к крупному, Шолохов рисует беседующих у крайнего двора мужчин, казачку, идущую на баз доить коров: «с крыльца сошла хозяйка, *высокая, красивая и дородная*, что боярыня, казачка. Рукава розовой, вобранной в юбку рубахи на ней были засучены, оголяя смуглые *точёные* руки. Она несла цебарку; *широко и вольно... щеголеватой* походкой прошла на коровий баз» (там же). Каждое определение позы тела, одежды, походки выражает сдержанное любование. В курень она вернулась, неся, «чуть изгибаясь», «полную цебарку молока», руку согнула «*по-лебединому*». Единственную фразу — просьбу поискать телёнка — произносит женщина «*певуче*», хозяин «*неторопливо*» направляется к углу куреня. Тут он видит в степи войско. С этого момента меняется настроение людей, меняется стиль текста: фраза укорачивается, иным становится ритм: «по шляху багровым шаром катилась пыль», всадники скакали внамёт, казаки стали расходиться, «ребятишки брызнули врассыпную. Через пять минут проулок вымер». Обращает на себя внимание необычный цвет пыли — «багровый», такую окраску ему придают лучи заходящего солнца. Это говорит о реалистическом характере определения, присутствует здесь и символический смысл: красный цвет — цвет пролитой крови и пожаров.

Символика *красного цвета* часто присутствует в картинах войны («деревья в рваных ранах и *кровоточат*», на крупные капли крови похожи головки тюльпанов, сбиваемых конскими копытами). Солнце, окрашивающее небо в кровавый цвет, появляется в конце второй книги, перед известием о начале боевых действий на Дону.

Рассмотренная зарисовка хутора Сетракова совершенно определённо говорит о том, что на Дону был налажен прежний ход жизни, протеста советская власть не вызывала. Лишь бесчинство красноармейцев подтолкнуло казаков к её свержению.

Пейзажи начавшейся на Дону Гражданской войны содержат образы и мотивы, которые уже встречались в повествовании о Первой мировой: страдающая земля, погибающий хлеб. «Григорию иногда в бою казалось, что и враги его — тамбовские, рязанские, саратовские мужики — идут, движимые таким же *ревнивым чувством к земле*. “Бьемся за неё, будто за любушку”, — думал Григорий» (3, 82—83).

Но даже идея защиты Донщины, наиболее близкая и понятная казакам, не затмевает непосредственного чувства земли, которая ждёт работника, а не воина. Крестьянское чувство Григория возмущено и этой войной. «Отдохнуть бы Григорию, отоспаться! А потом ходить по мягкой пахотной борозде плугарём, посвистывать на быков, слушать журавлиный голубой трубный клич, ласково снимать со щёк наносное серебро паутины и неотрывно пить винный запах осенней, поднятой плугом земли.

А взамен этого — разрубленные лезвиями дорог хлеба» (3, 89—90). В мыслях Мелехова столкнулись желаемое и действительное. Григорий хотел бы пахать и сеять, ощущать мягкость и пьянящий «*винный*» запах земли, «*ласковое*» прикосновение паутины, слушать «*голубой*» клич журавлей. В мечтах героя живы давние осязательные, обонятельные, слуховые, зрительные впечатления. Реальность противоположна мечте: в ней нет положительных эмоций и впечатлений, есть горечь от увиденного. Безглагольность предложений сообщает им повышенную экспрессию, которая ещё более усиливается характеристикой пленных — «*раздетых, трупно-чёрных от пыли*».

Неестественность войны, её безнравственность подчёркивается цветовой и христианской символикой. Впервые христианский образ распятия появился в главе, описывающей первый бой Григория: «глухо охнула *земля*, *распятая* под множеством копыт» (1, 258). С этого момента образ распятой земли как символ всеобщей трагедии будет неоднократно появляться в романе-эпопее. Это очень характерный для шолоховского видения мира образ, соединяющий поклонение земле и христианскую религию.

Пейзажи периода Вёшенского (Верхнедонского) восстания позволяют воссоздать, осмыслить и оценить этот исторический этап как трагический. Картины природы различны по построению, композиционной и смысловой роли. Как и в первой книге, где речь шла о Первой мировой войне, в третьей Шолохов обращается к пейзажу-предзнаменованию, развёрнутым сравнениям, в которых подчёркивается либо сходство природных и социальных процессов (параллели), либо их различия (контрасты). Картина XIII главы выдержана в традициях «Слова о полку Игореве» и всеми звуковыми и цвето-световыми средствами показывает предчувствие трагедии. «Пугающие тишиной, короткие дни под исход казались большими, как в страдную пору. Полегли хутора глухой целинной степью. Будто вымерло всё Обдонье, будто мор опустошил станичные юрты» (3, 107). Тема описания определяется сравнением жизни Обдонья со смертью, мором. Начало картины содержит слова «будто *вымерло* всё Обдонье», «будто *мор* опустошил» хутора, в конце описания вновь говорится о «*мёртвом* просторе Дона», а завершается отрывок прямым размышлением о смерти: «Кто зайдёт смерти наперед?» (там же). Природа позволяет Шолохову создать необходимый эмоциональный тон, для этого автор прибегает к символическим образам вихря, чёрной тучи, грозы, тумана, беспросветной тьмы, солнца во мгле, красного месяца, воя собак, крика петухов, звона обледенелых ветвей.

Ощущение будущей трагедии поддерживается цветовым решением картины, в ней присутствуют контрастные чёрный и белый цвета: белый лес, Дон, заснеженные поля, гребни гор и непросветно-чёрная туча, сизая тьма ночи, хлипкая тьма тумана, мглистое сияние месяца. Солнечный свет отсутствует, зато есть «немеркнущий» красный свет месяца, «*кровяные* отсветы войны и пожаров». Хотя Шолохов рисует картину «пугающей тишины», его описание насыщено звуками, в которых чувствуется горькое и трагическое предзнаменование: «*погибельные* голоса грозы», неслаженные голоса петухов, вой собак. В звуках природы, делающих картину многоголосой, угадывается тревога, скорбное предупреждение. Грозовая туча, туман, ветер, ночь «действуют» как одушевлённые разрушительные силы. Многочисленные тропы способствуют выражению авторского отношения к будущим событиям: «пугающие тишиной» дни, «глухой степью» лежащие хутора, «*непросветно-чёрное*» крыло тучи, «погибельные голоса грозы», «кровяные отсветы войны и пожаров», преобладание оценочных эпитетов говорит о том, как автор воспринимает народную беду. В «Тихом Доне» и ста-

ничные юрты, и копья леса, и калёно-красный щит месяца, и невидимая рать, позвякивающая оружием и стальными стременами, — всё это способствует пробуждению у читателя ассоциаций со «Словом...». Шолохов настойчиво вызывает историческую аналогию в сознании читателя, ведь в его повествовании речь идёт о жизни и смерти, о трагической битве раздробленного народа. Идейное содержание «Тихого Дона» соотносимо с главной мыслью выдающегося исторического и литературного памятника. Не только настроение главы шолоховского романа созвучно экспрессии описания ночи перед битвой князя Игоря, но и результат, и причины поражения близки. Разъединение народа всегда трагично, как погибла дружина Игоря, не имевшая опоры на воинство других князей, так не может быть победителей в братоубийственной войне.

XIX глава начинается картиной степи, по которой гуляет ветер, она «будто мертва», но всё же жива. Казаки уподоблены степи: «всё Обдонье жило потаённой, придавленной жизнью. Жухлые подходили дни. События стояли у грани» (3, 140). Приём эпического параллелизма помогает понять закономерность восстания казаков: их придавили, но они, подобно житу, встанут, выждав время.

Рассуждение о причинах восстания помещено в XXIV главе шестой части, после повествования о расстреле семи татарских «антисоветчиков». Пейзажная параллель содержит контраст: тихое течение Дона на россыпи и коловерть. Такое же противопоставление присутствует в песне, взятой эпиграфом к третьей книге, где соединены два состояния реки (жизни).

Тон авторского повествования, близкий народному отношению к *Смутному* времени, задаётся с помощью образа взбаламученного, взвихренного Дона. Вёшенское восстание сравнивается с речным водоворотом, коловертью: «там, где узко русло, взятый в неволю *Дон прогрызает* в теклине глубокую прорезь, с придушенным рёвом стремительно гонит одетую пеной белогривую волну. За мысами уступов, в котловинах течение образует коловерть. Завораживающим страшным кругом ходит там вода...

С россыпи спокойных дней *свалилась жизнь в прорезь...*» (3, 168).

Сравнение положения казачества в начале 1919 года со степью под снегом, с Доном, зажатым в узкое русло, позволяет понять, что восстание вызвано политикой расказачивания.

В романе показано, что у восстания были и другие причины: в казачестве сильна приверженность старому, желание сохранить свои привилегии, пропагандистская работа белых. Всеобщий характер выступления передаётся словами одного из героев: «Дон поломало!» (3, 185), метафорой половодья, разлива восстания: «широкий разлив восстания» (3, 197), «полой водой взбугрилось и разлилось восстание, затопило всё Обдонье, задонские степные края на четыреста вёрст в окружности. Двадцать пять тысяч казаков сели на конь. Десять тысяч пехоты выставили хутора Верхнедонского округа» (3, 225).

Повстанцы сначала настроены решительно. Со временем они, как и Григорий, понимают, что нет перспективы у вольного Дона, придётся либо к красным, либо к белым прибиваться. Казаки начинают сравнивать себя не с вольным Доном, а с бездомной собакой. «Отделились, говоришь? Ни под чьей властью не будем ходить? Хо! У тебя на плечах не голова, а неедовая тыкла! Коль хочешь знать, мы зараз, как бездомная собака: иная собака не угодит хозяину, либо нашкодит, уйдёт из дому, а куда денется? К волкам не пристанет — страшновато, да и чует, что они звериной породы, и к хозяину нельзя возвернуться — побьёт за шкоду. Так и мы. И ты попомни мои слова: подожмём хвост, вдоль пуза вытянем его по-кнутовому и поползём к кадетам» — говорит Яков Подкова (3, 353—354). Сравнение с «нашкодившей» собакой показывает, что настрой повстанцев изменился, они сомневаются в правильности своего шага.

Бесперспективность идеи вольного Дона ожесточала восставших. Их действия контрастны расцвету весенней жизни в природе: «Тень обречённости тавром лежала на людях» (3, 261). Казаки ожесточились, стали проявлять первобытную дикость, бешенство, впадали в пьяное одурение. «А весна в тот год сияла *невиданными* красками» (3, 262) — так начинается «природная» часть сравнения. В природе повсеместно: в небесах, на лугу, в степи, у прудов — началось возрождение жизни. Множество птиц устремилось на север, пошли в рост травы. Птицы сравниваются с драгоценными камнями: лебеди на покрове степи кажутся «рассыпанным *жемчугом*». В природе торжествует свет: «*сияет*» весна, дни «прозрачные, как выстекленные», оперенье лебедей *искрится*. В описании даны оттенки зелёного цвета (зазеленела степь, серёжки верб) — символа расцвета жизни в природе, выделяется голубой цвет неба, с которым у Шолохова связано ощущение гармонии, величественного лада, высокой мечты. Отмечены и запахи: «*духовитой* почкой набухал тополь», степь налита «*древним запахом* оттаявшего чернозёма и вечно юным — молодой травы» (там же). Весь строй описания с повышенным вниманием к цвету, свету, запахам, звукам, символизирующим радостное возрождение весенней природы, выражает авторское отношение к ней. Оно и прямо высказывается через эпитеты, один из которых помещён в начале описания: «весна... сияла... *невиданными* красками», а другой — «*несказанным* очарованием была полна степь» — в его завершении.

Восстание, поманившее возможностью установить свои порядки, оказалось проигранным и принесло множество жертв. В динамике образов природы живительная стихия половодья сменилась образом степного пала. Контраст между людьми и природой оттеняет отчаяние повстанцев, показывает их вынужденную оторванность от земли, от весенних забот, от природы в целом.

Через образ природы (пейзаж и мысли героев) автор показывает несовместимость действий и устремлений казаков. Все помыслы земледельцев обращены к миру. Об этом говорит и другой эпизод. Громковская сотня стоит на линии огня, пробираясь к ней, Григорий попал под обстрел красных, потерял коня. А позиционная картина поразила Григория: казаки отдыхали, около землянок, на ветках висели выстиранные женские и мужские вещи, повсюду казачки прислуживали мужьям — штопали и стирали одежду, готовили еду и мыли посуду. «Если бы не злобное тарахтенье пулемёта за Доном, не гулкое буханье орудий... можно было бы подумать, что у Дона станом стали косари — так мирен был вид пребывающей на линии огня Громковской повстанческой сотни» (3, 382).

Переломный момент в ходе восстания, обозначившийся в мае, получает трагическое освещение благодаря символическим деталям, рассредоточенным в LIX главе. В повествовании о начале отступления символичны цвет неба, с зари покрытого сплошной мглой, жара, серая пыль, облачко, сторона которого «будто кровоточила, истекая багряным светом» (3, 355), чёрная дымовая туча. Смысл и эмоциональное наполнение этих образов, уже не раз встречавшихся в произведении, понятен. Пожары, об отсветах которых говорилось в пейзаже-предзнаменовании, стали реальностью — красные жгли хутора. «*Чёрное облако*... заняло полгоризонта, *мглистым* покровом задёрнуло небо» (3, 361). В описании боев за Вёшенскую усилена символика тьмы, пыли: «всё Задонье тонуло в лиловой *мгле*» (3, 375). «Ветер кружил белёсые столбы *пыли.* На юге... *багрово-чёрная мгла* пожарища. <...> По бугру... крылатая *тучевая тень*» (там же). Картина строится на сочетании чёрного, белого, красного цветов: «*белёсые* столбы пыли», «*белая* при дневном свете молния», «*белёсые*» волны дождя, меловые косогоры, синяя туча, багрово-чёрная мгла — такой колорит свойственен авторским символическим картинам трагического звучания.

Пейзаж «не участвует» в изображении такого периода восстания, как соединение мятежных казаков с Добровольческой армией, образ природы в этой части текста почти целиком перемещается в сферу личностную.

Концептуальное значение имеют картины ночной степи по дороге отступления и весеннего суховея. М.А.Шолохов описывает место действия, повествует о настроении казаков, которое созвучно беспросветной ночи и горьким словам песни. Автор размышляет над большими историческими событиями и судьбой народа. В пейзаже отсутствует свет: царствует «беспросветная тёмная ночь», «непроглядная темень», «сплошные клубящиеся тучи». Редкие жёлтые искры вспыхивающей звезды лишь подчёркивают черноту: черны и небо, и степь. Посреди холода, унылого ветра, дождя и темноты звучит «мужественный голос запевалы», «мощный» хор, «изумительной силы и красоты», «хватающий за сердце», трепещущий тенор подголоска — это поёт погибающее вольное казачество. А рядом сцены, где казаки пьют, отчаянно теряя слова: «Гуляй, душа. Всё одно — *пропадает*

тихий Дон!» (4, 263), «Давай за нашу *погибель* выпьем?» (4, 274).

Удивительным символом военного разорения представляется картина ветра, гуляющего по улицам и дворам хутора Татарского осенью 1917 года, когда казаки третий год воевали, а у казачек недоставало сил поддерживать хозяйство в порядке. Ветер бьёт «мощными струями», взрыхляет Дон, гонит по улицам листья, гнёт верхушки голых деревьев. Самое главное — он разрушает стог во дворе у Христони, а хозяйка ничего не может поправить, она только поглядела, как ветер «хозяйничает на гумне», и «опять ушла в сенцы». Пейзаж суховея весной 1920 года ещё острее выражает сиротство земли, оставшейся без работника: «земля пересыхала, приостановились в росте травы, по зяби пошли заструги. По обезлюдевшему хутору ветер гонял пыльцу, хлопал ставнями куреней, ворошил солому на крышах сараев» (4, 287), символизируя разрушение, которое принесли войны, революции, восстание. Без этого пейзажа менее зримо была бы представлена разрушительная сила войны, вырвавшей работников, осиротившей пашню, двор и дом.

Подводя итог рассмотрению роли образа природы в художественном осмыслении войны и мира в историческом сюжете эпопеи, можно отметить, что, показывая гармоническую связь крестьян с природой, Шолохов утверждает их человеческую полноценность. Автор возвышенно изображает крестьянское чувство природы, защищая духовную культуру казаков-земледельцев. А необходимость такой защиты связана с тем, что отношение власти к казачеству в 1920—1930-е годы было подозрительным, продолжалась политика расказачивания, вызвавшая протест в самом её начале (1919). Шолохов своим романом стремился уберечь самобытное сословие от истребления, указывая на общность казачества с российским крестьянством. При том, что казаки имели больше земли, у них было атаманское правление (выборная власть), каждый служил по четыре года на «действительной» службе и долго оставался военнообязанным, чувство земли, ценность труда, дома и семьи, усталость от войны, поиск «большой человеческой правды», «под крылом которой мог бы посогреться всякий», и связанное с этим сочувствие большевикам и последующий протест против советской власти типичны как для казачества, так и для крестьянства.

Образ природы передаёт тревожное состояние мира в период нарастания трагедийных коллизий и потрясений, воссоздавая крушение особого уклада народной жизни, трагизм разлома истории с точки зрения народной нравственности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ЗАПЕВАЛОВ В.Н., СТАНИШИЧ Й. Международный симпозиум о поэтике М.Шолохова // Русская литература. — 1987. — № 4. — С. 204.

[2] ГРИНФЕЛЬД Т.Я. «Социальный» пейзаж и «самостоятельная» природа: проза 1930—1950-х годов; М.М.Пришвин, И.С.Соколов-Микитов // Чувство природы в русской литературе: коллективная монография. — Сыктывкар, 1995. — С. 300.

[3] ДВОРЯШИН Ю.А. Шолохов и русская проза 1920—1930-х годов о судьбе крестьянства. — Новосибирск, 1992. — С. 35.

[4] Цитаты из романа-эпопеи приводятся в тексте по изданию: ШОЛОХОВ М.А. Собр. соч.: В 8 т. — М.: Правда, 1975 — с указанием тома и страницы.

[5] КОЖИНОВ В. О «Тихом Доне» // Литература в школе. — 1994. — № 4. — С. 25.

[6] ЗАТОНСКИЙ Д. Искусство романа и XX век. — М., 1973. — С. 515.

[7] ЯНКОВСКИЙ Ю.З. Человек и война в творчестве Л.Н.Толстого. — Киев, 1978. — С. 20, 83.

СЕМЫКИНА Елена Николаевна —

кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета

semykina@bsu.edu.ru

«ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ» НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ: О ПРОЗЕ В.Н.КРУПИНА

Аннотация. *Статья посвящена характеристике творчества современного прозаика В.Н.Крупина, содержит рекомендации по изучению его сочинений на разных ступенях литературного образования, включает список произведений, к которым целесообразно обращаться на уроках в 5—11 классах.*

Ключевые слова: *обновление содержания литературного образования; приобщение школьников к художественному слову; беседы о русской литературе; современная русская литература; проза В.Н.Крупина на уроках литературы; нравственный облик человека в произведениях В.Н.Крупина.*

Abstract. *The article is devoted to analysis of V.N.Krupin's books. It provides guidelines for the study of his works at different levels of literary education and includes a list of Krupin's suitable books for the lessons in 5—11 grades.*

Keywords: *updating the content of literary education, familiarizing students with artistic expression, Modern Russian Literature, Krupin's prose, moral values in Krupin's books.*

В сердце и сознание юного читателя входит только то, что интересно ему и созвучно его душевному настрою. Размышляя о проекте книги для народного чтения, представленном в «Отечественных записках» в феврале 1861 года, Ф.М.Достоевский писал: «Хорошая книга чрезвычайно развивает охоту к чтению» [1, 54]. «Заохотить к чтению» — важнейшая задача, осуществление которой, по Достоевскому, способно вызвать интерес к художественному слову [1, 55]. Давая рекомендации родителям о том, какие книги должны составлять круг детского и юношеского чтения, классик подсказывал: «...берите и давайте лишь то, что производит *прекрасные впечатления и родит высокие мысли*» [выделено Ф.М.Достоевским. — *Е.С.*] [15, 550]. Эти рекомендации полезно учитывать и сегодня, когда встаёт вопрос о выборе произведений современников и их изучении на уроках литературы.

Обновление содержания литературного образования, вызванное в том числе задачей приобщения подрастающего поколения к чтению, даёт возможность учителю-словеснику расширять горизонты читательского опыта школьников, связывая разные поколения авторов, видеть вместе с учениками тот ценностный фундамент, на котором стоит великолепный ансамбль русской словесности.

Продолжателем классической линии в современной русской литературе уже на протяжении почти полувека является Владимир Николаевич Крупин, прозаик, чьи произведения побуждают вести беседы о «разумном, добром, вечном» на разных этапах литературного образования. В проекте «Концепции школьного филологического образования», опубликованном в 2015 году в журнале «Литература в школе» (2015. — № 3) и вышедшем в виде брошюры в издательстве «Русское слово» (М., 2015), имя этого писателя включено как в базовую, так и в вариативную части программ по литературе, стоит рядом с именами В.М.Шукшина, А.И.Солженицына, В.Г.Распутина, В.П.Астафьева, Ю.В.Бондарева, В.И.Белова, Ю.В.Трифонова, В.Н.Некрасова, В.Л.Кондратьева, Е.И.Носова, Н.Н.Носова, В.В.Быкова, других отечественных авторов второй половины XX века.

Не секрет, что «правильное» чтение (обдуманный выбор произведений, последовательность знакомства с ними) предопределяет «судьбу писателя» в читательской биографии. Признавая тот факт, что «внимание студента» (юношества) — «“птица” непостоянная, беспокойная и непоседливая», что «поймать её нелегко, а удержать — ещё труднее», что внимание «собирается наспех, кое-как, неумело», а «слушатель-зритель-читатель отнюдь не летит навстречу художнику», И.А.Ильин вслед за В.О.Ключевским пояснял: «Внимание его можно уподобить узенькой и засоренной щёлке, в которую трудно проникнуть; или же, наоборот, пустому пространству, через которое всё проносится бесследно, рассеиваясь и исчезая. Такого человека надо ещё разбудить, позвать, заставить его сосредоточиться, приказать ему. Он сам не сумеет вылепить в душе воспринимаемый образ искусства; душевная глина его слаба... отзывается трудно... Материал, из которого надо лепить в душе читателя, плох, а сроки коротки. Поле для художественного посева даётся маленькое... и душевная земля сия есть (в художественном отношении) чаще всего каменисто-песчаная неудобь» [2, 172—173]. И добавлял, наставляя, кажется, не только писателей: «Художник должен помнить, что душа читателя-слушателя-зрителя идёт ему навстречу вяло, неумело и лениво; с совершенно неприличным (в художественном отношении) словечком на устах: “Некогда!” <...> Большинство зрителей не умеет смотреть (*созерцать!*); большинство слушателей не умеет слушать (*внимать!*); большинство читателей не умеет читать (*лепить верные образы!*). Хотят развлечения; ищут удовольствия; жаждут не “запречься” и “везти”, а “распречься” и “поваляться”, как усталые и ленивые кони. <...> Это значит: не тяни, не откладывай; не проматывай читательского внимания. <...> “Поезд стоит всего одну минуту”. В эту минуту ты должен завладеть вниманием и сердцем читателя. Не сумеешь, разочаруешь, не успеешь — плохо твоё дело!» [2, 172—173].

Как подсказывает методический опыт, обращение на уроках литературы и во внеурочной деятельности к творчеству В.Н.Крупина способствует реализации задач, которые стоят перед сегодняшней школой (воспитание любви к родной земле, к Отечеству; приобщение к истокам, укрепление чувства рода, связей между поколениями; осмысление «вечных» вопросов жизни; формирование чувства душевной отзывчивости; развитие наблюдательности, чуткости к красоте окружающего мира, внимания к «братьям нашим меньшим»). Произведения этого современного прозаика несут в себе тот нравственный заряд, который так важен для возделывания души ребёнка, подростка, взрослого человека.

В выступлении Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, прозвучавшем в мае 2011 года по случаю избрания В.Н.Крупина первым лауреатом Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия «за значительный вклад в развитие русской литературы», была мысль о том, что литература, как и церковь, призвана «свидетельствовать миру о вечном, возвышать ум и душу человека, приобщать к мудрости и опыту предшествующих поколений». И Крупин был удостоен этой высокой награды именно потому, что, говоря словами В.Г.Распутина, «не в чернильницу макается его перо, а в душу» [14, 8].

Савенко Виктория, 5 кл. Отцовское поле

Герой Крупина может стать спутником ребёнка от начала чтения родной литературы до вступления во взрослую жизнь. Его будни — множество забавных и серьёзных уроков, преподнесённых общением с природой, со сверстниками, со взрослыми людьми. И чем раньше произойдёт знакомство учеников с произведениями этого автора, тем более устойчивым будет ощущение, что герой взрослеет вместе с ними: вот он надежная опора матери («Дымка»), семьи Державиных («Большая жизнь маленького Ванечки»); вот — школьник, от которого жизнь требует принятия решений, активных действий, взвешенных поступков, серьёзной работы души («Кол с подпорой», «Утя», «Холодный камень», «Женя Касаткин», «Доставка пиццы»); вот влюблённый юноша-романтик («Лист кувшинки», «Полонез Огинского»), завтрашний защитник Отечества («Повестка»), студент столичного вуза («Прости, прощай»).

Душевным теплом проникнута повесть в рассказах **«Дымка»** [5]. Её сюжет разворачивается в родных автору местах — в вятской слободе Дымково. Главному герою Феде Шумихину, подрастающей опоре семьи, хочется поскорее стать взрослым. Его ответственность в любом деле взращивается многократно испытанным чувством радости от того, что нужен (родным, друзьям), от того, что доверяют и не боятся неудач.

Хозяйская смётка подсказывает ребёнку, когда отправляться за дровами, за водой, когда — за сахаром и чаем в лавку, когда — в глинник бежать. Герой растёт старательным, внимательным, чутким. Он замечает натруженные красные руки матери, мастерицы дымковской вятской игрушки, которая готовится порадовать сестричкой или братиком, усталость в её глазах: «...стал подрастать, увидел, как эти игрушки достаются, стал маму жалеть, уж лучше бы у неё была другая работа. Подражая отцу, говорил:

— Смотри, руки-то на что похожи. Кто в гости придёт, так ты их и прячешь» («Гипсовая барыня»).

Заботу, сердечное тепло Феди ощущают и мать, и кошка Мурка, и ставшие ручными ежи, которых он подкармливает сладкими сливками и молоком. А ещё Феде важно выручить друга, отправленного на ярмарку со щеглом («Ярмарка»), помочь Алексею Ивановичу и рабочим на раскопках церкви Бориса и Глеба («Раскопки»). Вопросы, которыми задаётся герой, выдают его живой интерес к жизни, неиссякаемую любознательность: «Вот интересно знать, как же так, небо одинаковое, а на земле всё разное? Как вдруг родник, откуда вода? Почему сейчас светло, а к ночи стемнеет? <...> Река там, внизу, а родник здесь. Берёза и ёлка из одного места растут, а разные. Как так получается? Крапива жалится, а лопух гладкий. Утка большая, а муравей маленький, почему? Трава разная, почему?» («Раскопки».)

Пытливый ум ведёт ребёнка по пути открытий, главным из которых становится древняя мудрость о рождении и смерти, услышанная от археолога Алексея Ивановича: «Когда ты родился, все смеялись, а ты плакал. Живи так, чтоб, когда будешь умирать, то будешь улыбаться, что прожил честно, а все будут плакать» («Утром»). В этом изречении — нравственный стержень всего творчества В.Н.Крупина.

Одна из полюбившихся читателям книг В.Н.Крупина «о детях для детей и взрослых» — **«Босиком по небу»** (2009) [4]. Её открывает повесть в рассказах **«Большая жизнь маленького Ванечки»** (в ранних публикациях — «Братец Иванушка»), произведение, вобравшее мудрость народного семейного воспитания. «Семь я» Державиных — это братец Иванушка, старший брат Коля, младшая сестрёнка Алёнушка, мама, папа, бабушка и дедушка. Атмосфера взаимной любви, уважения царит в семье Державиных. И хотя события удалены от дня сегодняшнего на несколько десятилетий, ценности, положенные в основу повествования, непреходящие, вечные. Вот сцена после покоса, согретая радостью заботы родных друг о друге: «Ваня поглядел на маму и вдруг понял, что впервые видит её спящей. Он сел рядышком и стал отгонять от маминого лица комаров. А скоро и его самого сморило. Он слышал, как дедушка потихоньку положил его на мягкое сено, как вернулся папа и они с дедушкой говорили о том, что Ваня сам принёс молоко и ватрушки» («Родник»).

В буднях большой семьи Державиных у каждого — своё дело. Маленький герой — незаменимый и надёжный помощник в домашнем хозяйстве («День-деньской», «Берёзовые веники», «Дела», «Кум Тыква», «Как Ваня грядки полол»), на сенокосе («Родник»), во время посевной («В поле»). Детям поручено «присматривать» за семейными валенками, и Коля или чаще Ваня, по заведённой традиции, а более — по сердечной потребности, забираются на печку и расставляют их согласно правилу: «в середину становятся высокие, толстые валенки отца и короткие, огромные валенки дедушки, а по бокам лепятся валенки поменьше. Если днём пилили дрова, то на валенках остаются опилки и на печке пахнет смолой. Мамины выходные валенки-чёсанки всегда чистые и аккуратные, а бабушкины грязные, подшитые. Их сушат отдельно. В них бабушка ходит в хлев» («На печке»).

Сюжет главы «Фамилия» составляет незамысловатое, на первый взгляд, словотворчество, которое происходит за чаем и от которого не может удержаться никто из присутствующих: «...семья по-немецки будет “фамилия”», — поясняет брат Коля. «Игра в фамилии продолжалась целый вечер, — говорит автор. — Даже дедушка отложил газету и по пальцам пересчитал, каких только фамилий у него не было за день: Пчеловодов, Топоров, Дровосеков, Печников (это он в печи глиной щели замазывал, значит, ещё и Землекоповым был, Лопатовым, Глининым), ещё был Столяровым...» В десятках придуманных фамилий — не просто характеристика родных по роду занятий, в них — фундамент прочности трудовой семьи. Здесь каждый чувствует себя хозяином, а ребёнок учится быть внимательным, ответственным, брать и на себя общие заботы, воспитывает свою душу: «Выйдя на крыльцо, Ваня увидел непорядок — не на месте лежал топор. “Кто оставил? Ведь небось дедушка. А дождь пойдёт — топор и заржавеет”. <...> Он положил топор на место и хотел пойти упрекнуть дедушку, но раздумал.

Во дворе сразу бросилось в глаза, что калитка в огород настежь. А куры? Это ведь такой народ, что пойдут и все гряды изроют. И прощай урожай! А зимой что есть? Кто не закрыл калитку? Конечно, кто угодно, только не Ваня. Ничего, Ваня не гордый, он закроет, он и чужую ошибку поправит, никого не упрекнёт.

Закрыл Ваня калитку, осмотрелся вокруг себя — батюшки, сколько работы!» («Дела»).

И фамилия семьи — Державины. В ней, словно подсказывает писатель, залог крепости Отечества.

Поэзия воспоминаний о счастливых предновогодних днях, приятных хлопотах, которые укрепляют семейные узы, соединяют человека с детством, положена в основу рассказа **«Бумажные цепи»**. Поход братьев в лес за ёлкой, совместное изготовление незамысловатых украшений для новогодней красавицы живут в воспоминаниях героя. Из этих забот и прорастает чувство рода, связи с родной землей, с родиной: «...именно этими бумажными цепями я не ёлочку украшал — я себя приковывал к родне, родине, к детству. И приковал. Приковал так крепко, что уже не откуюсь. Многие другие цепи рвал — эти не порвать. И не пытаюсь, и счастлив, что они крепче железных. Правда, крепче. Детство сильнее всей остальной жизни».

Основа рассказа **«Муська»** — преданность человеку и дому, самоотверженный порыв кошки в борьбе с огромной крысой ради того, чтобы «сберечь и дом, и хозяев». Конфликт произведения заключается в столкновении прагматизма человека, который руководствуется принципом «разумного эгоизма», «пользы» (старую кошку «не выбрасывали: хорошо ловила мышей»), с лёгкостью избавляется от всего отслужившего, «отжившего» («хозяева *надумали* продавать дом. Муську *решили* оставить в доме: стара, куда её на новое место»), и, с другой стороны, проницательности животного, очеловеченного автором, которое обладает инстинктом сохранения всего, что дорого: и котят, и семейного очага, «заглядывает людям в глаза» и, кажется, пытается всмотреться в их души. Писатель ведёт читателей к мысли о том, что память, оказывается, нельзя очистить, как очищает человек память компьютера или современного телефона. Прошлое то и дело будет напоминать о себе, например, старыми фотографиями (символическая деталь), запечатлевшими хозяйку в отслужившем свой срок платье, последняя «польза» от которого в том, чтобы похоронить погибшее животное.

Бо́льшая часть сюжетов книги «Босиком по небу» — возвращение к духовным истокам жизни, к ангельской чистоте босоногого детства, к «временам безгрешной души» («Отец, я ещё здесь»), к той поре, когда человек «впервые поднимает глаза к небесам» («На родине»). Маленький герой дивится лазоревой красоте цветущего льна: «Везде небо. И тут небо, и вверху небо», а спустя годы он, воцерковлённый человек, добавляет: «А лён наш даже в “Откровении” Иоанна Богослова упоминается. Перед Страшным судом выйдут семь Ангелов, одетых в льняную одежду и опоясанных золотыми поясами, и выльют на землю семь чаш гнева Божия» («Босиком по голубому небу»). Тропинки босоногого детства в произведениях В.Н.Крупина — это земное воплощение его небесной чистоты и красоты, здесь начало пути, который ведёт героев от «Первой исповеди» к «Главному причастию», это «тропинки в вечную жизнь».

Светлым юмором пронизан один из ранних рассказов Крупина **«Кол с подпорой»**. Любознательность и старания пятилетнего героя, «выревевшего себе право» третьего сентября сесть за школьную парту (автобиографическая деталь), составляют сюжет произведения. Целеустремлённость, настойчивость маленького героя и одновременно детская непосредственность вызы-

вают улыбку и умиление даже у взрослого читателя.

Студенты Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета во время педагогической практики изучают со школьниками произведения В.Н.Крупина на отдельных уроках, обращаются к ним на занятиях, посвящённых произведениям писателей-классиков XIX века. Вот задания для обсуждения, предложенные Шевченко Ириной на уроке по повести Л.Н.Толстого «Детство» (6 класс):

Учитель. Ребята, мы с вами изучали главы из повести Л.Н.Толстого «Детство». Сопоставьте их с произведениями современного прозаика В.Н.Крупина «Кол с подпорой», «Дымка», опираясь на такие задания и вопросы:

— Охарактеризуйте взаимоотношения взрослых и детей в дворянской и крестьянской семьях. Как проявляются эти взаимоотношения?

— Выясните особенности воспитания детей в дворянской и крестьянской семьях. Чему учат детей родители?

— Как относятся матери к своим детям?

— В чём проявляется любовь детей к родителям?

— Каков круг интересов детей дворян и крестьянских детей?

— Как вы думаете, что является основой жизни крестьянства? Почему?

— Что вы можете сказать о быте и семейных ценностях дворянства и крестьянства?

Домашнее задание: напишите мини-сочинение на одну из тем: «Встреча Николеньки Иртеньева и литературного героя из крестьянской семьи», «Крестьянские и дворянские дети в литературе».

А вот отзывы о произведениях В.Н.Крупина студентов-филологов, составившие часть **«Дневника впечатлений»**:

«У каждого человека есть ниточки, которые связывают его с детством. Это может быть любимая песня, вкус семейного блюда и даже запах. Ухватившись за них, мы осторожно отправляемся в прошлое.

В моей жизни тоже есть такие ниточки. Одной из них стало творчество Владимира Николаевича Крупина. Когда читаешь его произведения о детстве, складывается впечатление, что в них один герой, мальчик, который просто постепенно взрослеет. Он олицетворяет невинность, чистоту, доброту. Герой не идеален, и именно это делает его ближе к читателю. <...>

О дружных отношениях в семье пишет В.Н.Крупин в рассказе “Бумажные цепи”. Этот рассказ — ниточка, ухватившись за которую я мысленно вернулась в детство» (Головчанская Светлана).

«Тёплые воспоминания о детстве вызвал рассказ “Бумажные цепи”. Я с улыбкой читала о такой знакомой предновогодней суете, о радостном изготовлении разноцветной цепочки и о томительном ожидании праздника» (Дуплякина Алина).

Варнавский Алексей, 9 кл. Солнце встаёт

«Праздничное произведение “Бумажные цепи” создаёт светлое новогоднее настроение, напоминает радость приближающейся сказки» (Латунова Анастасия).

«Читаю повесть “Большая жизнь маленького Ванечки” и в каждой главе узнаю себя. Вот он помогает бабушке на грядках, как когда-то помогала я, боясь сорвать не то, что надо. А вот Ванечка не может заснуть перед первым учебным днём в школе, как и я когда-то просидела всю ночь перед 1 сентября, обняв новенький портфель и медведя Бублика.

Вот рассказ “Босиком по голубому небу”. Я вчитываюсь в каждую строчку, всматриваюсь в великолепный пейзаж и радуюсь. Я тоже любила ходить с бабушкой весной и в конце лета на поле в соседнее село и смотреть со склона у дороги вниз. Сверху поле казалось морем, то золотым, то изумрудным. А когда я стояла на самом поле, небо было голубым океаном и почему-то со вкусом сладкой ваты. <...>

Произведения В.Н.Крупина не только пробуждают ностальгию по детству, но и побуждают задуматься над тем, как мы живём: правильно ли, по совести ли, по Божьему закону? Это писатель со всеобнимающей душой и добрым сердцем» (Краснокова Кристина).

«Произведения В.Н.Крупина напоминают нам о том, что становление характера ребёнка происходит рядом с близкими: родителями, братьями и сёстрами, друзьями, учителями. Взаимоотношения с каждым из них оставляют в сердце неповторимый след. <...> Одно из таких сочинений — повесть “Большая жизнь маленького Ванечки”. Её герой — отзывчивый и впечатлительный ребёнок — внимательно наблюдает не только за событиями в мире внешнем, но и за изменениями в своём внутреннем мире. Это внимание к движениям собственной души помогает Ванечке справляться с трудностями и делать важные выводы» (Титова Анна).

«Думаю, в повести “Большая жизнь маленького Ванечки” любой человек отыщет дверь, ведущую к детским воспоминаниям» (Серебрянская Анастасия).

«Произведения Крупина согревают душу и заставляют сердце биться чаще» (Ковалёва Екатерина).

«Произведения Владимира Николаевича Крупина полезно читать как детям, так и взрослым» (Чибиняева Анастасия).

«Важно, чтобы детские рассказы Крупина читали и взрослые, потому что в них идёт речь о таких жизненных ценностях, о которых и взрослым не мешало бы помнить» (Кравченко Юлия).

Школьники, студенты, которые знакомятся с творчеством В.Н.Крупина, замечают, что в его рассказах и повестях детство — пора, по которой сверяются нравственные часы, обращённые в вечность. «Всё прошло, всё, детство не проходит и не пройдёт никогда. Только и есть жизни, что в детстве. Река, деревья на берегу, купание, сказки Пушкина, парное молоко, свежий хлеб, чистое полотенце. И всегда-всегда холодные, кипящие песком на дне, родники. <...> Как и не было жизни, так и не хочется её вспоминать, а было только детство. И, по милости Божией, к старости мы всё чётче и осязаемей вспоминаем именно детство», — признаётся В.Н.Крупин [10, 57—58].

Исполненный сыновней любви к родине, к семье, автор пишет: «Я бежал с цветами для мамы, с хвощами для младших брата и сестрёнки. Старшие, казалось мне, заботились о себе сами, а о младших должен был заботиться я. С небес, с небес меня окликнули, назвали по имени. Я замер, ждал, что ещё что-то услышу. Нет, тихо. Помню дорогу, на которой стоял, тёмно-жёлтую пашню справа и траву слева. И этот голос, глас, оклик. Ну не выдумал же я его. Значит, я был не один среди пространства, берегущий меня сказал мне: “Не бойся, я с тобою”» («Кильм**е**зь, сердце моё!»). С тех пор писатель живёт ощущением постоянного присутствия Божественной надмирной силы. Его память хранит материнский завет: «О Боге плохо не говорить». В годы армейской службы, в увольнении, признаётся прозаик, нередко возникало желание побыть в храме, а когда учился в Московском областном педагогическом институте, часто посещал с однокурсниками храмы и монастыри. И эта тяга всегда находила радостную поддержку у матери.

Лучину молитвенной искренности, человеческой доброты, любви к родине, к людям зажгли в душе В.Н.Крупина родители. Они открыли ребёнку мир народной поэзии, русских былин, «величайшей ценности, одолевающей время и пространство» [9, 26], мудрость русских сказок. По признанию писателя, главная заслуга в этом принадлежит отцу Николаю Яковлевичу, который обладал редким даром — живописать словом. И когда прозаика начинают хвалить за простоту и лёгкость языка, он скромно отвечает: «Никогда я не испытывал никаких трудностей в подборе слов. Мы, вятские, есть такая пословица, как говорим, так и пишем. То есть в языке моём нет никаких моих заслуг, он во мне с люльки, с зыбки, как зовут у нас колыбель. Мои родители, дедушки, бабушки — вот кто русские писатели, а я просто записчик». «Одухотворённое слово не отыщешь листанием словарей, — говорит В.Н.Крупин, — оно в тебе с детства, от бабушек по отцу и по матери, от реки и леса, от первых слёз, от первой любви, оно, чистое и родниковое, оно в тебе...» («Россия спасёт мир, а Россию спасёт святость»).

Многое из домашних уроков словесности запало в душу, дало всходы в человеческой и писательской биографии Крупина. Его образность рождена мелодикой народной речи, которая, как писал И.А.Ильин, «есть как бы художественная риза» его души и его духа [3, 210], напевностью былин, поэзии В.А.Жуковского, А.С.Пушкина, И.З.Сурикова, А.В.Кольцова, Ф.И.Тютчева, Н.А.Некрасова. Проникновенность поэтических строк, в которых звучит душа народа, была притягательна ещё и потому, что читала их мать Варвара Семёновна: «Во мне навсегда те тёплые зимние вечера, когда мы залезали на печь и на полати, а мама читала нам книги. И всегда мне хочется, чтобы в наших семьях были такие минуты, а может, и часы чтения, когда взрослые читают, а деточки слушают. В этом редчайшее единение душ и сердец» [4, 5]. Разве не о том же размышлял герой Ф.М.Достоевского Алёша Карамазов: «Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасён человек на всю жизнь»?

Катализатором нравственного облика человека в рассказе **«Очки»** становится отношение к старикам. Очки выступают символом прозрения героя, обретения того особого зрения сердца, благодаря которому человек постигает мудрость поколений.

Знакомя школьников с произведениями В.Н.Крупина, важно обратить внимание на то, что нравственным стержнем прозы этого автора становятся Вера, Надежда, Любовь. Для героя дебютного рассказа **«Полонез Огинского»** («От Женьки для Жени»), опубликованного в 1970 году в журнале «Сельская молодёжь» (№ 8), вдохновенный труд в мастерских, любовь к делу соединяется с музыкой любви, с возвышенным чувством к девушке и противопоставляется сердечной глухоте обывателей. В руках Женьки, ученика токаря, натуры поэтической, латунная заготовка переплавляется в ч**у**дной красоты бокал на хрупкой длинной ножке, на донышке которой написано поэтически преображённое имя возлюбленной: «Женьшень».

Сакральность и целомудренность чувств, которые через века пронесла уцелевшая берестяная грамота, сохранившая предложение о замужестве, способна взволновать читателя, вызвать трепет и тихий восторг от прикосновения к возвышенной красоте отношений между юношей и девушкой: «“Павел Марии. Пойди за меня”. И это всё. От Павла Марии: пойди за меня. Пойди за меня, Мария. Здесь такая высокая чистая нота любви и целомудрия. <...> О, как любил Павел Марию, как робел признаться в любви. Как высмотрел стройную берёзу, ходил к ней. Однажды пришёл с ножом, аккуратно снял квадратик верхнего слоя, сушил этот квадратик меж гладких дощечек, придавив их камнем, как гладил сильной ладонью поверхность, и вот, оставшись один дома, взял у божницы железное писало и вырезал: “ПАВЕЛ МАРИИ. ПОЙДИ ЗА МЕНЯ”. Как он волновался, когда завернул послание в чистую холщовую тряпицу, и как послал младшего братишку к Марии.

Братишка понял своим сердечком, что ему поручено что-то огромное в судьбе его старшего брата, бросил все свои дела и помчался по улице деревни к дому Марии.

И всё бежит и бежит. “Мария, пойди за меня. Павел”.

Кузнецова Анастасия, 9 кл. Лист кувшинки

А Мария вышла на резное крыльцо. О, как бьётся её сердце» (**«Берестяная грамота»**).

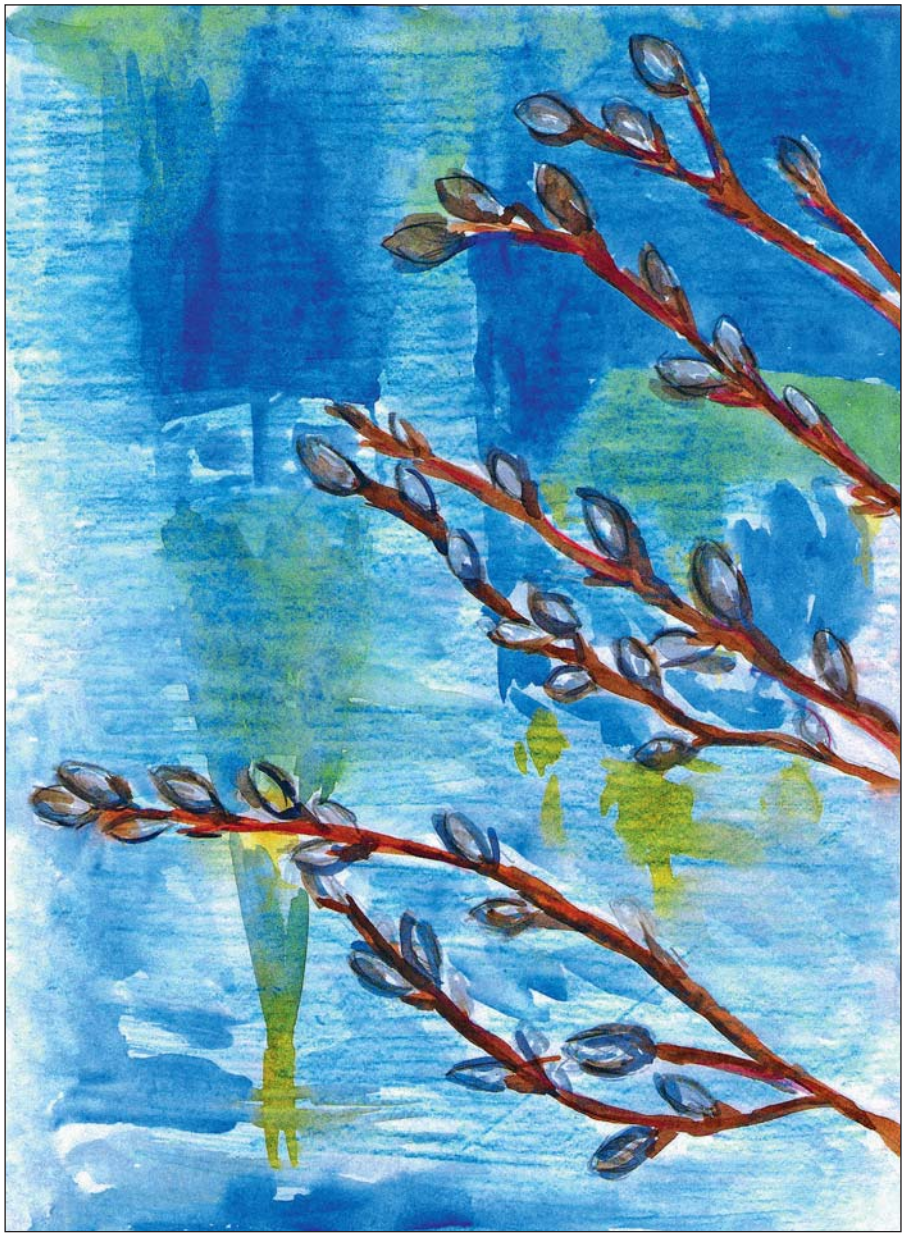
В повести **«Люби меня, как я тебя»**, романтической истории о любви земной и вечной, сердца влюблённых соединяет трогательная мелодия любви. Первые её аккорды улавливает Александр в капелле, слушая с Сашей сочинения Бетховена: «Хотелось одного: чтоб это не кончалось, чтоб всё это замерло в звучащем состоянии...» И возникшее в день встречи, пронзившее чувство любви в романтической истории Александра и Александры обретает символико-философский смысл.

Музыка любви в произведениях В.Н.Крупина — это музыка преображения. И звучит она лишь в сердцах тех, кто наделён особым слухом — душевной чуткостью и щедростью.

Откликом В.Н.Крупина на дорогие сердцу интонации стала с начала 1970-х годов трогательная песнь о России — литературное творчество, в котором ощутимо и восхищение вечной красотой мира, и неподдельная сыновняя любовь к Отечеству, и молитва за родную землю, за живущих и живших на ней людей. Его творчество словно стояние в молитве: за веру, Отечество, русской народ. «Искусство есть *служение и радость*, — находим у И.А.Ильина. — <...> Всё великое в искусстве родилось из служения; служения свободного и добровольного, ибо — вдохновенного. Не из службы или прислуживания, не из властного “заказа”, воспринятого рабскою душою» [выделено И.А.Ильиным. — *Е.С.*], а из ответственного служения того, кто призван “веленьем Божиим” быть хранителем СЛОВА [2, 53—54]. Это о его проникновенной прозе В.Г.Распутин писал: она есть «нечто особое в нашей литературе, нечто выдающееся и на удивление простое» [14, 5].

Герой лирико-философских рассказов и миниатюр В.Н.Крупина сердечным оком созерцает вечную красоту мира. Паломнический посох ведёт его на родину, где, охваченный тихой радостью, оглядываясь вокруг и вслушиваясь в себя, он замечает: «Все боли, все обиды и скорби, все мысли о плохом исчезнут навсегда в такие минуты. Только воздух и небо, только облака и солнышко, только вода в берегах, только родина во все стороны света, только счастье, что она такая красивая, спокойная, добрая. И вот такая течёт по ней река Лобань» («Река Лобань»). Затаив дыхание, он всматривается и вслушивается: «И редкие птицы *будут* лететь по середине Лобани и *будут* забывать о своих делах, засмотревшись в её зеркало. Ревнивые рыбы *будут* тревожить водную гладь, подпрыгивать, завидовать птицам и шлёпаться обратно в чистую воду». Сегодняшний герой словно вторит лирическому герою И.А.Бунина, который прозревал: «О счастье мы всегда лишь вспоминаем, а счастье всюду. Может быть, оно — вот этот сад осенний за сараем и чистый воздух, льющийся в окно...»

Автобиографизм — одно из примечательных свойств прозы В.Н.Крупина. «Видения родины» поднимаются со дна души в воспоминаниях, проступают в снах. Сердце героя на родине «соединяется с сердцем детства и юности» самого автора, чьё творчество вызрело в недрах вятской земли («На родине», «Красная гора», «Река Лобань», «Отец, я ещё здесь»). Потому сюжеты многих произведений разворачиваются в Вятке, а прототипами героев становятся земляки. «Кильмезь, сердце моё!» — восклицает вятский уроженец В.Н.Крупин [6, 178].



Коптеева Елизавета, 7 кл. Верба

«Родные половицы» В.Н.Крупина вобрали аромат свежеиспечённого хлеба и парного молока, полевых трав и цветов (льна, ромашек, васильков, сирени, черемухи), «тёплый запах мёда» («Гречиха»), «запах мокрой крапивы» («Отец, я ещё здесь») и тот, который выливается в признания: «Вода в вятских родниках и колодцах круглый год пахнет цветами» («В заливных лугах»). Облик Вятской земли соткан у писателя из образов неба, солнца, реки, многотравья и многоцветья. Широкая цветовая гамма с преобладанием золотого, белого, голубого цветов вписывает сочинения Крупина в контекст традиционных представлений о красоте родины («В заливных лугах», «Гречиха», «Река Лобань», «На родине», «Красная гора», «Отец, я ещё здесь» и др.).

Живописные картины автор дополняет богатым аккомпанементом звуков природы, живущей своей удивительной жизнью: «слабым лепетом лесных ручейков, шуршанием лиловых колокольчиков, шумом берёз и переплеском осин», «хоровым пением лягушек», «шорохом дождя» («Отец, я ещё здесь»); «говором реки», её «музыкальным журчанием» («Река Лобань»). Образы реки, родника в прозе Крупина становятся лейтмотивными (повести «Большая жизнь маленького Ванечки», «Живая вода»; рассказы «Лист кувшинки», «Река Лобань», «Возвращение родника» и др.). Их содержание восходит к православным представлениям о живительном источнике, «исходящем от

престола Бога и Агнца» (Откр. 22, 1). «Жажда воды живой — слышание Слова Божия», а «напиться воды живой — Слова Божия», — пишет автор «Православной азбуки» [13, 26; 47—48].

Проза В.Н.Крупина даёт возможность обсудить с учениками и вопросы патриотизма, столь актуальные в условиях возросшего внимания к проблемам российской идентичности и культурно-исторического единства России. В адресованных школьникам словах, предваряющих публикацию повести **«Повестка»** в гуманитарном образовательном журнале «Путеводная звезда», звучит вера автора в молодые силы: «За вами культура России, вам есть что защищать, вам есть во имя чего жить. Высокие слова: Отечество, Родина, Держава — не пустой звук. Ведь всё рядом — о родине говорят ковыли Куликова и Прохоровского полей, курские и белгородские нивы, причалы Севастополя, Урал и Сибирь. У нас нет запасной родины. “Где родился, там и пригодился”, — говорит выверенная веками русская пословица. И это цель — пригодиться Родине. Стать её достойным» [11, 1]. И в публицистических работах «Земля еси и в землю отыдеши» [7, 246—253], «Мы не Иваны, не помнящие родства» [8, 85—92] В.Н.Крупин добавляет: «Велика Россия, а вся умещается в сердце». А на вопрос: «Русские уйдут из мировой истории?» — герои его рассказа «Эти непонятные русские» отвечают: «Только вместе с ней» [12, 214].

Художественное творчество и публицистика этого современного прозаика, вобравшая историческое сознание современников, может стать своеобразным навигатором в пространстве литературной патриотики. Принципиальная гражданская позиция писателя дала основание В.Г.Распутину завершить его сборник «Рассказы последнего времени» (2001) словами: «...по работам Владимира Крупина когда-нибудь будут судить о температуре жизни в окаянную эпоху конца столетия и о том, как эта температура из физического страдания постепенно переходила в духовное твердение. Творческий опыт В.Н.Крупина в этом смысле уникален: он был решительнее большинства из нас, нет, пожалуй, самым решительным».

Предлагаемый далее список рассказов и повестей В.Н.Крупина носит рекомендательный характер, составлен с учётом возрастных особенностей школьников, уровня их литературного развития. Он может стать ориентиром в работе учителя-словесника, подскажет направления бесед о русской литературе, «разговоров по душам» (их так любят ученики Александры Григорьевны Резвецовой, героини повести «Люби меня, как я тебя»), позволит внести уточнения в базовую и дополнения в вариативную часть учебного плана по литературе, наполнить методические рекомендации для подготовки школьников к олимпиадам и творческим конкурсам примерами из современной литературы:

5 класс
Кол с подпорой
Утя
Сашка
Муська
Дымка (повесть в рассказах)

6 класс
Холодный камень
Первая исповедь
Очки
Пастух и пастушка
Большая жизнь маленького Ванечки (повесть в рассказах)

7 класс
Падает звезда...
Где-то далеко
В заливных лугах
Женя Касаткин
Бумажные цепи
Доставка пиццы

8 класс
Зеркало
Авторучка
Сушёная малина
Река Лобань
Лодка Надежды
Берестяная грамота

9 класс
Лист кувшинки
Полонез Огинского
(От Женьки для Жени)
На родине
Красная гора
Отец, я ещё здесь

10 класс
...И о всех, кого некому помянути
Босиком по голубому небу
(Босиком по небу)
Алёшино место
Молитва матери
Повестка (повесть)

11 класс
Как погибает память
Две Москвы
Прости, прощай... (повесть)
Люби меня, как я тебя (повесть)

Чуткий читатель услышит в сочинениях В.Н.Крупина голос то молитвенно-смиренный, то негодующе-взволнованный, то радостно-приподнятый, то пронзительно-печальный. «Она [проза Крупина. — *Е.С.*] идёт от пережитого, от биографии человека, который родился в глубине России, чьё детство легло на голодный конец войны, на тяжёлое послевоенное время», — писал в предисловии к первой книге «Зёрна» (1974) литературный наставник В.Н.Крупина В.Ф.Тендряков.

Сюжеты, подаренные Крупину жизнью, откроют путь к совместным раздумьям о человеке, о взаимоотношениях с людьми, о непреходящих и мнимых ценностях, о связях с землёй отцов и дедов, позволят подготовиться к выпускному сочинению, к экзаменам по литературе и русскому языку в форме ЕГЭ. Эти «беседы» автора с читателем согреты памятью сердца и тем теплом, которое вызывают в душе «симфония детства», воспоминания о юности, о семейных буднях и праздниках, о близких людях. Системное включение произведений В.Н.Крупина в круг детского и юношеского чтения подготовит почву для пробуждения «духовности инстинкта» (И.А.Ильин), превратит уроки литературы в «душеполезное чтение», наполнит их светом доброты, человечности, сердечной отзывчивости.

В статье использованы рисунки учащихся СОШ № 3 с углублённым изучением отдельных предметов г. Алексеевки Белгородской обл.

ЛИТЕРАТУРА

1. ДОСТОЕВСКИЙ Ф.М. Ряд статей о русской литературе. IV. Книжность и грамотность. Статья вторая // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 20 т. — М.: ТЕРРА, 1999. — Т. 16. — С. 25—68.
2. ИЛЬИН И.А. Основы художества. О совершенном в искусстве // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. — М.: Русская книга, 1996. — Т. 6. — Кн. 1. — С. 51—182.
3. ИЛЬИН И.А. Россия в русской поэзии // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. — М.: Русская книга, 1996. — Т. 6. — Кн. 2. — С. 199—258.
4. КРУПИН В.Н. Босиком по небу: книга о детях для детей и взрослых. — М.: Сибирская благозвонница, 2009.
5. КРУПИН В.Н. Дымка. Ямщицкая повесть: рассказы из старинной жизни. — М.: Русская миссия, 2007.
6. КРУПИН В.Н. Кильмезь, сердце моё! // Крупин В.Н. Пока не догорят высокие свечи...: избранная проза. — М.: Смирение, 2013. — С. 178—186.
7. КРУПИН В.Н. Книга для своих. — М.: Институт русской цивилизации, 2012.
8. КРУПИН В.Н. Мы не Иваны, не помнящие родства // Крупин В.Н. Время горящей спички. — М.: Эксмо, 2013.
9. КРУПИН В.Н. Русская классика и народность — хранители нравственности // Крупин В.Н. Последний бастион святости. Господи, спаси Россию! — М.: Алгоритм, 2013. — С. 20—28.
10. КРУПИН В.Н. Снежный туман // Крупин В.Н. Освящение престола. — М.: Русская миссия, 2005.
11. КРУПИН В.Н. У нас нет запасной Родины // Путеводная звезда. — 2005. — № 3.
12. КРУПИН В.Н. Эти непонятные русские // Крупин В.Н. Последний бастион святости. Господи, спаси Россию! — М.: Алгоритм, 2013. — С. 205—214.
13. Православная азбука: книга для совместного чтения родителей с детьми / Авт.-сост. В.Н.Крупин. — М.: Раритет, 2002.
14. РАСПУТИН В.Г. Слово о писателе // Крупин В.Н. Живая вода: повести и рассказы. — М.: Дет. литература, 2001. — С. 5—10.
15. Собрание мыслей Достоевского. — М.: Изд. дом «Звонница-МГ», 2003.

НОВИКОВА Татьяна Фёдоровна —
доктор педагогических наук, профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета
TNovikova@bsu.edu

«МАЛАЯ РОДИНА — ДУША ЧЕЛОВЕКА»

ПУТИ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА МАЛОЙ РОДИНЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ БЕЛГОРОДСКИХ АВТОРОВ

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные проблемы филологического краеведения на Белгородчине, обосновывается необходимость сосредоточения текстов, создающих неповторимый образ малой родины, и квалифицированного их анализа специалистами-филологами, называются пути создания портрета малой родины (топонимы и антропонимы, пейзаж, специфика бытового, культурного уклада, отсылки к историческим событиям, языковое своеобразие авторской речи, речевые характеристики героев и др.) и подчёркивается роль малородиноведения в решении воспитательных задач образования.*
Ключевые слова: *малая родина, филологическое краеведение, пути создания портрета «малой родины», языковое своеобразие, дидактико-краеведческая проблематика.*

Abstract. *This article discusses the current issues and challenges of the philological study of local lore of the Belgorod region. The article justifies the necessity of concentrating on the texts, creates a unique image of a "small homeland" and qualified analysis of them carried out by the specialists-philologists. The ways of creating the portrait of a "small homeland" (toponyms and anthroponyms, landscape, references to historical events, linguistic originality of speech, speech characteristics of characters, etc.) are pointed out and the role of a "small homeland" study is highlighted.*
Keywords: *small homeland, philological lore, ways to create a portrait of a "small homeland", language uniqueness.*

Тема Родины — одна из главных тем русской литературы. Русские писатели сумели запечатлеть и сохранить неповторимый колорит времени и места — и всей огромной России, и своего родного края. Эта мысль нашла яркое воплощение в размышлениях о литературе А.Т.Твардовского, отмечавшего, что наши лучшие писатели «принесли с собой в литературу свои донские степные и лесостепные, уральские и сибирские родные места. Они утвердили в нашем читательском представлении особливый облик этих мест и краёв, цвета и запахи их лесов и полей, их вёсны и зимы, жары и метели, отголоски их исторических судеб, отзвуки их песен, своеобычную прелесть иного местного словечка, звучащего отнюдь не в разладе с законами единого великого языка...».

Этот самый «неповторимый колорит времени и места» не в последнюю очередь (если не в первую) запечатлевают местные писатели. Однако региональные литературные произведения современников достаточно редко попадают в поле зрения профессиональных исследователей. Слабость филологического краеведения, в свою очередь, сказывается на развитии дидактических аспектов литературного краеведения. Отсутствие текстовых образцов, примеров квалифицированного анализа произведений местных авторов отпугивает учителей-словесников от обращения к произведениям региональных авторов-современников. А печальное следствие этого — незнание молодёжью имён и произведений местных литераторов. Например, нами установлено, что выпускники белгородских школ если и знают имя самого известного поэта-белгородца Игоря Андреевича Чернухина, то не знают (не читали, не помнят названий) его произведений, в частности поэм «Бел-город» и «Третье поле», хотя именно эти произведения, в лирической форме воссоздающие историю создания города-крепости Белгорода

Наталья Плешкова. На улице Чехова. Из серии «Уголки старого Белгорода». *2006—2013*

в XVII веке и танковое сражение на Курской дуге в веке XX, по нашему убеждению, особо значимые для формирования мировоззрения, укрепления патриотических чувств современной молодёжи, безусловно, должны изучаться на уроках литературы, включаться в списки для внеклассного чтения, в программы факультативных занятий в учебных заведениях Белгородской области.

Другая дидактико-краеведческая проблема — отсутствие перечня регионально актуальных тем сочинений и изложений и исходного художественного материала для написания творческих работ: высказываний, стихотворных строф, отрывков из прозы и публицистики. А.И.Княжицкий, размышляя о проблемах современного школьного сочинения, полагает, что «в экзаменационных комплектах необходимо присутствие тем, связанных с региональной тематикой, с творчеством писателей, связавших свою судьбу с каким-либо городом, с какими-либо местами. <...> Такие темы призваны обратить внимание школьников на то, как воплощается или перевоплощается в литературе окружающее пространство, так называемая малая родина.

Воспитание патриотизма должно быть в высшей степени конкретным и, если можно так сказать, **центробежным**. Стоит напомнить, что в старой русской школе темы предлагались по отдельным регионам. Не учесть ли и нам опыт мудрых предков?» [Княжицкий, 2006, с. 5. — Выделено нами. — *Т.Н.*].

Д.С.Лихачёв также всегда подчёркивал тонкую и сложную взаимосвязь между художником, произведением и местом, вдохновившим писателя на его создание. «...Понять литературу, не зная мест, где они (произведения. — *Т.Н.*) родились, не менее трудно, чем понять чужую мысль, не зная языка, на котором она выражена. Ни поэзия, ни литература не существуют сами по себе: они вырастают на родной почве и могут быть поняты только в связи со всей родной страной», — взволнованно писал он в статье «Необходим справочник “Литературные места России”», опубликованной в «Литературной газете» ещё в 1980 году (!). Подобные справочники сейчас активно выпускаются, однако системным представлением литературно- и лингвокраеведческого, а также дидактико-краеведческого материала далеко не каждый регион располагает.

По этой причине я и хотела бы здесь обратить внимание на проблему представленности в краеведении темы малой родины, рассмотреть особенности создания образа своего края местными писателями-современниками, показать актуальность этого аспекта литературного краеведения (возможно, его следует и назвать так: «малородиноведение»?).

«Малая родина, — читаем в одном из интервью В.Распутина, — место, где человек родился и вырос. Это “пуповина”, которая связывает его с предшествующими поколениями: та земля, по которой он сделал первые шаги; та речь, которой он научился и которая стала для него родной; та любовь, дороже которой ничего нет. <...> Человек обязательно и невольно соотносит всё с отчим краем и домом, для него они на всю жизнь остаются центром земли, от которого начинается отсчёт всех остальных понятий и открытий. <...> ...Малая родина — душа человека, и тот, кто окончательно забыл и покинул её, потерял и душу», — считал писатель [см.: Распутин, 1979].

Как точно сказано: «Малая родина — душа человека»! По мысли Распутина, с любви к малой родине начинается формирование патриотического сознания человека — первоосновы всех его и поступков, и дел.

В то же время малая родина обогащает и самого писателя, оказывает влияние на формирование мировоззрения и художественного своеобразия его творчества, а писатель своим творчеством тоже воздействует — прямо или косвенно — на культуру и жизнь своего края. Размышляя о своём пути в литературу, писатель Владимир Фёдоров писал: «Не знаю, взялся бы я за перо, если бы не соловьиная природа Белгородчины, её березовые и дубовые рощи, меловые кручи, пахучие луга и огороды у Донца и маленькой Везёлки... Если бы не протяжные русские и украинские песни...» [цит. по: «Белгородчина литературная», с. 5]. Сам В.И.Фёдоров — уроженец Белгорода, участник Великой Отечественной войны. Своим учителем считал А.Т.Твардовского, с которым имел длительную переписку; именно с подачи Твардовского в 1960 году в журнале «Новый мир» были опубликованы стихи Фёдорова из его лирической хроники «Белгород». В этой хронике была представлена целая галерея земляков-белгородцев, даны реалистические картины и зарисовки послевоенного Белгорода.

Изображение нашей малой родины — Центрального Черноземья, Белгородского края — можно обнаружить в творчестве классиков Н.В.Гоголя, И.С.Тургенева, И.А.Бунина, в книгах известных современных писателей: курянина Е.И.Носова, воронежца Г.Н.Троепольского, в произведениях белгородских авторов: И.А.Чернухина, Н.Г.Овчаровой, В.Е.Молчанова, В.И.Белова, Л.Ф.Конорева, А.М.Гирявенко и др.

А.М.Гирявенко пишет в одном из своих очерков: *«Брожу по холмам и думаю. Да, и впрямь далеко ходить не нужно: всё начиналось здесь и получало логическое продолжение в литературной жизни России. Отсюда шли невидимые золотые нити во все её уголки и крупнейшие культурные центры, переплетались самым неожиданным образом со многими другими. <...> Отсюда, из моих родных мест, пришёл поэт-песенник А.Кольцов в русскую литературу — после того как побывал в усадьбе Станкевичей. А затем тот познакомил с московскими друзьями, в том числе Белинским, помог напечататься, написал предисловие к стихотворениям. Сборник стихов Кольцова рассмотрел... Никитенко (мир тесен!) и дал добро на его издание: “Печатать позволяется”*, заканчивая свои размышления восклицанием: *“Вот — преемственность!”»* [Гирявенко, 2001, с. 104—105].

Каждый из художников избирает и использует свои пути и способы создания портрета малой родины: это может быть прямое указание на конкретную местность, связанные с нею топонимикон и антропонимикон, узнаваемые черты и детали пейзажа, бытового, культурного и религиозного уклада, символы и знаки, позволяющие «опознать» местность, отсылки к историческим событиям, своеобразие художественного творчества (песен, танцев, обрядов), интерьера, одежды, языковые черты и особенности авторской речи, речевых характеристик литературных героев и др. [подробнее см.: Новикова, 2014, с. 20—25].

Вспомним произведение, хорошо знакомое по школьной программе, — «Записки охотника» И.С.Тургенева. Помимо прямого указания на географическое расположение описываемых мест: Орла, Льгова, Лебедяни, Красивой Мечи, автор — одним из первых в литературе того времени — в художественных целях широко использует местные слова и выражения. На первой же странице «Записок охотника» писатель помещает примечание следующего характера: «Орловское наречие отличается множеством своебытных, иногда весьма метких, иногда довольно безобразных слов и выражений». В тургеневских рассказах *площадя* — это большие сплошные массивы леса; *орёл, орелик* — это старьёвщик, закупщик тряпок для бумажной фабрики; *дощаник* — лодка; *казюли* — змеи; *бучило* — яма с весенней водой, *сугибель* — поворот в овраге, *ссечки* — вырубки и т. д., его герои говорят сочным народным языком: «Я в деревне не *живалый*», «*Духом* (т. е. в один дух) сомчи», употребляют «своебытные» слова и выражения: *баил, песельник, завсегда, запужал, откентелева, неабнаковенный, предвиденье небесное* (солнечное затмение) и др. Даже не беря во внимание топонимические подсказки, только по языку можно без колебаний определить, где живут герои рассказов Тургенева: это наши чернозёмные края, курско-орловские земли.

Или ещё одна знакомая литературная страничка, запечатлевшая облик города Белгорода конца XIX века, — эпизод из «Жизни Арсеньева» И.А.Бунина: «*За Курском, чем дальше, тем всё теплей, радостней. На откосе вдоль шпал уже густая трава, цветы, белые бабочки, в бабочках уже лето.*

— Смотри, смотри, какие громадные тополя! И уже совсем зелёные! Зачем столько мельниц?

— Ветряков, а не мельниц. Сейчас будут видны меловые горы, потом Белгород...

...В долинах под Белгородом милая скромность празднично-цветущих вишнёвых садов, мелом белеющих хат. На вокзале в Белгороде ласковая скороговорка хохлушек, продающих бублики. Она покупает и торгуется, довольная своей хозяйственностью, употреблением малорусских слов...»

Как известно из биографии писателя, Бунину приходилось проезжать Белгород по пути на Украину не раз. Трудно сказать, в какую из поездок запала в память художника полная ярких красок и запахов картинка, в которой мы, даже спустя более чем столетие, без труда узнаём приметы родного города: железнодорожный вокзал, природа, «малорусский» говор.

«Разумеется, у каждого человека своя малая родина, и её приметы тоже разные...» — писал Е.И.Носов. Узнаваемыми по одной детали картинами, бытовыми и пейзажными зарисовками насыщены все произведения бесспорного классика XX века Евгения Ивановича Носова. По нашему мнению, обязательна для изучения не только в курских, но и в наших белгородских школах его статья «Краски родной земли», особенно стержневой её фрагмент: «*Нам, курянам, досталась по наследию Курская земля. Нет у неё ни морских берегов, ни горных радужных водопадов, ни могучих рек. Её небо не багрянят огненные жерла вулканов, она не мерцает дивными всполохами северного сияния. Бунин назвал эту местность сдержанным, но всё-таки удивительным словом: подстепье. Мол, оно, конечно, у вас тут уже не те леса, что, скажем, за Орлом, под Белёвом или Та-*

русой, и ещё не те раздольные степи, каковые раскинутся южнее, по-за Доном и по причерноморской Таврии, не то и не другое, а нечто смешанное, среднее между лесами и полями — вот именно лесостепь... Что и говорить, не так-то просто ухватить, воспроизвести, запечатлеть вот такую неэкзотическую, неброскую, не степь и не лес, землю...

Но вот закрываю глаза, и — трепетно обмирает сердце — вот она, родимая! Взгорья и равнины и опять холмы. Вверх — вниз, вниз — вверх. Будто дышит, словно это её натруженные вздохи. Вот тут мы и живём, между этими вздохами...»

Все его повести и рассказы («Усвятские шлемоносцы», «В чистом поле, за просёлком», «Во субботу, день ненастный», «Неспешными просёлками» и др.), вся его публицистика («Курские холмы», «Дорога к дому», «Живое слово и ржавое железо» и др.) пронизаны особым чувством родины, русским духом. Герои Носова говорят на живом русском языке со специфическими деталями и оттенками речи изображаемой местности, и в большинстве своём говорят поэтично. Вот, например, как говорит пожилая курская колхозница из рассказа «Во субботу, день ненастный»: *«А теперь и надо бы помочить, — говорила она за ловкой своей работой. — Хлебушко по сухому сеялся. Ему и так, бедному, ничево. <...> Всё под бурак да под конопли сыпють, а ему опять ни граммушки. Байки одни. Сердце изболелося, на него глядючи. Взошёл квёлый да неохотный... Какой же он будет, коли уже теперь такой? А ему и ещё под зиму итить...»*

Выигрывает такая речь не только своей необычностью. Удивительна способность сельского жителя находить для каждого предмета своё точное обозначение; иной раз оно может показаться неуклюжим, для слуха непривычным, но всегда оно на редкость меткое, проникающее в самую глубину, в суть явления — к этому выводу приходишь, наблюдая за особенностями употребления Е.И.Носовым местных слов и выражений.

Белгородский писатель Л.Ф.Конорев считал себя учеником Е.И.Носова, и языковая манера учителя в его прозе ощутима. Возьмём один из наиболее известных рассказов Конорева — «Голоса за околицей». Специфика языка проявляется и на уровне авторского повествования, и в колоритной речи его героев — наших земляков и современников. Писатель называет свою героиню по-свойски «Дуня-модистка», говорит о ней попросту: *«А на четвёртый день Дуняха очухалась, как говорили в деревне»*, употребляет в авторской речи местные слова и выражения: *выгон, глудки, вечерять, подтирухи* (тряпки, которыми хозяйки вытирают во время дойки коровье вымя), *копачи* (род вил — рабочего инвентаря) и др. Но особенно уместна эта лексика в диалогах, в разговорной речи его героев: *«Чтой-то баб нету... Не отделались ещё...», «Зерно не отколупливается как следно», «Не то, что, бывалоча, опосля войны», «Чуть развиднет», «Намахалася с тяпкой на бураках», «Серчает она на её».* Все эти *«дак-дак...», «што там, што там!», «таперича», «отседова»* делают героев живыми, естественными, узнаваемыми. Разговорное выражение *«на Май видела да под Октябрьскую»* является точным указателем не только пространства, но и времени действия в рассказе.

И.З.Бердышев. Облако. *2016*

Белгородские поэты находят свои краски и слова для создания образа милой малой родины. Возьмём известное стихотворение В.Молчанова «И траве, и солнышку...»:

И траве, и солнышку
Многим я обязан.
Я — телёнком к колышку —
К родине привязан.
Где белеет радостно
Синей речки пена,
Мне ничуть не тягостно
От такого плена.
Зеленеет полюшко —
Не охватишь взглядом!
И другой мне волюшки
Никакой не надо.
Светится до донышка
Родничок под вязом.
Я — телёнком к колышку —
К родине привязан...

Этнокультурных комментариев потребует ключевой образ лирической миниатюры — телёнка, привязанного к колышку на выгоне. Для того чтобы понять оригинальность и в то же время безусловную достоверность выбранного поэтом сравнения, чтобы увидеть эту идиллическую сельскую картинку, надо знать некоторые особенности уклада южнорусского региона. На юге России в тёплое время года телят для пастьбы привязывают с помощью длинной веревки на выгоне, на лугу: и свободнее, чем в тесном хлеву, и далеко не уйдёт... Сладкая несвобода. Только по одному этому яркому, специфически южнорусскому образу можно определить «место действия» и оценить выверенность и точность центрального образа стихотворения. Кроме того, символическое значение приобретает в контексте этого стихотворения слово *родничок*: здесь *родник* — и не просто родник, а трогательный *родничок*! — ещё один символ малой родины, родного села поэта — заповедной белгородской Таволжанки.

Для поэтического творчества местных поэтов характерна стилизация под народно-разговорную речь. Возьмём для примера стихотворение Владимира Михалёва — уникального белгородского автора, всю жизнь совмещавшего литературное творчество с работой в качестве колхозного пастуха:

Люблю стрекающие росы
И пляску красок на лугу.
Сполох зари высоко вскинут,
А над макушками ракит
Подойник неба опрокинут
И дужка месяца звенит.
Спешу на выпас до рассвета
И здраво думаю о том,
Что в мире стоит быть поэтом
И даже просто пастухом.

Помимо серьёзной работы по осмыслению содержания этого в определённой мере программного для поэта-пастуха произведения, по установлению образных средств (*«Подойник неба опрокинут / И дужка месяца звенит»* и др.), по перекличке афористической концовки с известной некрасовской формулой *«Поэтом можешь ты не быть, а гражданином быть обязан»*, квалифицированного комментария заслуживает народно-поэтический язык стихотворения, причём начать следует уже с первой строки, ставшей названием: *«Люблю **стрекающие** росы...»* В словаре В.И.Даля можно найти подтвержде-

ние, что одно из значений слова *стрекать* — «брызгать», другое — «жечься, жалиться, колоться». Росы, конечно, брызгающие, а крапива — жгущая, жалящая. Однако здесь очевидно столкновение этих разных значений (хотя, безусловно, происхождение обоих слов от слова *стрекать* свидетельствует об их семантической близости: и то и другое обозначает прикосновение, заставляющее себя почувствовать). Называя *росы «стрекающими»,* автор заставляет обратить внимание на особую значимость этого признака. Мы видим лирического героя идущим по лугу и не просто ощущающим на себе прикосновение трав, а «подробно» переживающим всё вокруг, даже отдельную росинку. Росы для тонко чувствующего природу человека живые, они как бы сами прикасаются к человеку. Диалектное слово *стрекающие* «оживило» признак, стало неявным, но тонким, оригинальным способом олицетворения природы. И это ещё один путь создания запоминающегося образа малой родины.

Как видим, региональная «особинка» проявляется и в культуре, и в специфике лексикона, и в лексико-семантических и грамматических особенностях языка, и в образах-символах, запечатлевающих неповторимые черты малой родины — для нас родной Белгородчины. Такого рода материал должен собираться, систематизироваться, осмысливаться, описываться, чтобы потом разнообразно и планомерно-системно использоваться в преподавании литературы — и более того: в развитии интереса современных подростков к своей культуре, к своей большой и малой Родине.

Образ малой родины в стихах белгородских поэтов
Материалы к уроку

Своё собственное заставляет вникать
в мелочи
и открывать в них глубокую жизнь
во всей неисчерпаемой полноте её.

Ф.И.Буслаев

Работа с эпиграфом

— Обратите внимание на эпиграф к уроку. Подберите примеры и аргументы, подтверждающие правоту мысли Ф.И.Буслаева.

— А какие строчки или высказывания вы бы выбрали в качестве эпиграфа, если бы вам предложено было такое задание?

Беседа по вопросам домашнего задания, проверка предварительно выполненных заданий

— Назовите имена и фамилии известных вам белгородских писателей, публицистов.

— Составьте алфавитный указатель для предполагаемого справочника «Белгородские писатели. XX век».

— Подготовьте короткую справку о жизни и творчестве одного из белгородских авторов. Подберите одно из характерных произведений (отрывок из произведения) этого автора и предложите его для анализа на уроке.

— Подберите одно из стихотворений о Белгороде, белгородских городах и сёлах, покажите, какие приёмы изображения использует поэт для создания образа малой родины. Выпишите из стихотворений (конкретного стихотворения) слова и выражения, которые можно рассматривать как «региональные маркеры» текста, то есть указатели того, что в тексте описывается именно наш край.

— Прочтите одну из поэм И.А.Чернухина («Бел-город», «Третье поле», «Мозаика века» — на выбор), выпишите и прокомментируйте культурно-маркированную лексику, топонимы и антропонимы, строки и строфы (не более 4—8 строк), важные для понимания основной мысли и характеристики стиля поэмы.

— Попробуйте обобщить: в чём особенности стиля поэта / писателя, чьё произведение вы выбрали?

Групповая работа по анализу предложенных учителем текстов

1-я группа: анализ стихотворения Виктории Кан «Город детства»:

Весной — в цветочной сладкой пене,
Зимой — в сугробах и ветрах,
А летом — в травах по колени
Стоишь на меловых горах.
Берёзок свет в прожилках синих,
Омытый солнечной слезой,
Сквозит в пыли дорог России
Между Сибирью и Москвой.
Мне не поймать небесной сетью
Сверканье капель-куполов,
Твоё манящее бессмертье
И тени светлых облаков.

Вопросы для организации самодиалога по стихотворению В.Кан

— По каким деталям можно догадаться, что «город детства» — это наш Белгород?

— Как вы думаете, с какой целью поэтесса рисует образ родного города в разные времена года? Как ей удаётся одним-двумя штрихами, с помощью одной «говорящей» детали создать многоликий образ города? Назовите эти детали.

— Какие приёмы, изобразительно-выразительные средства использует поэтесса для создания образа родного города — «города детства»?

— Что стоит за выражением «Сквозит в пыли дорог России / Между Сибирью и Москвой»?

— Почему лирической героине стихотворения кажется невозможным «поймать небесной сетью / Сверканье капель-куполов»? Как вы понимаете эту метафору?

2-я группа: сравнительный анализ двух стихотворений Дмитрия Маматова.

Далёкое

Детство с материнской хворостиною,
Радость несолёному куску.
О, село Призначное, прости мою
По тебе зелёную тоску.
Снится мне сверчок с его потёмками,
В окнах керосиновый огонь,
С тощими холщовыми котомками
За порог побеги без погонь.
Радость хат с ямщицкими ночлегами,
Вольные ковыльные края.
Шаткими воловьими телегами
Отскрипела молодость моя.
Молодость и сила изначальная
С песнями гармоник и девчат.
Только тишь вокруг стоит печальная
Да колёса в памяти стучат.

Заря

Село моё Призначное
В берёзовом дыму,
Хочу в любви признаться я
Тебе лишь одному.
Заря розовощёкая
На взгорочке крутом,
Здесь детство моё щёлкало
Пастушечьим кнутом.
Как сказка без названия —
Левада, зеленя,
Ночной звезды дрожание
Да ржание коня.
Колодец наш под ясенем
С кувшином на плетне
Да с солнечными ясными
Осколками на дне.
Просторы с песней милою,
С рассветной бороздой
Да с братскою могилою
Под красною звездой.

Вопросы для организации работы по сравнительному анализу стихотворений Д. Маматова

— В каком жанре (риторической форме) написано стихотворение «Далёкое»? Какова роль формы стихотворения в понимании его замысла?

— Каким представляется вам лирический герой стихотворения?

— Почему детство с «хворостиною», «несолёным куском», «тощими котомками» вызывает у лирического героя «зелёную тоску»? Почему поэт использует именно этот фразеологизм?

— Как вы понимаете словосочетание «вольные ковыльные края»? Какова роль этого образа? Выпишите из стихотворения другие слова и словосочетания, позволяющие автору создать яркий образ села, в котором прошло его детство, — села Призначного Прохоровского района.

— Какие художественные средства (эпитеты, метафоры, сравнения и др.) использованы поэтом при создании образа его малой родины?

— Найдите и выпишите из стихотворения «Далёкое» примеры устаревших, просторечных и диалектных слов, используемых поэтом; объясните их значение и определите их художественную роль в тексте.

— С помощью каких приёмов автору удаётся показать связь прошлого и настоящего как в своей жизни, так и в жизни каждого человека?

— Как вы понимаете строки, завершающие стихотворение («Только тишь вокруг стоит печальная / Да колеса в памяти стучат»)?

— Как перекликается это стихотворение с другим стихотворением этого поэта — «Заря»? Найдите примеры содержательных и языковых перекличек в двух стихотворениях поэта.

— Попробуйте на основе этих двух стихотворений сделать вывод о том, что в первую очередь волновало поэта. Создайте краткий лирический биографический очерк о детстве и юности белгородского поэта Дмитрия Маматова.

Обобщение работы, рефлексия

— Ответьте каждый самому себе на вопросы: «Что нового я узнал на этом уроке о своей малой родине?» и «Для чего мне нужны эти знания?».

— Обобщите: с помощью каких средств и приёмов создают белгородские поэты образ малой родины — Белгородчины? Какой из приёмов вы бы взяли на вооружение при написании творческой работы о своей малой родине в форме эссе, лирической зарисовки, очерка или стихотворной строфы?

— Предложите темы и названия для литературных и культурологических проектов, выполняя которые можно будет продолжить, уточнить, конкретизировать рассмотренную на сегодняшнем занятии проблему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белгородчина литературная. Кн. 1 / Сост. В.П.Оводенко, В.М.Пальваль. — Воронеж: Центрально-Чернозёмн. кн. изд-во, 1979.
2. ГИРЯВЕНКО А.М. У жизни взаймы: рассказы и литературные очерки. — Белгород: Крестьянское дело, 2001.
3. КНЯЖИЦКИЙ А.И. Есть ли выход? Слово об экзаменационном сочинении // Русская словесность. — 2006. — № 1. — С. 2—5.
4. КОНОРЕВ Л.Ф. Голоса за околицей. — Белгород: Крестьянское дело, 2001.
5. МОЛЧАНОВ В.Е. Посвящение: стихотворения. — Белгород: Крестьянское дело, 1995.
6. НОВИКОВА Т.Ф. Лингворегионоведение в школе: учеб. пособ. — Белгород; Харьков: изд. Федорко, 2014.
7. НОСОВ Е.И. Собр. соч.: В 5 т. / Сост. Е.Д.Спасская; предисл. В.Я.Курбатова. — М.: Русский путь. — Т. 1. — 2005.
8. РАСПУТИН В.Г. Живая связь времён и судеб // Советская Россия. — 1979. — 6 мая.

КУРБАТОВА Юлия Владимировна —
заведующая кафедрой филологического образования, кандидат филологических наук, ОГАОУ ДПО «Белгородский институт развития образования»
kurbatova-ipkpps@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ПРЕПОДАВАНИИ ЛИТЕРАТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

Аннотация. *Статья посвящена проблемам преподавания литературы, отдельно рассматривается вопрос о преемственности в преподавании литературы в основной школе на примере творчества Г.П.Корниловой. В работе приводится анализ рассказа «Бедная Валя».*
Ключевые слова: *литературное образование, федеральные государственные образовательные стандарты, преподавание современной литературы, творчество Г.П.Корниловой.*

Abstract. *The article is devoted to the problems of teaching literature. The issue of continuity in the teaching literature is described on example of the analysis of G.P.Kornilova's short story "Poor Valya".*
Keywords: *literary education, Federal State Educational Standards, teaching of modern literature, G.P.Kornilova's works.*

Русское образование как часть национальной культуры всегда было литературоцентричным. Однако уже к концу 80-х годов XX века литература стала утрачивать свою ведущую функцию. Вместе с этим образование переставало быть значимой социальной ценностью. Сложившаяся ситуация усугублялась социокультурными потрясениями 1990-х годов. Последние десятилетия наблюдается возвращение к образовательным и духовно-нравственным ценностям, которые несёт в первую очередь русская литература. Введение федеральных государственных образовательных стандартов, изменение примерной программы по литературе имели широкий общественный и политический резонанс, становились предметом обсуждения на страницах газет и журналов, в телевизионных передачах, на заседаниях Государственной думы. Такое положение указывает на исключительность роли образования и литературы в жизни общества, которое, несмотря на существенные перемены в социальной и политической жизни страны, осознаёт ведущую роль литературы в формировании гуманистической личности и необходимость качественного образования для детей и молодёжи. Однако, несмотря на неоспоримо значимые и аргументированные преобразования, преподавание литературы в школе и вузе остаётся серьёзной проблемой и имеет целый ряд неразрешённых задач.

Нельзя не отметить совокупность преобразований, которые, несомненно, явились важным шагом в совершенствовании образовательной системы в целом и преподавании литературы в частности. Одним из таких новаторских решений стал Федеральный государственный образовательный стандарт, принятие которого ознаменовало смену образовательной парадигмы в России, и в первую очередь смену педагогического подхода. Основой стандарта стал системно-деятельностный подход, не отрицающий значимости знаний, умений и навыков, которые должен получить ученик, однако смещающий акцент с *получения* знаний на их *самостоятельное добывание.* Применительно к литературе, как, впрочем, и к любому другому предмету, это означает, что обучающийся теперь максимально самостоятельно добывает новые знания и учится применять их при решении образовательных задач и в реальной жизни. В пояснительной записке к примерной программе по литературе среди главных целей изучения предмета «Литература» названы следующие:

— формирование духовно развитой личности, обладающей гуманистическим мировоззрением, национальным самосознанием и общероссийским гражданским сознанием, чувством патриотизма;

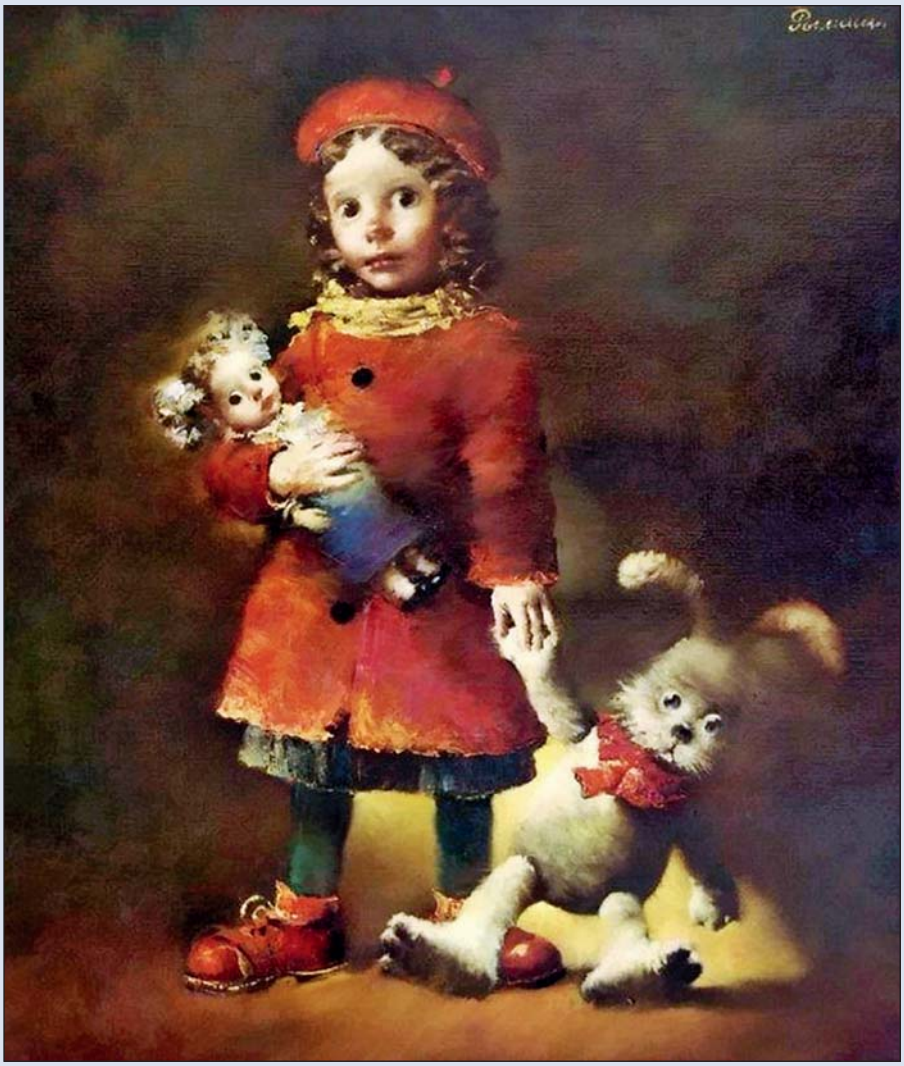
— постижение учащимися вершинных произведений отечественной и мировой литературы, их чтение и анализ, основанный на понимании образной природы искусства слова, опирающейся на принципы единства художественной формы и содержания, связи искусства с жизнью, историзма;

— овладение возможными алгоритмами постижения смыслов, заложенных в художественном тексте (или любом другом речевом высказывании), и создание собственного текста, представление своих оценок и суждений по поводу прочитанного и др. (1, 4).

Таким образом, на первый взгляд литературе, как и прежде, отводится значимая роль в формировании духовно развитой личности. Но стоит отметить, что, во-первых, ни слова не говорится о том опыте (читательском, литературоведческом), который уже был получен обучающимся в начальной школе. Между тем преемственность в преподавании остаётся одним из важнейших принципов педагогики. А ведь при изучении литературы складывается ситуация, при которой ученик знакомится с творчеством того или иного писателя лишь однажды, причём только в начальной школе. Каким же будет его представление о наследии писателя и

литературном процессе в целом, когда он закончит школу? Отчасти эту проблему может решить «Список 100 книг по истории, культуре и литературе народов Российской Федерации, рекомендуемый школьникам к самостоятельному прочтению», создание которого было инициировано президентом В.В.Путиным в 2013 году. Список представляет собой перечень книг, которые должны дополнить школьную программу и расширить знания учащихся об истории и культуре родной страны. Он не дублирует произведения, вошедшие в школьную программу, а, наоборот, дополняет их. Однако данный список носит именно рекомендательный характер, причём нет конкретных методических указаний по его использованию в образовательном процессе. Кроме того, часть авторов, чьё творчество изучается в начальной школе, не вошли ни в данный список, ни в программу основного и среднего образования.

Во-вторых, образовательный стандарт предусматривает отсутствие одной примерной программы по литературе, как это было до его введения. Теперь каждое издательство, которое выходит на рынок учебников, вправе разрабатывать свою примерную программу по литературе и на её основе формировать содержание предмета. С одной стороны, это даёт возможность коллективу авторов, работающему над созданием учебника, новаторски подойти и к содержательной и к методической части книги, дополнить её теми произведениями, которые не вошли в примерную образовательную программу основного общего образования. Действительно, анализируя современную учебную литературу, можно прийти к выводу, что большинство авторов пошли именно по этому пути — дополнили список изучаемых произведений отечественной и зарубежной литературы. Но стоит напомнить, что сегодня, к сожалению, изучению литературы в учебном плане отводится недостаточно места (2—3 урока в неделю), что не позволяет учителю в полном объёме знакомить обучающихся с творчеством русских и зарубежных писателей. С другой стороны, данное положение (отсутствие одной примерной программы) дало возможность исключить некоторые произведения, а иногда и всё творчество писателей из программы. Так, примерная программа по литературе издательства «Просвещение» не предусматривает изучение в 5—9 классах творчества М.Е.Салтыкова-Щедрина, К.Г.Паустовского, М.М.Пришвина и др. Стоит отметить указание разработчиков программы, что это лишь инвариантная часть, а вариативная, составляющая 12% времени от общего количества часов, предусмотренных в базисном учебном плане, формируется авторами рабочих программ. Однако такое решение о факультативном изучении классиков русской литературы выглядит довольно эксцентрично. Проанализировав большинство программ по русской литературе для 5—9 классов, мы пришли к выводу, что обучающийся к 9 классу знакомится, например, с творчеством К.Г.Паустовского, изучая несколько рассказов в начальной школе («Растрёпанный воробей», «Кот-ворюга»), сказки-притчи «Тёплый хлеб» и рассказ «Телеграмма» в основной школе. В некоторых учебниках можно найти обзор повести «Мещёрская сторона». Ни о книгах «Кара-Бугаз», «Колхида», «Чёрное море», которые стали значимой вехой в истории отечественной литературы и принесли их автору известность, ни об автобиографических повестях «Далёкие годы», «Беспокойная юность», в которых, как в зеркале, отразилась история нашей страны, ни о философско-поэтическом цикле, посвящённом писательскому труду, «Золотая роза» обучающийся, к сожалению, не узнает в школе и вряд ли станет читать эти произведения после её окончания. Между тем значение этих произведений переоценить трудно. В 1960-е годы Паустовского называли в народе «тарусский мудрец», поскольку он поселился в небольшой калужской деревушке и не отказывал никому из приезжавших к нему в содержательной философской беседе. Паустовского уважали в писательской и читательской среде, боялись в структурах власти (не давали слова на съезде Союза писателей, не допустили встречи членов Нобелевского комитета с писателем, номинированным на высокую награду, пытались блокировать гражданскую панихиду на похоронах), его произведения переведены практически на все языки мира. Но современные школьники запомнят его только как автора рассказов о природе и о животных (именно так определяют содержание творчества писателя студенты историко-филологического факультета НИУ БелГУ). Возможно, стоит поставить вопрос о включении предмета «Литература» в курс вузовского образования, чтобы сформировать представление студентов о литературном процессе в полном объёме, а также укрепить значимость чтения в современном обществе. Если же говорить о современной школе и основываться на положениях образовательного стандарта, то во многом изучение литературы предопределяется овладением технологией чтения и интерпретации художественного текста, причём значительный объём художественных произведений должен осваиваться обучающимся либо самостоятельно, либо в рамках проектной и исследовательской деятельности, что предполагает поддержку учителя. На практике же очевидна проблема отсутствия стремления к систематическому самостоятельному чтению у школьников, у словесников же — к углублённому изучению литературы в рамках исследовательской и проектной деятельности, поскольку это сопряжено с рядом трудностей в организации. Следовательно, изучение литературы в современной школе, как никогда, зависит от личности учителя: если педагог свободно владеет предметом, открыт для научного поиска, помимо важных образовательных задач ставит ещё одну — увлечь ученика чтением, то он активно будет осваивать новые образовательные технологии и, сохраняя традиции методики преподавания литературы, придёт к оптимальному новаторскому решению. В противном случае мы



С.В.Римашевский (род. 1964). Мадонна в меховом пальто

будем иметь формальный подход к изучению литературы в школе, который неминуемо приведёт к дегуманизации общества.

Возвращаясь к проблеме ограниченности изучения творчества отдельных писателей рамками программы начального общего образования, хотелось бы рассмотреть данный вопрос на примере творчества современной писательницы Галины Петровны Корниловой. В школьной программе изучаются только несколько рассказов для младшего школьного возраста «Наш знакомый Бумчик» (2 класс). Дети с удовольствием читают небольшие рассказы, каждый из которых учит их чему-то доброму. Некоторые учителя используют при проведении этих уроков аудиокниги, музыку к которым написал Д.Ф.Тухманов. Малоизвестными фактами являются написание композитором детской оперы по мотивам произведений Г.Корниловой и переиздание книги и музыкального произведения в наши дни. Конечно, указанные факты не столь значимы при изучении произведений в начальной школе, однако заслуживают определённого внимания. Не так уж много писателей конца XX — начала XXI века удостоены чести переложения их произведений на музыку. Почему именно Галина Корнилова? И почему о её творчестве большинство россиян ничего не знает?

Прежде всего необходимо сказать несколько слов о писательнице. Галина Петровна Корнилова родилась в 1928 году. Печататься начала в 1956 году. Автор многих прозаических книг: «Большие дома» (1970), «Прогулки в полночь» (1973), «Наш знакомый Бумчик» (1975), «Музыка в Скатертном переулке» (1980), «В сторону Садового кольца» (1986), «Охота на кроликов» (1996), «Вот моя деревня...» (2003), Корнилова до 2011 года была главным редактором уникального журнала «Мир Паустовского», каждый номер которого открывал новые факты биографии и творчества великого русского писателя, а также свидетельства его современников и последователей, новые научные исследования творческого наследия литератора.

Г.Корнилова — человек удивительной судьбы. Ей довелось не только быть свидетелем исторически значимых событий XX и XXI веков, но и стать непосредственным участником литературного процесса этого периода. Человек удивительной скромности, она никогда не говорит о своих близких знакомых, несмотря на то что среди них великие русские писатели, поэты, журналисты. Так, в собрании сочинений А.Ахматовой можно найти письма поэтессы к Корниловой. Автор «Реквиема» обращается к адресату как к очень близкому человеку: «Милая Галя!», «Моя дорогая Галя!». В то время Галина Петровна работала в журнале «Знамя» заведующей отделом поэзии и безуспешно пыталась опубликовать фрагменты «Поэмы без героя» и воспоминания Ахматовой об Амедео Модильяни. Несмотря на то что публикация не состоялась, двух русских женщин в литературе связала дружба. Сегодня Г.П.Корнилова свято чтит имя А.А.Ахматовой и по возможности участвует в мероприятиях, посвящённых её памяти.

По словам Галины Петровны, настоящим потрясением для неё было знакомство с К.Г.Паустовским. Он стал для неё настоящим учителем в литературе и жизни. Учителем, который высоко ценил талант своей ученицы: «Основные черты прозы Корниловой — тонкое понимание наших простых людей, особенно тех “маленьких взрослых”, что живут рядом с нами в своём сложном, а подчас и горьком внутреннем мире, умение находить те жизненные узлы, где подлинная человечность героев побеждает обыденность, чёткий рисунок рассказов, мелкие детали» (3, 258). В статье «Кому передавать оружие» Паустовский отметил Г.Корнилову среди тех писателей, кому старшее поколение может доверить продолжить своё дело. Переписка с молодой писательницей вошла в 9-й том собрания сочинений Паустовского. Поэтому факт главного редакторства журнала «Мир Паустовского» предстаёт закономерным и необходимым событием в жизни Корниловой. В журнале печатались статьи известных учёных — исследователей творчества Паустовского, произведения его учеников, воспоминания его современников; на страницах издания впервые публиковались архивные документы, которые зачастую переворачивали привычные представления о личности и творчестве писателя, редакция поддерживала тесные связи с музейными центрами имени Паустовского (с Одесским, Киевским, Рязанским). В Московском литературном музее-центре К.Г.Паустовского, где находилась редакция журнала, под руководством Г.П.Корниловой велась серьёзная работа по составлению словаря Паустовского, по изданию книг, посвящённых исследованиям его творчества, жизни, мест, которые связаны с его именем, проводились крупные международные научные конференции.

Сложно представить, как при таком объёме работы в музее и редакции крупного журнала Галина Петровна успевала и успевает писать великолепные произведения, которые достойны внимания и школьников, и студентов, и тех, кто работает, но привык читать глубокую, интересную прозу. Большая часть произведений Корниловой имеет автобиографическую основу. Например, «Наш знакомый Бумчик» был написан по результатам поездки писательницы в Литву, где её окружали деревенские дети и просили рассказать им что-нибудь интересное. Из этих рассказов и сложилась книга о Бумчике.

В целом, можно отметить, что большинство произведений Г.Корниловой описывают то, что происходит с её современниками в жизни. Её герои сталкиваются с обыденными ситуациями и как бы проходят проверку на устойчивость духовных основ. Как верно отметил литературовед Всеволод Сурганов, «в этом смысле... Корнилова ещё и летописец. Но и летописание её опять-таки поэтическое. Потому что в конечном счёте она воссоздаёт нравственную атмосферу своего времени — очень трудного, даже жестокого, но давшего возможность тем, кто вырастал под его неласковым крылом, познать подлинную цену доброты к человеку и чёрного насущного хлеба справедливости...» (4, 173). На наш взгляд, сегодня особенно важно, чтобы школьники вместе с героями произведений Корниловой осмыслили своё время и смогли приобщиться к подлинно гуманистическим ценностям. В беседе с писательницей мы задали ей вопрос: «А если бы Вам предложили выбрать произведение, которое включили в программу основной или старшей школы, какому рассказу или повести из своего творчества Вы отдали бы предпочтение?» Галина Петровна растерялась: «Я не знаю даже... Никогда не думала об этом... Хотя, подождите, кажется, вот это подошло бы — рассказ **“Бедная Валя”** (см.: Уроки литературы. — 2017. —№ 2. — *Р*). Там мать и дочь — они как бы одни против целого мира. Мне кажется, это нужно детям» (5). Вероятно, этот рассказ сегодня может быть прочитан только в рамках внеклассного чтения или при обзорном изучении творчества современных писателей, но уже и это хорошо.

Сюжет рассказа на первый взгляд очень прост: мать-одиночка воспитывает дочь Валю, которую водит в детский сад. Летом дошкольное учреждение выезжает за город, поэтому девочка оказывается круглосуточно в саду, а с мамой она не может видеться. В результате Валя с трудом преодолевает сложный период в своей жизни, и в конце её ждет награда — за ней приезжает мама. Однако за внешне простым сюжетом скрывается сложная философская основа. Валя не обычный ребёнок, у неё тонкая, чуткая душа, хорошо развитое воображение и обострённое чувство родства с матерью. Такому ребёнку трудно «вписаться» в строгий мир правил детского сада. Поэтому в саду ей не нравится: не нравится воспитательница, шум, который поднимают дети в большой комнате, игры, которые ей предлагают. Это отстранение от мира не проходит незамеченным — воспитательница считает, что девочка не контактна и «вообще не очень развита», поскольку не играет со всеми, а молча сидит у аквариума. Это не соответствует действительности — Валя подолгу о чём-то беседует с рыбками, но для воспитательницы не столь важно, чем занята девочка, важно, что она не со всеми, а значит — не развита. Когда эти выводы услышала Валина мама, то «от слов воспитательницы у неё немного заболело сердце» (6, 149). Но сердечная боль возникает не от обиды за дочь или тревоги о её развитии, а от того, что женщина понимает: она ничем не может помочь своему ребёнку, а объяснять что-либо воспитательнице, очевидно, бесполезно.

Самым сложным испытанием для маленькой Вали становится отъезд детского сада за город — «на дачу». Девочка лишена возможности общаться с мамой даже на выходных, Валю окружают «чужие, не очень интересные ей люди». Из угнетённого состояния ребёнка выводит её воображение и фантазия — из остатков растения, вырванного ветром с корнем, она сооружает себе «лохматого и послушного щенка». Девочка и куст очень похожи судьбами: как куст был вырван «с корнем из родной почвы», так и Валя оторвана от своего корня — мамы, и так же, как куст, непреодолимая сила забросила ребёнка в этот детский сад. Трогательная забота о новой игрушке раскрывает внутренний мир маленькой девочки: она духовно богаче своих сверстников, поскольку ей понятны и даже необходимы такие качества, как забота, ответственность, внимание. Именно этого ей так не хватает в чужом для неё мире, поэтому она выплёскивает свои эмоции на нового «друга», ко-

торый такой же хрупкий, как она сама, и так же нуждается в защите и понимании. Ни воспитательница, ни дети не принимают такой игры, поскольку не понимают её сути. Особенно острым противостояние двух мировоззрений становится в эпизоде, когда мимо детского сада проходят цыгане. Все дети прячутся за кусты, так как видят в цыганах только непонятную угрозу. Валя остаётся у забора одна и наблюдает за молодыми цыганками: яркими, молодыми, дерзкими и неожиданно понимающими мир девочки: одна из них, указывая на кучу связанных веток, спрашивает: «Это что, медведь?» И цыганке в перевязанном лентой кусте видится любимая девочкой игрушка. Символом объединения двух свободных мировоззрений становится сладкое яблоко, летящее от цыганки прямо Вале в руки (возникает параллель с запретным плодом, но здесь он запретный потому, что из другого мира, отделённого от детского сада не столько забором, сколько правилами и предрассудками. Можно провести ещё одну параллель — яблоко раздора, которое катилось через стол к прекраснейшей из богинь. Здесь яблоко объединяет двух людей, маленького и большого, оказываясь в руках у прекраснейшей из всех воспитанников детского сада, хотя и становится причиной раздора с воспитательницей). Насладиться его вкусом Вале не суждено: воспитательница быстро отбирает яблоко и возвращает его за забор. Мама Вали — тоже человек со свободным мировоззрением, не признающим рамок. Однажды она приезжает в гости к дочери и общается с ней через забор, несмотря на запрет администрации. Она, как и цыганка, сразу принимает Тобика и дарит ему свою ленточку. И, как и в случае с цыганкой, встречу прерывает воспитательница. Валя даже боится, что та выкинет за забор и подарки от мамы — шоколад и конфеты.

Образ воспитательницы сопоставим с образом механического болвана из «Истории одного города» М.Е.Салтыкова-Щедрина. Как градоначальник знал только два слова: «Не потерплю!» и «Разорю!», так и воспитательница знает только правила и нормы. Её речь лишена эмоций и напоминает текст учебника по педагогике. Когда за Валей приезжает мама, всё, что может рассказать ей воспитательница, это «что Валя поправилась на 500 граммов, но что характер у неё упрямый и ей, матери, необходимо усилить педагогическую работу со своим ребёнком» (6, 153). Воспитательница олицетворяет тот мир, который враждебен Вале, её матери, цыганам. Это мир, где человек, проявляющий обычные человеческие эмоции, выглядит странно и неуместно, а ребёнок, силой воображения оживляющий груду веток, предстаёт почти ненормальным. И тем отраднее, что Валя уже в столь юном возрасте четко осознаёт, что принадлежит другому миру: «всю её вдруг переполняет чувство гордости и непобедимости, радостной уверенности в том, что мир, в котором она с недавних пор живёт, прекрасен. Конечно, никаких таких слов Валя пока не знает и знать не может. Однако, совсем маленькая, еле видная от земли, она всё-таки испытывает именно эти сложные и возвышенные человеческие чувства» (6, 153). Очевидно, что испытывать такие чувства воспитательница не может, поскольку ей, вероятно, не положено их ни переживать, ни проявлять.

Интересно отметить, что ни Валя, ни ее мама не пытаются изменить враждебный им мир людей, живущих по правилам и порядкам, при этом они не отступают от своих взглядов, не жалуются на жизнь, а лишь находят способ выжить в ней, не потеряв себя, — это признак самодостаточных людей. В то время как воспитательница постоянно оценивает действия Вали и её мамы, даёт советы по воспитанию девочки, которые, очевидно, молодая мать не принимает. Это утверждение, на наш взгляд, необходимо обсудить со школьниками, чтобы у них не сложилось ложного представления о том, что игнорирование правил и замечаний старших есть признак самодостаточности. Важно акцентировать их внимание на том, что только человек с богатым внутренним миром, способный в одиночку отстаивать свою жизненную позицию, не нарушая чужих свобод и правил, может противопоставить себя общепринятым нормам.

В целом, можно утверждать, что рассказ «Бедная Валя» может стать как предметом литературоведческого анализа на уроке внеклассного чтения, например, в 8 или 9 классе, так и частью самостоятельного исследования, посвящённого теме детства в творчестве Г.П.Корниловой. Учитывая жанровое и тематическое многообразие произведений писательницы (детектив, фантастический рассказ, философская новелла и т. д.), а также малоизученность её творчества в нашей стране, можно говорить о том, что любое исследование (учебное или научное) будет актуальным и востребованным. На основе изучения творческого наследия Корниловой можно организовать проектную деятельность старшеклассников: её целью может стать презентация творчества писательницы или статья в журнал «Юный филолог» о произведениях, которые интересны современному читателю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Примерные программы по учебным предметам. Литература. 5—9 классы. — М.: Просвещение, 2011. — С. 176.
2. АХМАТОВА А.А. Сочинения: В 2 т. — М.: Цитадель, 1996. — Т. 2. — С. 251—253.
3. ПАУСТОВСКИЙ К.Г. Собр. соч.: В 9 т. — М.: Худ. лит., 1982. — Т. 9. — С. 258—260.
4. СУРГАНОВ В.А. О прозе Галины Корниловой // Г.Корнилова. В сторону Садового кольца. — М.: Московский рабочий, 1986. — С. 173—174.
5. Из личной беседы автора статьи с Г.П.Корниловой 03.11.2013 г.
6. КОРНИЛОВА Г.П. Бедная Валя // Корнилова Г. В сторону Садового кольца. — М.: Московский рабочий, 1986. — С. 147—153.

ОВЧАРОВА Татьяна Александровна —
учитель русского языка и литературы МБОУ «Лицей № 9», г. Белгород
tomasa@yandex.ru

АНАЛИЗ ТЕКСТА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ УЧЕБНОЙ ГРАФИКИ

XI КЛАСС

Аннотация. *В статье на примере анализа описания из романа М.А.Шолохова «Тихий Дон» рассматривается применение учебных графических изображений, позволяющих глубже проникнуть в замысел писателя и вызвать интерес к изучаемому произведению, привлечь внимание к слову.*

Ключевые слова: *внимание к слову писателя, понимание смысла, графическое изображение: рисунок или схема, соответствующая художественному тексту.*

Abstract. *The technique of the use of graphic features that is considered on the example of scene analysis of M.A.Sholokhov's novel "And Quiet Flows the Don". It allows a deeper insight into the writer's intent and awakes interest to the novel.*

Keywords: *attention to the writer's words, understanding the novel's ideas, graphic techniques, drawing or diagram, symbolism of the words or verbal picture.*

Графика как один из видов изобразительного искусства близка живописи по содержанию и форме, но имеет свои собственные художественные средства: линии, штрихи, пятна и точки, создающие однотонный рисунок. Виды графики — рисунок, гравюра, литография. Станковая графика не связана с литературным произведением, имеет самостоятельное значение. Книжная и журнально-газетная графика образует идейно-художественное единство с литературным произведением или сопроводительным текстом.

В дидактике же существует понятие *графическая работа в обучении*. Это визуальное оформление преподавателем или учащимися

учебной информации: упрощённая зарисовка деталей изучаемых объектов, их условное обозначение, составление схем, графиков и т. п.

На уроках литературы и при домашней подготовке учащихся можно использовать виды книжно-журнальной графики: рисунок, оформление обложки, титульного листа, заставки, концовки, связанные с идейно-художественным содержанием изучаемого произведения.

Адекватное восприятие произведения — одно из важнейших предметных умений. Анализ текста в единстве формы и содержания ведёт к пониманию его смысла и является частью системы деятельностного подхода к обучению. Без точного восприятия слова невозможно сформировать устную и письменную речь учащихся, их эстетический вкус, представление о высокой нравственности, развить воображение как основу творческой деятельности, невозможно написать изложение, сочинения ОГЭ и ЕГЭ.

Предлагаем анализ текста с использованием учебной графики, позволяющий на уроке литературы совместить текстовую и визуальную информацию, оценить смысловое и эмоциональное значение слова автора произведения.

Работа начинается с внимательного чтения и *выделения в произведении объекта художественного изображения*.

Далее на основе текста *создаётся графический рисунок-схема*. Важно, чтобы он соответствовал реальному содержанию анализируемого произведения, опирался на слово писателя.

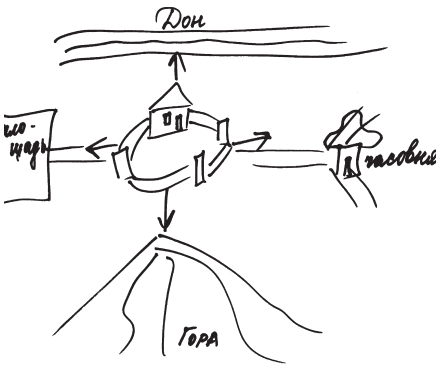
Например, учитель читает начало романа-эпопеи М.А.Шолохова «Тихий Дон».

Ученики в распечатанном заранее тексте выделяют ключевые слова, которые обозначают *основные реалии художественного изображения и пространственные ориентиры*.

Проводится *словарная работа* с диалектными словами *баз* (хозяйственный двор), *гумённый плетень* (плетёная изгородь площадки для молотьбы хлеба), *шлях* (дорога), *займище* (прибрежная полоса реки).

Мелеховский ***двор*** *— на самом краю хутора. Воротца со скотиньего база ведут на север к* ***Дону****. Крутой восьмисаженный спуск меж замшелых в прозелени меловых глыб, и вот берег: перламутровая россыпь ракушек, серая изломистая кайма нацелованной волнами гальки и дальше — перекипающее под ветром воронёной рябью стремя Дона. На восток, за красноталом гуменных плетней, — Гетманский* ***шлях****, полынная проседь, истоптанный конскими копытами бурый, живущий придорожник,* ***часовенка*** *на развилке; за ней — задёрнутая текучим маревом степь. С юга — меловая* ***хребтина горы****. На запад —* ***улица, пронизывающая площадь****, бегущая к займищу.*

Следующим этапом работы является создание в ходе беседы рисунка-схемы картины, открывающей шолоховский роман-эпопею, который мы выносим на доску.



— Следуя за Шолоховым, что мы изобразим сначала? (Двор, то есть дом с хозяйственными постройками. Дом для писателя и читателей олицетворяет семью, традиции, родину.)

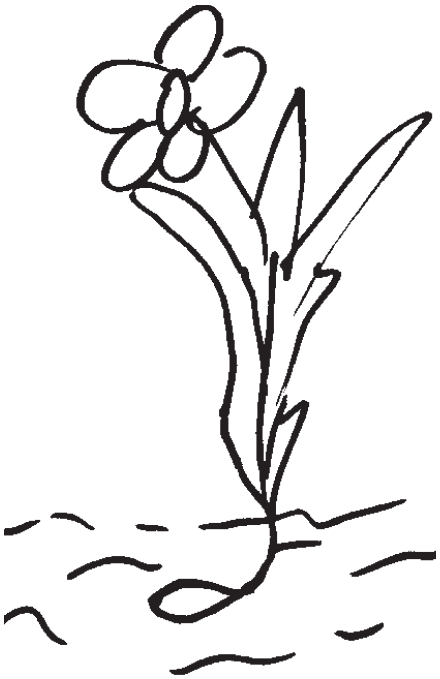
— Посмотрите, как Шолохов располагает всё остальное по отношению к дому. (По сторонам света.)

— Что открывается читателю ***на севере***? (Крутой, обрывистый спуск, изломы берега, Дон. Дон дорог каждому казаку и олицетворяет жизнь отдельного человека и жизнь народа, он связан с их судьбой.)

В ходе беседы обращаем внимание на живописный язык Шолохова: *перламутровая* россыпь ракушек, *серая изломистая кайма нацелованной волнами гальки* и дальше — *перекипающее под ветром воронёной рябью стремя Дона.* Картина, нарисованная словом писателя, предстаёт перед нами в цвете, оттенках, зримых деталях: крутой восьмисаженный (семнадцатиметровый (!) спуск меж покрытых зеленоватым мхом меловых глыб; изломистая *кайма* гальки, *нацелованная* (!) волнами, *воронёная* рябь не просто Дона, а стремени Дона!

— Повернёмся лицом ***к югу****. Что открывается нам?* (Меловая хребтина горы.)

— Посмотрим глазами Шолохова ***на восток****. Что предстаёт перед нашим взором?* (Шлях со старой часовенкой на развилке, далее — степь. Шлях — дорога, с кем-то, с чем-то связывающая; для кого-то с него начинается жизненный путь. Со степью связано писательское и наше представление о просторе, раздолье, воле, свободе. Не случайно автор ставит на развилке часовню: куда бы ни направлялся или откуда бы ни шли казак или казачка, можно здесь помолиться, попросить о помощи.)



И снова удивляемся точности и образности языка Шолохова: он увидел (и вслед за ним и мы, читатели) *красноватые* ивовые *плетни*; а за ними *проседь (серебро)* пахучей степной *полыни*; *бурый* от конских копыт, но *жизнестойкий подорожник*; видимую словно через полупрозрачный голубоватый занавес *степь*. Отметим и слово «часовенка», которое не скрывает тёплого авторского чувства.

— Теперь повернёмся ***на запад****. Мы видим* улицу, которая *пронизывает* площадь и *бежит* к займищу. Заглядываем в словарь: *займище* — полоса земли у реки, заливаемая весенним разливом, заливной, или пойменный, луг. С ним связан труд людей на земле и реке; площадь — место, где собираются люди, откуда казаки отправлялись на службу, где выражалась народная воля.

— Итак, мы графически запечатлели изображённую писателем картину. Рисунок остаётся в памяти, он обозначил основное на этой картине и помог нам её представить. Но мы поняли и то, что художественный текст значительно богаче нашего изображения. Детали, подробности, выразительный язык, яркие эпитеты, олицетворения, цветопись — всё богатство родного языка использует писатель, делая изображение ярким, реалистичным, зримым и направляя наше воображение.

Данный приём находит и другое применение. Его можно использовать при завершении изучения произведения, когда ученики создают графическую схему, рисунок, отражающие его суть, идею.

Так, словесникам, участникам мастер-класса по данной теме, было предложено несколько миниатюр из сборника В.Солоухина «Камешки на ладони» (см. «Уроки литературы». — 2004. — № 12). При этом им было дано задание: выразить идею одной из миниатюр, используя графику.

Сопоставим работы, созданные учителями после чтения миниатюр, и «камешки» В.Солоухина.

Детство как почва, в которую падают семена. Они крохотные, их не видно, но они есть. Потом они начинают прорастать. Биография человеческой души, человеческого сердца — это прорастание семян, развитие их в крепкие, большие, во всяком случае, растения. Некоторые становятся чистыми и яркими цветами, некоторые — хлебными колосьями, некоторые — злым чертополохом... всякая черта характера взрослого человека, всякое качество его души и, может быть, даже его поступки имели в детстве свой зародыш, своё семечко.

В профсоюзном доме отдыха доктор Александра Михайловна, энтузиаст, начавшая работать доктором, наверное, ещё во времена земства, пытается приобщить отдыхающих к природе и красотам её. Вот она вывела смешанную по возрасту группу на опушку зимнего леса.

— Ну, что видите?

— Ничего.

— Как ничего, поглядите хорошенько.

Отдыхающие глядят по сторонам, переглядываются между собой.

— Ну, увидели что-нибудь?

У альпинистов есть золотое правило: нельзя терять высоту!

Крив, сложен, извилист путь к намеченной вершине. Иногда приходится идти как бы от вершины в противоположную сторону, петлять, двигаться, не видя самой вершины за другими скалами.

Всё можно. Нельзя только одно — терять высоту. Каждый шаг должен приподнимать тебя над предыдущим и тогда, если даже ты идёшь как бы и не к вершине, всё равно ты становишься выше, то есть ближе к цели.

Итак, нельзя терять высоту!

Таким образом, использование графического изображения на основе художественного текста помогает учащимся глубже понять его, что, в свою очередь, делает уроки интересными и более эффективными, привлекает внимание учеников к писательскому слову, развивает их логическое мышление и творческое воображение.

Вместе с тем необходимо отметить, что учитель должен чувствовать меру, предлагая такой вид работы, так как мысли и чувства героев произведения, авторская позиция не могут быть в полной мере отражены в учебных графических рисунках и схемах.

Сегодня, в эпоху преобладания визуальной культуры, необходимо сохранять культуру словесную, которую несёт из века в век прежде всего художественная литература.

БЕЛОВА Светлана Николаевна —
учитель русского языка и литературы МБОУ «СОШ № 3», г. Новый Оскол Белгородской области
svet65@mail.ru

«ДА СВЯТИТСЯ ИМЯ ТВОЁ...»

ЛЮБОВЬ В РАССКАЗЕ А.И.КУПРИНА «ГРАНАТОВЫЙ БРАСЛЕТ»

XI КЛАСС

Аннотация. *Представленный урок направлен на обучение вдумчивому чтению и внимательному отношению к слову, на развитие нравственных качеств учащихся, бережного отношения к любви, на формирование способности распознавать истинные чувства.*
Ключевые слова: *А.И.Куприн, великое чувство любви, высота и трагичность чувств героя, мастерство писателя, жизнь рассказа Куприна во времени.*

Abstract. *An outline plan of lesson helps to teach thoughtful reading, develops students' moral qualities and caring attitude to love, forms the ability to recognize true feelings.*
Keywords: *A.I.Kuprin, great feeling of love, height and tragedy of hero's feelings, writing skills, Kuprin life story in time.*

Вечная тема любви всегда волновала сердца людей, но тайны её способны разгадать немногие. Среди них — замечательный русский писатель А.И.Куприн, чьи произведения пронизывает тихая грусть, вера в духовное совершенство человека, недаром К.Г.Паустовский назвал «Гранатовый браслет» «одним из самых благоуханных, томительных... и самых печальных рассказов о любви».

Цели урока:

1. Показать мастерство Куприна в раскрытии влияния любви на человека, в изображении мира человеческих чувств.
2. Осмыслить роль художественной детали в рассказе «Гранатовый браслет».
3. Развивать логическое и творческое мышление, способствовать совершенствованию коммуникативных и познавательных способностей учащихся, навыков работы с художественным произведением.
4. Формировать осознанное, вдумчивое отношение к жизни, активную жизненную позицию, воспитывать тактичность и уважение к чувствам, мыслям и переживаниям других людей.

Оборудование: портрет А.И.Куприна; аудиозапись «Лунной сонаты» Людвига ван Бетховена; аудиозапись романса Г.В.Свиридова из «Иллюстраций к повести А.С.Пушкина “Метель”».

Тип урока: урок-беседа.

Эпиграфы к уроку:

Любовь должна быть величайшей трагедией, величайшей тайной в мире! Никакие жизненные удобства, расчёты и компромиссы не должны её касаться.
А.И.Куприн

Любовь всесильна: нет на земле ни горя —
выше кары её, ни счастья —
выше наслаждения служить ей.
У.Шекспир

Учащиеся выполняли домашнее задание:
1. Прочитать рассказ А.И.Куприна «Гранатовый браслет».
2. Подумать над вопросами: о чём это произведение? Почему оно так названо?
3. Найти в тексте портреты героев. Что вам открывается за ними?
4. Отыскать высказывания, мудрые мысли известных людей о любви.
5. Подготовить выразительное чтение любимых стихотворений о любви.
6. Индивидуальные задания:

— Каким мы видим внутренний мир Желткова в рассказе? Как его изображает автор?

— Как рисует А.И.Куприн главную героиню рассказа, княгиню Веру Николаевну?

7. Групповые задания:

— Как А.И.Куприн изобразил гостей на именинах Веры Николаевны?

— Кто из гостей изображён писателем с симпатией и почему?

Ход урока

Вступительное слово учителя

В жизни каждого человека наступает такое время, когда ему хочется разобраться в том, что происходит в мире и с людьми... И нередко помогают в этом замечательные книги, среди которых и «Гранатовый браслет» Куприна, рассказ о силе любви.

И на сегодняшнем уроке мы будем говорить об очень важном — о любви. Мне очень хочется, чтобы после нашего разговора о рассказе Куприна вы стали добрее и чище.

Звучит музыка Г.В.Свиридова (романс из «Иллюстраций к повести А.С.Пушкина "Метель"»), задающая эмоциональный тон урока.

Продолжаю урок чтением наизусть сонета Уильяма Шекспира:

Её глаза на звёзды не похожи,
Нельзя уста кораллами назвать,
Не белоснежна плеч открытых кожа,
И чёрной проволокой вьётся прядь.
С дамасской розой, алой или белой,
Нельзя сравнить оттенок этих щёк.
А тело пахнет так, как пахнет тело,
Не как фиалки нежный лепесток.
Ты не найдёшь в ней совершенных линий,
Особенного света на челе.
Не знаю я, как шествуют богини,
Но милая ступает по земле.
И всё ж она уступит тем едва ли,
Кого в сравненьях пышных оболгали.

У.Шекспир посвятил любви немало произведений, как и многие писатели. С не меньшим основанием можно и Куприна назвать певцом возвышенной любви. Сам писатель так говорил о любви: «Это чувство, которое до сих пор не нашло себе истолкователя», а в письме к поэту Ф.Д.Батюшкову (1906) Куприн утверждал: «Любовь — это самое яркое, наиболее понятное воспроизведение моего Я. Не в силе, не в ловкости, не в уме, не в таланте... не в творчестве выражается индивидуальность. Но в любви».

Иногда кажется, что о любви в литературе сказано всё. Но у любви тысячи граней, и в каждой — свой свет, своя печаль, своё счастье, своя боль, своё благоухание.

Обращаю внимание учащихся на эпиграфы к уроку и прошу поразмышлять о них.

Проверка домашнего задания

Переходим к обсуждению вопросов домашнего задания. Предлагаю учащимся вспомнить высказывания, афоризмы о любви (понравившиеся можно записать в тетрадь).

«Всякая любовь — великое счастье» (И.А.Бунин).

«Любить — значит делать добро» (Л.Н.Толстой).

А.Иткин. Илл. к рассказу А.Куприна «Гранатовый браслет». *1969*

«Главное в жизни — любовь. А любить нельзя ни в прошлом, ни в будущем. Любить можно только в настоящем, сейчас, сию минуту» (Л.Н.Толстой).

«Любовь сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь» (И.С.Тургенев).

«Если собираетесь кого-нибудь полюбить, научитесь сначала прощать» (А.В.Вампилов).

Создание проблемной ситуации

— Так что такое любовь, по А.И.Куприну? В чём отличие Желткова от других героев рассказа? Как относиться к герою? Сочувствовать, жалеть, восхищаться? Или презирать как слабого духом человека? Здесь важно определить авторскую позицию, выявить отношение самого автора к герою. Давайте попытаемся ответить на эти проблемные вопросы.

Аналитико-исследовательская работа с текстом

Рассказ А.И.Куприна «Гранатовый браслет» — один из самых трогательных и печальных рассказов писателя. Автор рассматривает любовь как глубокое чувство. *Давайте вместе попробуем найти в произведении слова, выражающие взгляды А.И.Куприна на любовь. Как развивается тема любви в рассказе «Гранатовый браслет»?*

Как правило, начинаю беседу с обмена впечатлениями о прочитанном. Некоторое время даю ребятам на то, чтобы высказать общее впечатление о рассказе и героях. Стараюсь вызвать учащихся на обсуждение.

Как итог обсуждения отмечаю, что эта книга очень ценна. Она затрагивает душу, воспитывает чувство прекрасного, понимание настоящей любви и стремление к красоте человеческих отношений.

Прежде всего обращаю внимание на эпизод посещения Желткова мужем и братом княгини Веры Николаевны, так как именно здесь мы впервые видим Желткова.

— Каким представляет героя А.И.Куприн?

Учащиеся выделяют такие детали во внешности: «длинные, пушистые мягкие волосы», «худые, нервные пальцы», «коричневый короткий пиджачок», «голубые глаза и упрямый детский подбородок с ямочкой посередине».

— Почему «пиджачок», а не пиджак? Что в этом слове?

— Презрение?..

— Скорее, автор хочет подчеркнуть какую-то незащищённость героя, показать его уязвимость, может быть, ранимость.

Обращаю внимание ребят на авторскую речь, которой сопровождаются реплики героев. Учащиеся замечают, что поведение брата княгини Веры противопоставляется поведению Желткова.

Мирза-Булат-Тугановский ведёт себя высокомерно, грубо, намеренно не замечает при встрече протянутой ему руки, говорит с «лёгкой наглостью», срывается на крик, «сразу набрасывается на своего шурина»,

который с пониманием отнёсся к чувствам Желткова.

— Как ведёт себя Желтков?

Желтков вначале вел себя так, будто его заподозрили в чём-то нехорошем: то расстегивал, то застегивал пуговицы пиджачка, «неловко кланялся», «совершенно растерявшись, опустился вдруг на диван» и «пролепетал помертвевшими губами», «произнёс глухо, глядя на Василия Львовича умоляющими глазами», «краснел и задыхался».

Но как же меняется его поведение, как только задето его человеческое достоинство! Когда Тугановский сказал о том, что для того, чтобы оградить Веру Николаевну от его преследований, они собирались «обратиться к помощи власти», Желтков рассмеялся, «положил руки в карманы, сел удобно в угол дивана» и перестал видеть и слышать Тугановского, а обращался лишь к князю Шеину.

— Кто одерживает в этом противостоянии нравственную победу? Почему?

Конечно, Желтков. За его нервозностью, неловкостью, смятением кроется огромное чувство собственного достоинства, убить которое сможет лишь смерть. А Тугановский не способен понять, тем более — испытать такие чувства.

Даже князь Шеин, как муж Веры Николаевны, имевший на негодование гораздо больше прав, «глядел с недоумением и жадным, серьёзным любопытством» в лицо Желткова и произнёс слова, свидетельствующие о чуткости и благородстве его души: «...разве виноват он в любви и разве можно управлять таким чувством, как любовь, — чувством, которое до сих пор ещё не нашло себе истолкования... Мне жалко того человека. И мне не только жалко, но вот я чувствую, что присутствую при какой-то громадной трагедии души...»

1-е индивидуальное задание

— Каким мы видим внутренний мир Желткова в рассказе? Как его изображает автор?

Ученик рассказывает, что о любви и судьбе «маленького чиновника» мы узнаём из писем Желткова, из разговоров Веры Николаевны с Аносовым, из газетного сообщения. Желтков как будто отстраняется от событий реальной жизни. Внутренний мир его богат: он чувствителен, благороден, раним. Хозяйка квартиры, которой он казался «родным сыном», говорит о нём: «Если бы вы знали, что это был за чудный человек». В рассказе ничего не сообщается о его семье, друзьях. Мы видим его одиноким. Такому человеку трудно выдержать отношения с реальным миром.

— Найдите в словах автора, рисующих поведение Желткова, свидетельства того, что движет его поступками.

Учащиеся должны отметить, что поступками героя движет какое-то огромное чувство, которое способно сделать человека или безмерно счастливым, или трагически несчастным.

Желтков, когда впервые в разговоре было произнесено имя Веры Николаевны, «опустил ресницы благоговейно». Когда он вернулся, позвонив ей по телефону, «глаза его блестели и были глубоки, как будто наполнены непролитыми слезами». Нельзя не поверить его словам: «Я знаю, что не в силах разлюбить её никогда...»

2-е индивидуальное задание

— Как рисует Куприн главную героиню рассказа княгиню Веру Николаевну Шеину?

Учащийся подчёркивает её внешнюю недоступность, которая заявлена в самом начале рассказа, объяснимую её титулом и положением в обществе. Она жена предводителя дворянства. Куприн показывает героиню на фоне ясных солнечных дней, в тишине и уединении, которым она очень радуется. Высокая, гордая, она «была строго проста, со всеми холодна и немного свысока любезна, независима и царственно спокойна». Она нежно любит свою младшую сестру, «с чувством прочной, верной, истинной дружбы» относится к мужу, по-детски ласкова с «дедушкой», генералом Аносовым, другом их отца.

— Прочитайте последнее письмо Желткова к Вере Николаевне. Какое впечатление вызвало у вас это письмо?

Ребята говорят, что письмо это прекрасно, как стихи, оно убеждает в искренности и силе его чувства. Для Желткова любить Веру Николаевну, даже без взаимности, — «громадное счастье». Он благодарен ей только за то, что она существует, что она восемь лет была для него «единственной радостью в жизни, единственным утешением, единой мыслью».

Прощаясь с ней, он пишет: «Уходя, я в восторге говорю: “Да святится имя Твоё”».

Прошу подготовившуюся ученицу прочитать стихотворение А.С.Пушкина «Я Вас любил...».

— Чем стихотворение А.С.Пушкина созвучно рассказу Куприна?

В обоих произведениях выражены и преклонение перед возлюбленной, и благоговение, и самопожертвование, и боль страдающего сердца.

— Вспомним эпизод прощания Веры Николаевны с Желтковым. Что испытывает она, всматриваясь в лицо того, кто ушёл из жизни из-за неё?

Ребята цитируют: «Глубокая важность была в его закрытых глазах, и губы улыбались блаженно и безмятежно, как будто он перед расставанием с жизнью узнал какую-то глубокую и сладкую тайну, разрешившую всю человеческую его жизнь. Она вспомнила, что то же самое умиротворённое выражение она видела на масках великих страдальцев — Пушкина и Наполеона».

— Случайна ли эта деталь? Велик ли Желтков?

— Учащиеся говорят, что Желтков велик своим страданием, своей любовью. Это поняла и Вера Николаевна: «В эту секунду она поняла, что та любовь, о которой мечтает каждая женщина, прошла мимо неё».

Именно равнодушие не позволило Вере Николаевне предположить, что бедный телеграфист может иметь чувство собственного достоинства, быть благородным и самоотверженным. И в то же время он не защищён. Его душа ранима. Он получает отказ, ему предлагают «исчезнуть». Что и происходит.

Желтков любит по-настоящему, бескорыстно. В своей любви он выше всех Тугановских, которые, кстати, все были несчастны в любви. Их холодные сердца не способны понять чувства этого человека. Он любит и уже поэтому счастлив. Не на что было надеяться «маленькому человеку», полюбившему женщину с ленивым, чёрствым сердцем.

Вот мы и ответили на один из проблемных вопросов.

Рассказываю учащимся, что в основу этого рассказа легла реальная история, произошедшая в одной семье, с которой А.И.Куприн был в приятельских отношениях. Прототипом княгини Шеиной стала Людмила Ивановна Любимова. Влюблённый в неё человек несколько лет писал анонимные письма. У него не было никаких надежд: между ним и ею — огромная пропасть.

— Почему же Куприн по-иному осмыслил этот случай и финал рассказа сделал трагическим?

Трагический исход рассказа, как говорят учащиеся, производит большее впечатление, придаёт огромную силу чувству Желткова, сильнее действует на читателя.

Частный случай опоэтизирован Куприным. Автор рассказывает о любви, которая повторяется «только один раз в тысячу лет». Любовь, по Куприну, «всегда трагедия, всегда борьба и достижение, всегда радость и страх, воскрешение и смерть». А трагичность любви, трагичность жизни лишь подчёркивает силу и красоту любви.

Прошу учащихся определить кульминацию рассказа.

После смерти Желткова пианистка Женни Рейтер играет для Веры Николаевны бессмертную бетховенскую сонату, ту самую, о которой он писал ей в последнем письме.

Обращаю внимание на то, что эпиграфом к рассказу является название этой сонаты. *Почему?*

Видимо, эта музыка раскрыла Вере Николаевне красоту любви Желткова и помогла ей всё понять и почувствовать себя прощённой. Музыка Бетховена созвучна настроению Веры, через музыку её душа словно соединяется с душой ушедшего, любившего её человека.

Включаю запись «Лунной сонаты» Бетховена и под завораживающие своим сдержанным страданием звуки читаю фрагмент, где писатель передаёт слагающиеся в воображении Веры под воздействием музыки слова, которые как бы исходят от Желткова. И действительно, эти слова совпали с музыкой, «это были как будто бы куплеты, которые кончались словами: “Да святится имя Твоё”».

В этих нежных звуках — жизнь, которая «покорно и радостно обрекла себя на мучения, страдания и смерть. Последние воспоминания возлюбленного овеяны сладкой грустью. «Успокойся, я с тобой. Подумай обо

мне, и я буду с тобой, потому что мы с тобой любили друг друга только одно мгновение, но навеки. Ты обо мне помнишь?» Мгновение счастья для Желткова становится вечностью.

Вера чувствует, что любивший её человек простил её, ибо в скорбный час расставания, на пороге смерти, пел славу своей богине.

Музыка во взаимодействии с текстом рассказа, несомненно, вызывает у учащихся эмоциональный отклик, и уже ни у кого не остаётся холодной рассудочности, чтобы в чём-то обвинить Желткова или Веру Николаевну, даже если перед этим у кого-то и были подобные мысли.

Итак, учащиеся поняли, что несчастный Желтков отнюдь не жалок, а глубина его чувства, способность на самопожертвование заслуживают не только сочувствия, но и преклонения. Он сам говорит о любви как о великом даре. Вере сыграли сонату, и за музыкой она сумела расслышать истинные чувства Желткова и оценить их. Под звуки музыки в душе Веры происходит нравственный переворот: прежде холодная и спокойная, «княгиня Вера обняла ствол акации, прижалась к нему и плакала». Здесь слышатся и трагедия Желткова, и его чувства, а ещё — покаяние и прощение, страдание и успокоение...

— Почему Куприн, ставя на такую высоту героя, знакомит с ним читателя лишь в десятой главе? Какое значение имеют начальные главы рассказа, в которых описываются именины Веры Николаевны?

Ребята говорят, что именно в этих главах начинается история, связанная с гранатовым браслетом, полученным в подарок Верой Николаевной от Желткова. Куприн «собирает» всех действующих лиц рассказа, за исключением Желткова, на именины княгини Веры. Именно там, на именинах, заходит разговор о «настоящей любви», «вечной», «неземной». Эти главы имеют не только композиционное значение. Учащиеся отмечают, что язык этих глав нетороплив, спокоен, в них больше описаний и обыденности.

— Каким настроением окрашены эти главы? Как создаётся это настроение?

В начале рассказа чувствуется печаль и даже тревога. Эту печаль вызывает описание увядающей осенней природы, пустеющих дач. Вера Николаевна суеверно подметила, что число гостей равняется тринадцати. Ещё больше она тревожится, глядя на присланный ей гранатовый браслет, и сравнивает загоревшиеся в гранатах «густо красные живые огни» с кровью.

— Как на этом фоне выглядит подарок Желткова?

Подарок Желткова — «золотой, низкопробный, очень толстый, но дутый и с наружной стороны весь сплошь покрытый небольшими старинными, плохо отшлифованными гранатами». Браслет выглядит безвкусной безделушкой. Но его значение и ценность в другом. Густо красные гранаты под электрическим светом загораются живыми огнями, и Вере приходит в голову: «Точно кровь!» Это ещё одно тревожное предзнаменование. Желтков дарит самое ценное, что у него есть, — фамильную драгоценность. Это символ его безнадёжной, восторженной, бескорыстной, благоговейной любви.

Обращаю внимание учащихся на детали. Они обнаруживают, что сама атмосфера дачи, праздничный вечер противопоставляются «заплёванной лестнице» дома, в котором жил Желтков, убогой обстановке его комнаты. Высшее общество беззаботно развлекается, гости играют в карты, слушают музыку. Вечер течёт «ровно, без принуждения, оживлённо». Но почему невесело читать о нём?

Работа в группах

1-я группа: *кто из гостей изображён с симпатией и почему?*

Это друг покойного отца Веры и Анны генерал Аносов, которого они называют дедушкой. Он производит приятное впечатление человека простого, но благородного. А главное — мудрого. Его Куприн наделил «русскими мужицкими чертами», «добродушно-весёлым взглядом на жизнь», «бесхитростной наивной верой». Именно ему принадлежит характеристика современного ему общества. В этом обществе люди обмельчали, разучились любить. Генерал Аносов говорит: «Любовь у людей приняла такие пошлые формы и снизошла просто до какого-то житейского удобства, до маленького развлечения». Так начата в рассказе тема настоящей любви, любви, для которой, по словам Аносова, «совершить подвиг, отдать жизнь, пойти на мучения — вовсе не труд, а одна радость». Любовь, нежность, доброта — вот что притягивает Веру к мудрому «дедушке». Она прислушивается к нему, когда он рассказывает ей о настоящей любви, которой не должны касаться никакие жизненные удобства, расчёты и компромиссы.

Когда Вера рассказывает дедушке о гранатовом браслете и благоговейном обожании её неким Г.С.Ж., Аносов произносит фразу, которая стала для Веры пророческой. «Может быть, твой жизненный путь... пересекла именно такая любовь, о которой грезят женщины и на которую больше не способны мужчины», — говорит он Вере.

2-я группа: *как А.И.Куприн изобразил гостей княгини Веры?*

Учащиеся отыскивают в тексте «характеристики» гостей: и «толстого, огромного» профессора Свешникова, и мужа Анны — «с гнилыми зубами на лице черепа», и штабного полковника Пономарёва, «преждевременно состарившегося, худого, желчного человека, измождённого непосильной канцелярской работой».

— Вспомните, как ведёт себя брат Веры Мирза-Булат-Тугановский, узнав о её браслете.

В репликах брата прослеживается презрение к людям, которые ниже его круга, сословная спесь. Находим в тексте эти слова: «идиотский» браслет, «он брезгливо бросил», назвав его «чудовищной поповской штучкой», а «этого Пе Пе Же», «этого молодчика», «этого Ромео» он вызвал бы на дуэль «за такую выходку с браслетом и письмами». Интересна догадка ребят о фамилиях: незначительная и даже приниженная фамилия Желтков и преувеличенно громкая, тройная Мирза-Булат-Тугановский — это тоже средство противопоставления героев.

— Есть ли в рассказе предметы-противопоставления? Как вы думаете, какие?

Если ребята затрудняются, спрашиваю: какой подарок получила Вера от своей сестры? Учащиеся вспоминают о записной книжечке, переделанной из молитвенника, которую подарила Анна. Вере, светской женщине, была неприятной мысль о том, что святую в каком-то роде вещь можно было превратить в дамскую безделицу.

Разве не противопоставляется этот подарок Анны присланному Желтковым гранатовому браслету, сделанному из низкопробного золота с плохо отшлифованными гранатами?

Ребята высказывают предположение, что именно на этот браслет Желтков потратил казённые деньги.

— Каким настроением пронизан финал рассказа?

Умирает Желтков, но пробуждается к жизни княгиня Вера. Ей открылось нечто недоступное ранее, та самая «большая любовь, которая повторяется раз в тысячу лет». Герои «любили друг друга только одно мгновение, но навеки».

Финал рассказа — элегия, проникнутая чувством светлой грусти.

— Почему Куприн озаглавил рассказ «Гранатовый браслет»?

Ученики отвечают, что с этим украшением в рассказе связаны главные события. Да и гранаты на браслете с дрожащими внутри «кровавыми огнями» — символ любви и трагедии в судьбе героя.

Подводим итоги нашим наблюдениям.

— Какова идея рассказа Куприна «Гранатовый браслет»? Какую традицию русской литературы XIX века продолжил в этом произведении писатель?

Учащиеся говорят, что смысл рассказа — показать благородство души простого человека, его способность к глубоким, возвышенным чувствам путём противопоставления героя высшему обществу.

Напоминаю учащимся, что автор наряду с критическим изображением «сильных мира сего» наделяет князя Шеина, Веру Николаевну и генерала Аносова привлекательными качествами. Здесь нет социальной заострённости. Этот контраст скорее психологический. Не может сильное бескорыстное чувство возникнуть в том мире, где ценятся лишь благополучие, спокойствие, красивые вещи и слова, но исчезли такие понятия, как красота души, духовность, чуткость и искренность.

В то же время «маленький человек» становится велик благодаря глубокой, самоотверженной и жертвенной любви.

— Какова истинная любовь, с точки зрения писателя?

Подвожу учащихся к размышлениям:

— Истинная любовь — основа всего земного. Это высокая трагедия в жизни человека.

— Любовь сильнее смерти и возвышает человека над миром несправедливости и злобы.

— Это умение жертвовать собой во имя любимого человека. Такая любовь, для «которой совершить любой подвиг, отдать жизнь, пойти на мучения — вовсе не труд, а одна радость».

Вот мы и ответили ещё на один наш проблемный вопрос.

— Какие мысли навеял этот рассказ?

— Рассказ «Гранатовый браслет» — это учебник жизни, источник мудрости и нравственной чистоты. Как глубоки и верны мысли автора о любви! Как тонко понимает он её природу!

— Мы снова и снова думаем о вечном, непреходящем, о том, что волнует людей во все времена.

— Рассказ помогает понять, чего может лишиться человек, оставаясь во власти сердечной лени, если вовремя не увидеть, не услышать, не заметить.

В заключение читаю слова К.Г.Паустовского о том, что «Куприн плакал над рукописью “Гранатового браслета”, плакал скупыми и облегчающими слезами... говорил, что ничего более целомудренного не писал».

Такое же светлое чувство оставляет в душе рассказ «Гранатовый браслет» и у нас, читателей.

Урок по рассказу «Гранатовый браслет» А.И.Куприна — один из последних перед обобщающим сочинением по творчеству двух писателей: И.А.Бунина и А.И.Куприна. Для сочинения предлагаю учащимся темы, близкие творчеству этих писателей: «Разве бывает несчастная любовь?», «Что это было: любовь или сумасшествие?» (по произведениям И.А.Бунина и А.И.Куприна).

ЛИТЕРАТУРА

1. КУПРИН А.И. Сочинения: В 2 т. — М., 1980.
2. КОРЕЦКАЯ И.В. А.И. Куприн. — М., 1970.
3. ВОЛКОВ А.А. Творчество А.И.Куприна. — М., 1981.
4. Литература. 11 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений (базовый и профильный уровни): В 3 ч. — Ч. 1. / Под ред. Г.И.Беленького. — М.: Мнемозина, 2013.

РЕВИНА Татьяна Юрьевна —
кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики гуманитарного образования ОГАОУ ДПО «Белгородский институт развития образования»
litervsh@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ПЛОЩАДКИ

Аннотация. *Статья является кратким описанием практической части работы региональной инновационной площадки. Приведены примеры эффективного использования современных информационных технологий на уроках литературы.*
Ключевые слова: *информационные технологии, литература, инновационная площадка.*

Abstract. *The paper is a brief description of the practical part of the regional innovation platform. Some examples of effective use of modern information technologies at literature lessons are given.*
Keywords: *information technologies, literature, innovation platform.*

Информационные технологии (ИТ) в школе, казалось бы, уже не редкость, мы давно не удивляемся демонстрации презентаций, аудио- и видеофрагментов на уроке, использованию материалов сети Интернет. Безусловно, в разумных пределах применение ИТ важно и нужно, но при этом на учителя ложится дополнительная нагрузка: он сам создаёт презентации, ищет готовые или самостоятельно монтирует видеоматериалы, находит и копирует тексты (или фрагменты) произведений современных писателей, часто отсутствующих в школьной библиотеке из-за недостаточного финансирования, помогает подготавливать и контролирует видеосопровождение к различным мероприятиям (например, литературным вечерам). Если добавить к этому отсутствие хорошего и регулярно обновляемого технического оборудования и недостаточно высокую скорость соединения, выходит, что подготовить урок литературы с использованием информационных технологий — дело, требующее существенных затрат времени, плюс большинство учителей-словесников сегодня сложно отнести к «продвинутым юзерам», что дополнительно увеличивает время подготовки. В итоге, как можно догадаться, желающих систематически применять ИТ в работе очень немного. Применять же можно и нужно, поскольку, во-первых, в профессиональном стандарте «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» чётко прописано, что учитель обязан владеть ИКТ-компетенциями (см. Раздел 3.1.1 «Трудовая функция»), а во-вторых, ФГОСы нового поколения предполагают обязательную взаимосвязь формирования всех видов УУД и ИКТ-компетентности, что подразумевает непременное обучение школьника применению ИТ.

Размышляя, как помочь учителю-словеснику идти в ногу со временем, но при этом применять ИТ не потому, что надо, а потому, что это важно и удобно, мы решили организовать инновационную площадку, одна из целей которой — изменение представления об использовании ИТ на уроках и во внеурочной деятельности по литературе.

С начала 2015 года стартовала региональная инновационная площадка «Использование информационных технологий в процессе формирования универсальных учебных действий средствами предметов гуманитарного цикла». Школы, на базе которых реализуется программа площадки, находятся в разных районах нашей области (МАОУ «Гимназия № 6» г. Губкина, МБОУ «Ровеньская средняя общеобразовательная школа с УИОП Ровеньского района Белгородской области», МБОУ «Новоалександровская средняя общеобразовательная школа Ровеньского района Белгородской области», МОУ «Майская гимназия» Белгородского района Белгородской области, МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 4», г. Новый Оскол), но постоянно взаимодействуют друг с другом на общих семинарах, по электронной почте, на консультациях по ведению инновационной работы в региональном институте развития образования.

Составляя программу инновационной площадки, мы ставили перед собой две основные задачи: переориентировать учителей с почти что исключительно самостоятельной работы с ИТ на обучение работы с ними школьников (принцип — освой сам, но обязательно научи ученика применять ИТ) и существенному расширению возможностей использования ИТ в процессе обучения, что должно убедить ученика в важности применения ИТ для учёбы. Особенно важно было не совершить перекос в сторону информатики, то есть изначально осознавать, что информационные технологии — это лишь средство обучения, а задача учителя — правильно им воспользоваться. Опустим описание теории, организации работы и остановимся на самом

интересном и, надеемся, важном для читателя — на практической части реализации программы инновационной площадки.

Разумнее всего, по нашему мнению, было начать работу с 5 классов, поскольку пятиклассники уже неплохо знакомы с компьютером, но почти не владеют навыками работы в программах, которые эффективно использовать для обучения. Начинали с создания мини-презентаций для уроков (индивидуальные задания для 1—2 учеников) и подбора иллюстративного материала на сайтах. Например, нужно было создать презентацию из 2—3 слайдов об устаревшем слове, какой-либо пословице, книге и т. п. Для уроков литературы учитель просил найти и принести на **USB-флеш-накопителе иллюстрации** к тому или иному произведению, портреты и фотографии писателей и / или изданий. Казалось бы, совершенно несложно, однако, как выяснилось, часть учеников впервые узнала, **что** такое презентация, как именно сделать её правильно самостоятельно, что в Интернете есть множество материалов по литературе и что компьютер можно использовать не только для игр и общения.

Также начиная с 5 класса дети собирают свою уникальную **электронную библиотеку** по русскому языку и / или литературе. Полная версия библиотеки хранится в рабочем компьютере учителя. Туда могут входить найденные в Интернете, отсканированные или оцифрованные материалы (электронные тексты, аудио- и видеоматериалы). Это могут быть художественные произведения (и их отрывки), если учитель на уроке использует работу с планшетами / электронными книгами / компьютерами или когда книг в библиотеке недостаточно либо они отсутствуют. Также это могут быть и публицистические и / или научные тексты (журнальные статьи, библиографическая или историческая справка, статья из словаря, материалы из учебника или методического пособия и т. п.). Такая библиотека позволяет быстро обратиться к тексту, не тратя много времени на поиск, а также работать «карандашом на полях» (как с электронными текстами, так и с распечатанными). Она даёт дополнительную возможность учителю при необходимости немного отклониться от сценария урока (например, понадобилось напомнить сцену или точную цитату из произведения или вернуться к уже подзабытому правилу). А ещё электронная библиотека позволяет избежать дополнительного веса портфеля. Чтобы собрать достаточное для библиотеки количество материалов, конечно, потребуется время и масса усилий, но, во-первых, собирают — подчёркиваем — преимущественно обучающиеся (сначала с помощью учителя и / или родителей, потом, становясь старше, сами), а во-вторых, в 9 классе каждый ученик может скопировать её и использовать при подготовке к экзаменам. Систематизирует и составляет каталог обычно учитель, но поскольку наполнение библиотеки происходит постепенно, много времени это не отнимает.

С каждым годом (классом) появляется всё больше возможностей для использования ИТ на уроках литературы и во внеурочной деятельности, причём напоминаем: учитель может делать задания **вместе** с обучающимися, но не **вместо** них.

Одной из наиболее интересных форм работы по приобщению школьников к чтению художественных произведений стало создание **буктрейлеров** — небольших видеороликов, рассказывающих в произвольной форме о какой-либо книге (см. об этом подробнее, например, следующие сайты: http://tvoya1kniga.ru/kak-sdelat-buktreyler, http://school-of-inspiration.ru/buktrejler-svoimi-rukami-primery). Авторами данных работ являются школьники (в основном, старше 7 класса), и рассчитаны буктрейлеры в первую очередь на школьную аудиторию. Поэтому видеосюжеты порой далеки от совершенства, но их цель — заинтересовать книгой самих создателей буктрейлера и тех, кому они его собираются показывать. Как правило, подростков привлекает уже сама идея создания «рекламы» книги, возможность попробовать свои силы, почувствовать себя сопричастным к такому виду творчества. При этом, для того чтобы ролик получился интересным, значима не только и не столько техническая составляющая, сколько содержательная, и здесь на первых порах важна роль учителя: подсказать, какие эпизоды произведения лучше взять для демонстрации, помочь с раскадровкой, но только без навязывания своего «авторитетного мнения». Здесь важно не превратить создание буктрейлера в обязательное школьное задание по литературе, а помочь детям сделать попытку творческой самореализации. Но вот какие именно произведения предлагать ученикам для съёмки ролика, учитель решает, как правило, сам либо рассматривает варианты, предлагаемые юными любителями литературы. А вариантов множество — от произведений, входящих в обязательную школьную программу, до современных, о которых без подсказки учителя школьники могут вообще никогда не узнать. Демонстрировали буктрейлеры на вводных и обобщающих уроках, на внеклассных мероприятиях, классных часах, неделе русского языка и литературы. Если у словесника хватало времени и сил, то во внеурочное время проводился конкурс буктрейлеров среди 8—10 классов.

Учитывая, что учитель русского языка и литературы крайне редко бывает освобождён от классного руководства, мы расширили область работы инновационной площадки. К важным датам и событиям из мира литературы, школьным мероприятиям, памятным историческим датам и различным праздникам ученики 7—9 классов самостоятельно готовили **буклеты, литературные календари, коллажи, визитные карточки школы, агитки, листовки и даже памятные закладки** со сложным правилом по русскому языку или статьёй из литературоведческого словаря. При этом учитель мог объединять в мини-группы учеников сильных со слабыми, которые больше участвовали в техническом оформлении, но при этом, создавая, например, буклет о 145-летии со дня рождения И.А.Бунина или о литературной судьбе А.С.Грибоедова в Word Publisher, вновь и вновь обращались к биографии и творчеству писателей. Буклеты, коллажи или газеты учащиеся делали и к юбилеям тех писателей (русских и зарубежных, классиков и современников), которых в школьной программе или нет, или на изучение их творчества отведено очень мало времени (Саша Чёрный, Аркадий Гайдар, Джоан Роулинг, Юлия Вознесенская и др.). Интересным проектом стало создание буклета «Памятники литературе на Белгородчине» ученицы 6 класса МОУ «Майская гимназия» Белгородского района Белгородской области, который оказался востребованным не только внутри школы, но и вошёл в демонстрационный набор материалов для гостей гимназии. Создание такой продукции позволяет не только расширить кругозор учащихся, но и воспитывать уважение к литературе, понимать её богатство, разнообразие и уникальность.

Нашлась возможность использования ИТ в одной из номинаций классического **конкурса чтецов**: ребята попробовали читать прозу и поэзию на камеру, при этом разрешалось редактирование записи. Конкурсантам также позволялось коллективно создать видеоролик: кто-то попробовал себя в роли чтеца (актёра), кто-то — режиссёра, оператора, монтажёра. Соответственно, желающих принять участие в конкурсе оказалось гораздо больше обычного. Межшкольную **научную конференцию** (секция «Литература») также было решено сопроводить видеоматериалами, которые готовили сами конкурсанты, что заодно позволило привлечь больше участников, желавших познакомить аудиторию со своими исследованиями, используя современные технические средства.

Отдельным направлением работы, неожиданно вызвавшим широкий отклик, стало создание **книг для малышей** (для выпускников детского сада, сотрудничающего со школой). Обучающиеся среднего и старшего звеньев определялись с тематикой (например, будет ли это собрание художественных произведений, или статьи из детской литературной энциклопедии, или занимательные факты о русском языке, или даже рассказы и стихи самих составителей), подбирали иллюстрации (как вариант — иллюстрации-раскраски), набирали или обрабатывали тексты, делали макет (чаще всего используя Microsoft Word или Microsoft Publisher), печатали и переплетали в школе (если была возможность) или с помощью родителей и торжественно вручали дошкольникам, приурочивая к разным праздникам (книгу «Азбука» с рассказами об алфавите и иллюстрациями дарили на День знаний, «Волшебные зимние сказки» — на Рождество, «Здравствуй, школа!» — к выпускному в детском саду и т. п.). Нередко ра-

бота велась совместно со школьной библиотекой: не только учителя, но и библиотекари подсказывали ребятам, как правильно составить оглавление / содержание, какие интересные произведения современных детских авторов можно найти, как правильно подбирать иллюстрации к произведениям. Надо отметить, что при подобной работе важно не диктовать, а только подсказывать инициативной группе учеников. Пусть со взрослой точки зрения не вполне логично будет выстроена композиция книги, оформление технически неидеально, а аннотация и вовсе отсутствует, но удовольствие и польза от опыта создания книги буквально собственными руками в итоге перекроют все недостатки.

Учителя-словесники, реализующие программу инновационной площадки, предложили использование ИТ и в такой форме работы, как личные встречи с писателями Белгородчины. Во-первых, это видеосъёмка встреч с последующим монтажом и редактированием отснятых материалов. Фильм, полученный в итоге, можно демонстрировать неоднократно, а его копию приятно иметь и самому писателю, и ребятам, готовившим встречу. Во-вторых, у некоторых поэтов / прозаиков есть собственные странички в социальных сетях и / или возможность общаться с помощью Скайпа, что также упрощает организацию регулярных встреч со школьниками и популяризацию литературного творчества среди молодёжи.

Через год активной работы по реализации программы площадки её участники существенно обогатили опыт, в том числе и за счёт ряда доступных в сети Интернет сервисов, непопулярных ранее в педагогической среде словесников и оказавшихся весьма интересными для работы на уроках литературы. Например, обработчик текстов **Wordle**, позволяющий создавать «облака слов», пригодился для заданий, направленных на составление ассоциативных рядов или подбор ключевых слов как на обзорном уроке, так и при углублённом анализе произведения (например, составление учащимися «облака слов» к ключевому слову *литература* в 5 классе позволяет учителю понять, какие ассоциации вызывает у детей слово *литература*, какой элементарной терминологической базой они владеют). В 11 классе при изучении модернизма можно предложить использовать Wordle для выполнения такого задания: попробовать себя в роли поэта — приверженца фигурного стиха.

Получило распространение и обращение к сервису по созданию слайд-шоу из фото **Animoto** (сервис платный, но для учителей есть бесплатный вариант Animoto для образования, см. об этом: http://gorod1277.org/?q=content/obrazovatelnyi-sait-animoto-video-kollazhi-dlya-novichkov). Его можно использовать и для подготовки мини-фильмов о писателях, памятных литературных датах и интересных событиях, о создании произведения, для монтажа фото со школьных литературных гостиных и т. д. Альтернатива Animoto — хорошо известный **Windows Movie Maker**, однако первый технически проще в использовании.

Порой интересные идеи по использованию ИТ в учебном процессе можно почерпнуть из опыта не только соотечественников, но и иностранных коллег. Например, помимо известных сайтов, ориентированных на учительскую аудиторию, типа http://www.uchportal.ru или http://pedsovet.su/, мы обращались к пока не очень популярному среди педагогов интернет-сервису, фотохостингу Pinterest (https://ru.pinterest.com/categories/education/), предлагающему массу полезного как для учителя-предметника, так и для классного руководителя. Так, нам показалась интересной идея использования смартфонов, айфонов и айпадов для обращения к онлайн-словарям, проверки библиографических данных, уточнения цитат и ссылок и т. п., предстоит попробовать ведение электронного читательского дневника. При этом дневник может стать проявлением индивидуальности начинающего читателя: по желанию можно добавлять колонки, разнообразить оформление и включать видео- и аудиофрагменты из фильмов и радиоспектаклей, созданных по мотивам произведений. Если идея ребятам понравится, планируется устроить конкурс читательских дневников по итогам летнего чтения.

Пытаясь объективно оценить работу первых двух лет, не станем скрывать, что сначала не всё шло гладко. На стартовом этапе реализации программы затруднительно оказалось изменить подход педагогов к организации образовательного процесса: большинство учителей включали в урок ИТ преимущественно с целью демонстрации наглядного материала (презентация, видеоролик, аудиозапись). Многие учителя опасались, что потребуется слишком много времени, чтобы научить той или иной программе учеников (а перед этим надо её освоить ещё и самому!), что не удастся заинтересовать школьников внеурочными мероприятиями по литературе в новом формате, что слишком много внимания будет уделяться технической стороне в ущерб изучению самого литературного произведения. Для смены «парадигмы педагогического мышления» уже на первом этапе инновационной деятельности на заседаниях школьных и межрайонных методических семинаров разрабатывали индивидуальный план работы учителя-словесника по использованию ИТ, изучали программы и сервисы, которые, предполагалось, будут полезными в работе учителя и ученика, активно обсуждали вопросы повышения мотивации обучающихся к включению в исследовательскую работу по предметам, повышение эффективности самостоятельной работы (изготовление индивидуальных и совместных проектов с использованием ИТ, использование ресурсов Интернета в образовательных целях). В итоге школьники гораздо быстрее и лучше реагировали на внедрение ИТ в процесс обучения и самообучения. Например, восьмиклассники уже хорошо освоили такие компьютерные программы, как Microsoft Office Word, Microsoft Office PowerPoint, Microsoft Office Publisher, Windows Movie Maker, Abby Fine Reader, Adobe Acrobat Reader, Проигрыватель Windows Media, Win/ZipRAR, ICQ, ACD-See Photo Manager, видеосервисы YouTube и Rutube.ru, работают в поисковых системах Яндекс, Google Chrome, Mozzila Firefox и др. и научились самостоятельно создавать электронные продукты.

В перспективе — более сложная, но не менее интересная работа — ведение видеожурналов, создание школьного радио и кино, изучение новых сервисов и программ. Скорее всего, это уже выйдет за рамки программы инновационной площадки. Но всегда ли нужны рамки? Ведь если что-то понравилось и прижилось, то его не обязательно реализовывать «строго по графику». Самое главное — ушёл страх освоения нового, изменилась позиция учителей, во многом скептически относившихся к задаче обучения применению ИТ на уроках и во внеурочной деятельности самими учениками, а обучающиеся тех классов, в которых реализуется программа инновационной площадки, начали с большим интересом относиться к литературе и проявлять большую инициативу на занятиях. При этом мы всегда помним о том, что любые ИТ — это лишь средство, инструмент обучения, а главным на уроках литературы была и остаётся сама литература.

ЛИТЕРАТУРА

1. АСТВАЦАТУРОВ Г.О. Эффективный урок в мультимедийной образовательной среде (практическое пособие) — М.: Национальный книжный центр, ИФ «Сентябрь», 2015. — С. 176.

2. Видеоматериалы и сетевые видеосервисы в работе учителя: практ. пособие — М.: БИНОМ. Лаборатория Знаний, 2008. — С. 89.

3. ИВАНОВА Е.О. Теория обучения в информационном обществе — М.: Просвещение, 2011. — С. 190. — (Работаем по новым стандартам).

4. Использование информационных технологий в процессе формирования универсальных учебных действий средствами предметов гуманитарного цикла: материалы работы инновационной площадки. Ч. 1. — Белгород: Политерра, 2014. — С. 187.

5. СЕЛИВАНОВА Т.В. От книги до компьютера: художественная коммуникация: Программа. Метод. рекомендации / Под ред. Л.В.Школяр. — М.: Просвещение, 2009. — С. 64. — (Серия «Элективный курс»).

6. ЭЭЛЬМАА Ю.В. Информационные технологии на уроках литературы: пособие для учителей общеобразоват. учреждений — М.: Просвещение, 2012. — С. 176.

ПЕРЕВЕРЗЕВА Наталья Петровна —
учитель русского языка и литературы МБОУ «Наголенская средняя общеобразовательная школа Ровеньского района Белгородской области»
pereverzeva200172@yandex.ru

ССОРА ТРОЕКУРОВА И ДУБРОВСКОГО

VI КЛАСС

Аннотация. *Урок ориентирован на развитие читательской культуры: понимание авторской позиции, овладение умением анализа художественного произведения.*
Ключевые слова: *анализ эпизода, сравнение героев, углубление и переосмысление первоначальных представлений, групповая работа.*

Abstract. *The lesson focuses on the development of reading culture: understanding the author's position, mastering the ability to analyze a work of art.*
Keywords: *episode analysis, comparison of characters, deepening and rethinking the original ideas, group work.*

На уроках изучения нового материала главенствует обогащение ученика новыми знаниями. При этом усвоение знаний и формирование умений тесно связаны, и это помогает придать практическую направленность работе класса, без чего нет урока, который реализует основные его задачи.

Особенность уроков изучения нового материала заключается в том, что в процессе индивидуальной или групповой исследовательской работы происходит корректировка и углубление первоначальных представлений детей о произведении.

Урок изучения нового материала по теме «Дубровский. Ссора Троекурова и Дубровского» предполагает выявление главных героев, анализ их взаимоотношений, установление причинно-следственных связей, интерпретации эпизода ссоры Троекурова и Дубровского, оценки их поведения и характеров.

В ходе урока происходит уточнение и расширение исходных представлений учащихся. Вопросы, которые предлагаются на уроках изучения нового материала, направляют внимание учащихся на уяснение содержания произведения, помогая осознать наиболее сложное и важное, что при самостоятельном чтении не всегда улавливается, побуждают к внимательному и вдумчивому чтению (например: «Как возникла ссора между Троекуровым и Дубровским?», «Как она развивалась и к каким последствиям привела?»). Подобные вопросы требуют пересказа произведения, простого или выборочного, но во всех случаях пересказ служит основой для дальнейшей работы над текстом, для определённого вывода, для оценки той или иной сцены произведения. Так, например, поиск ответа на вопрос «Какие отношения сложились у Троекурова с окрестными помещиками?» — способствует тому, что учащиеся не только найдут и перескажут соответствующие фрагменты произведения, но и сделают вывод о том, что чины и связи ценились выше, чем истинные достоинства человека.

Кадр из х/ф «Благородный разбойник Владимир Дубровский».
Реж. В.Никифоров. Троекуров — В.Самойлов. 1988

Цели урока:

обучающая: выявление первоначальных впечатлений о романе; анализ эпизода «Ссора Троекурова с Дубровским», осмысление школьниками причин ссоры Андрея Гавриловича Дубровского и Кирилы Петровича Троекурова, мотивов их поведения; сопоставление характеров героев;

развивающая: совершенствование умения выразительного чтения, составления устных пересказов, развитие логического мышления;

воспитательная: формирование нравственно-эстетических представлений учащихся в ходе выявления значения таких качеств человека, как чувство собственного достоинства, высокомерие.

Ход урока

Проверка домашнего задания: выявление первоначальных читательских впечатлений.

Прежде чем приступить к анализу эпизода о ссоре героев Пушкина, просим учащихся выполнить задания и ответить на вопросы:

— *Назовите главных героев романа.*
— *Укажите их социальное положение.*
— *Какими качествами характера обладали*

Таблица 1

Критерии для сопоставления героев	Троекуров	Дубровский
Социальное положение	Отставной генерал-аншеф, богат, происходит из знатного рода и имеет связи, большой вес в губерниях	Отставной поручик гвардии, владеет семьюдесятью душами, беден и независим
Качества характера	Необразованный, пылкого нрава, ограниченного ума, надменный в отношениях с людьми низшего звания, отроду не удостоивший никого своим вниманием	Нетерпеливый и решительный. Прямо высказывает своё мнение, не заботясь о том, противоречит ли оно мнению хозяина дома
Занятия	Праздность, дом полон гостями, буйные увеселения, страдает от обжорства и каждый вечер бывает навеселе, время проводит в разъездах по пространным его владениям, в продолжительных пирах и в проказах	Горячий охотник
Отношение соседей	Рады угождать, трепещут при его имени	Все завидуют согласию с Троекуровым, удивляются смелости Дубровского, пытаются подражать
Отношение к крестьянам	Обходился строго и своенравно; самодур	Справедлив, добр
	Общее в судьбах героев: женились по любви, скоро овдовели, у обоих оставалось по ребёнку; прежде были они товарищами по службе, друзьями	

Троекуров и Дубровский?

— Каковы их увлечения?

— Как складывались отношения с соседями?

— Как каждый из героев относился к крепостным крестьянам?

— Отметьте общее в судьбах героев.

Выслушав ответы детей, открываем интерактивную доску, на которой в таблице отражены обобщённые результаты их работы.

Дубровский и Троекуров
(Таблица 1)

Целеполагание

— А кто такие друзья? Что значит дружба?

— По словарю, дружба — это близкие отношения, основанные на взаимном доверии, привязанности, общности интересов (С.Ожегов, Н.Шведова).

— Дружить — значит быть чутким и внимательным, помогать, прощать, понимать и принимать другого таким, какой он есть.

— Но в жизни не всегда бывает все гладко и благополучно. Любой из нас может сказать кому-то обидное слово, неудачно пошутить и, не желая того, обидеть близкого, родного человека. И в этой ситуации самое главное — вовремя остановиться, осознать свою ошибку и исправить её. Подберите антоним к слову «дружба».

— Вражда, ссора.

Выносим на доску: ДРУЖБА — ССОРА, ВРАЖДА.

— А что значит «ссора»? Каково значение этого слова? Снова заглянем в словарь.

— Ссора — состояние взаимной вражды, серьёзная размолвка (С.Ожегов, Н.Шведова).

— Почему именно об этих понятиях мы говорим сегодня на уроке?

— Потому что герои романа А.С.Пушкина «Дубровский» сначала дружили, а потом поссорились.

— Сформулируйте тему урока.

— Ссора Дубровского и Троекурова.

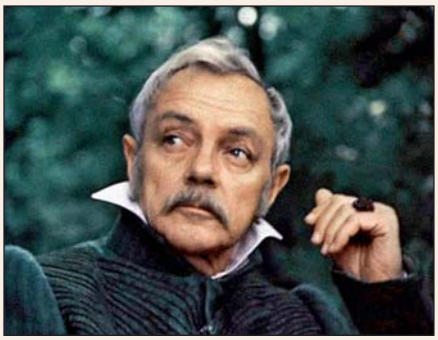
— Как вы думаете, какие вопросы мы должны рассмотреть сегодня на уроке?

— В чём причины ссоры Дубровского и Троекурова?

— Кто виноват в ссоре?

— Как во время ссоры проявились характеры Троекурова и Дубровского?

— Почему не состоялось примирение и каковы последствия этой ссоры?



Кадр из х/ф «Благородный разбойник Владимир Дубровский».
Реж. В.Никифоров. Дубровский — К.Лавров. 1988

— Вы порадовали, ребята, своими ответами и верно определили задачи, которые нам надо решить. Действительно, нам очень важно понять, почему герои ссорятся, что влияет на их поступки и что стало следствием этой ссоры.

Первичное усвоение материала

— Перед вами кадр из художественного фильма «Благородный разбойник Владимир Дубровский». Роли главных героев исполняют замечательные русские актёры Кирилл Лавров и Владимир Самойлов. Как вы думаете, кто из них исполняет роль Троекурова, кто Дубровского? Объясните, по каким признакам вы определили, кто какую роль играет.

Учитель. Молодцы! Вы рассмотрели фотографии актёров, как психологические портреты пушкинских героев, в которых автор (режиссёр) через их внешность стремится раскрыть их внутренний мир, характеры.

— Как вы считаете, почему Кирила Петрович Троекуров позволяет себе такое поведение с окружающими его людьми? Не найдёте ли вы слова, которые Пушкин использует для характеристики этого персонажа? Обратившись к тексту, дети находят: «*надменный* в сношениях с людьми самого высшего звания...»; «соседи *рады были угождать малейшим его прихотям*»; «*избалованный* всем, то только окружало его, он *привык давать полную волю пылкого своего нрава и всем затеям довольно ограниченного ума*».

— Он привык к тому, что все угождают ему, выполняют его малейшие прихоти.

— Даже равные по положению боятся его взрывного характера, что тогда говорить о крепостных? Когда кто-то хотел подражать независимости Дубровского, «Кирила Петрович так их пугнул, что навсегда отбил у них охоту к таковым покушениям...».

— Когда выехали на охоту без Дубровского, Кирила Петрович был не в духе: «прибил повара, разбранил гостей»; он хотел «учинить нападение на Кистенёвку... разорить её дотла», когда узнал, что Дубровский наказал его дворовых.

Какие же качества характера вы в нём отметили?

<u>На доске</u>
ТРОЕКУРОВ
Самолюбие
Надменность
Праздность
Высокомерие
Вспыльчивость

— Определите лексическое значение слов «высокомерие», «надменность».

— ***Высокомерие*** — гордое и надменное поведение, отношение к кому-нибудь (С.Ожегов, Н.Шведова).

— ***Надменность*** — самонадеянность, высокомерие (С.Ожегов, Н.Шведова).

— Какие это качества — положительные или отрицательные?.. Можем мы использовать слова «надменность» и «высокомерие» как синонимы?.. Тогда запомним их, чтобы свободно употреблять в своей речи.

— Почему Дубровский остаётся «вне общего закона», выделяется среди гостей Троекурова?

— Он не ищет выгоды от дружбы с Троекуровым, не лицемерит, ведёт себя с ним на равных.

— Дубровский хоть и бедный, но у него есть чувство собственного достоинства, он не потерпит неуважения.

— Он отказался от покровительства Троекурова. Предпочёл остаться бедным, но независимым.

— Думаю, что после такого пристального внимания к тексту вам нетрудно будет назвать качества характера Дубровского.

<u>На доске</u>
ДУБРОВСКИЙ
Гордость
Чувство собственного достоинства
Независимость
Решительность

Лексическая работа со словом **«достоинство»**.

Достоинство — уважение к себе, сознание своих прав и своей значимости.

Чувство собственного достоинства — самоуважение; им обладает личность самодостаточная и самостоятельная, не подверженная влияниям извне.

*— Вы определили, что **сближает** Дубровского и Троекурова. А что **разделяет** этих героев?*

— Троекуров — владелец огромного поместья, а Дубровский — бедный дворянин.

— Троекуров высокомерен в отношении к окружающим, Дубровскому присуще чувство собственного достоинства.

— Как вы считаете, происшествие на псарне — случайность или закономерность?

— Дубровский гордый человек, но бедный. А среди гостей Троекурова Андрей Гаврилович в особом положении: ему позволено то, чего другим нельзя. И кажется, что долго так оставаться не будет.

— «Нечаянный случай на псарне» всё-таки не случайный. О Троекурове Пушкин пишет: «Его богатство, знатный род и связи давали ему большой вес в губерниях, где находилось его имение. Соседи были рады угождать малейшим его прихотям; губернские чиновники трепетали при его имени». Хотя Троекуров и дружит с Дубровским и они были раньше товарищами по службе, но Троекуров чувствует своё превосходство: все гости показывали ему своё подобострастие, готовы «тешить его барскую праздность», восхищаться каждым словом. Все, но не Дубровский.

Самостоятельная исследовательская работа с текстом. Работа в группах

— Проведите исследование причин ссоры Дубровского и Троекурова. Возьмите лист с заданием, заполните таблицу в рабочей тетради. Работу выполняем 5 минут.

Прочитайте эпизод от слов: «Раз в начале осени Кирила Петрович собирался в отъезжее поле...» до слов: «Но мысли его вскоре приняли другое направление...» (I глава).

Задания для учащихся. (Слайд 4.)

Для 1-й группы. *Можно ли назвать Троекурова виновником случившейся ссоры? Докажите ваше мнение, опираясь на текст.*

Для 2-й группы. *Есть ли вина Дубровского в случившемся? Докажите ваше мнение, опираясь на текст.*

Для 3-й группы*. Если ли вина псаря в ссоре господ? Обоснуйте ваше мнение, опираясь на текст.*

Таблица в тетради учащихся (Таблица 2)

Проверка выполнения заданий учащимися

— *Как вы считаете, есть вина Троекурова в ссоре?..*

— Есть. Когда он ведёт гостей на псарню, он гордится ею, у него есть и лазарет для 500 собак, и лекарь для них, и специальное помещение для щенков, несколько псарей для присмотра за собаками. Очередной раз он хвастает перед гостями, которые бывали здесь 20 раз. В обязанности гостей входило хвалить хозяина, восхищаться им. И только «Дубровский молчал и хмурился». Он посмел сказать то, на что другие никогда бы не осмелились. Этого Троекуров перенести не мог. Его мысли выразил псарь. И дерзкие его слова очень понравились Троекурову. Он громко засмеялся, и, как по команде, засмеялись все. Дубровский был унижен.

— *А Дубровский? Что скажете о нём?*

— Рассказчик отмечает «некоторую зависть» Дубровского: очень уж хорошая псарня у Троекурова. А у него только две гончих и одна стая борзых. Может, поэтому он не сдержался. А может, и потому, что с собаками и щенками Троекуров ласков, спрашивает об их здоровье, разговаривает с ними. Со своими крепостными он поступал строго. Дубровский сказал правду, хотя мог бы её не высказывать.

— *Почему псарь осмелился унизить лучшего друга хозяина? На что он рассчитывал?*

— Он привык рассчитывать на покровительство барина и уверен в своей безнаказанности. Дворовые Троекурова вели себя в отношении своих соседей так же высокомерно, как их барин.

— *Почему Троекуров был рад «дерзкому замечанию» псаря?*

— Замечание верного слуги льстило ему.

— *Понял ли Троекуров, что обидел старого друга?*

— Кирила Петрович не понимает, что оскорбил Дубровского. Троекуров обошёлся с ним так, как обычно обходился со всеми.

— *Сожалеет ли он о случившемся?*

— Сожалеет, но не сразу. Кирила Петрович удивлён и огорчён отсутствием Дубровского за ужином (дважды посылает за ним, расстроен настолько, что «отпустил гостей и отправился спать», «на другой день первый вопрос его был» о Дубровском).

— *Почему письмо Дубровского оскорбило Троекурова?*

— В письме Дубровский требует невозможного — равенства с самим Троекуровым. Этого простить Кирила Петрович не может.

— *Почему Троекуров воздержался от намерения разорить усадьбу Дубровского?*

— Троекуров задет поведением прежнего друга, решает не просто отомстить ему, а уничтожить его.

— *Почему Троекуров уверен, что его планы осуществятся?*

— Всегда было так, как хотел он. Богатство, связи, беспрекословное выполнение любого его желания было для него нормой. Вот и Шабашкин готов сделать всё, чтобы выполнить желание Троекурова и лишить Дубровского имения, которое Троекурову не было нужно.

— *Так кто же виноват в ссоре? Кто же одержал победу в ссоре: Дубровский или Троекуров?*

— Победил Троекуров. Он отнял у Дубровского имение. После ссоры с Троекуровым Дубровский тяжело заболел и умер, а Троекуров сохранил и имение, и здоровье, и жизнь.

— *Вы все так считаете? А отнятая жизнь у Дубровского-старшего, сломанная — жизнь Дубровского-сына и собственной дочери?..*

Подведение итогов урока

— *Какие чувства испытывает человек от победы?..*

Испытывал ли Троекуров радость от этой победы? Почему?

— Нет. Троекуров приобрёл Кистенёвку, но не нуждался в имении Дубровского. Во-первых, он был богат, во-вторых, «от природы он не был корыстолюбив».

— *Что-то терзает Троекурова? Каково его душевное состояние?*

— Троекуров потерял друга. Его мучает совесть, он утратил душевное спокойствие. Для него главным было желание сломить гордость и независимость Дубровского.

— *Ответ на вопрос «Кто победил в ссоре: Дубровский или Троекуров?» на первый взгляд кажется простым, ведь Троекуров добился своего. Но сам он не чувствовал радости от этой победы. В чём же тогда состоит победа Троекурова, если он потерял больше, чем приобрёл?*

— Когда ссорятся друзья, близкие люди, разве может быть победитель? Кто-то теряет больше (например, Дубровский), кто-то меньше (Троекуров), но страдают все участники конфликта. Троекуров это понял слишком поздно.

Домашнее задание

Перечитайте главы 2—3. Подготовьте устный рассказ (по выбору):

«Жизнь Владимира Дубровского в Петербурге до возвращения в родной дом»; «Дубровский в родном имении».

ЛИТЕРАТУРА

1. Программа по литературе для 5—11 классов общеобразовательной школы / Авт.-сост.: Г.С.Меркин, С.А.Зинин, В.А.Чалмаев. — М.: Русское слово, 2010.
2. МЕРКИН Г.С. Литература. 6 класс: учебник для общеобразовательных учреждений: В 2 ч. — М.: Русское слово, 2011.
3. Уроки литературы. К учебнику «Литература. 6 класс» (авт.-сост. Г.С.Меркин): методическое пособие / Под ред. Г.С.Меркина. — М.: ООО «ТИД “Русское слово”», 2012.
4. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В.Виноградова. — М.: ООО «А ТЕМП», 2006.
5. http://som.fio.ru — сетевое объединение методистов.

Таблица 2

Кто виноват в ссоре?		
Троекуров	**Дубровский**	**Псарь**
«Кирила Петрович громко *засмеялся при дерзком замечании своего холопа*, а *гости вослед* за ним *захохотали*, хотя и чувствовали, что шутка псаря могла отнестися и к ним». «*Осердился* и *вторично послал* того же слугу сказать Андрею Гавриловичу, то если он тотчас же не приедет ночевать в Покровское, то он, Троекуров, с ним *навеки рассорится*». «*Да знает ли он, с кем связывается? Вот я ж его… Наплачется он у меня*, узнает, каково идти на Троекурова!» «На возвратном пути *со всею своей охотою нарочно поехал полями Дубровского*»	«Его состояние позволяло ему держать только двух гончих и одну свору борзых; он *не мог удержаться от некоторой зависти* при виде сего великолепного заведения». «Псарня чудная, — вряд ли людям вашим житье такое ж, как вашим собакам». «Между тем Андрей Гаврилович *скрылся*, и никто того не заметил. Андрей Гаврилович *не послушался и не хотел воротиться*». «…А я терпеть шутки от *ваших холопьев не намерен, да и от вас их не стерплю*, потому что *я не шут*, а *старинный дворянин*»	«Один из псарей обиделся. “Мы на своё житьё, — сказал он, — благодаря Бога и барина, не жалуемся, а что правда, то правда, иному и дворянину не худо бы променять усадьбу на любую здешнюю конурку. Ему было б и сытнее и теплее”»

«ЕЩЁ ДУША НЕ РАЗ ЗАМРЁТ ОТ СЧАСТЬЯ…»

СТИХИ ПОЭТОВ БЕЛГОРОДЧИНЫ

Игорь ЧЕРНУХИН

И пусть меня надежда осенит
И вера в долгожданные удачи!..
Ещё в саду звезда моя горит
И иволга за Ворсклой плачет.
Ещё так пахнет молодой травой,
Что поневоле голова кружится.
Ещё печаль мою врачуют птицы
И родничок под вербами живой.
Ещё на лето красное надеюсь,
Стихи читаю матери моей.
Ещё над полем яркая луна
В густую рожь стекает ежечасно.
Ещё душа не раз замрёт от счастья —
Побыть с тобой, родная сторона.

***

Село моё белое…
Куда ни уеду — вернусь.
И чтоб я ни делал —
По тебе грусть.
По тихой речонке Ворскле,
По говорку сельчан,
И просто по сену,
По вороху
Душистому по ночам.
По сдобным лепёшкам маминым,
По травам на дальнем ставу…
…И будто бы всё это — малость.
А как без неё проживу?

***

Я жил как жил…
Не важно, что неважно,
А важно, что душа была чиста.
Все начиналось с белого листа
И трепетно, и честно, и отважно…
Я им дышал… И, принимая битвы
За честь свою и за свои права,
Шептал я, как старинные молитвы,
Свои новорождённые слова.

Дмитрий МАМАТОВ

В лесной глуши

Дочке Наташе

До тоски опостылел девятый этаж,
Ни рассвета над ним, ни заката.
Отыщу я в лесной глухомани блиндаж
В нерушимых четыре наката.
В нём отгрохаю письменный стол под верстак,
Презирая любую цензуру,
И собою от вражеских тёмных атак
Изнутри заслоню амбразуру.
Загорится лампадный огарок свечи,
Чтобы слушать лишь птичьи пароли,
Чтобы филин угрюмый в туманной ночи
Мне являлся в трагической роли.
Да поможет он, в глушь вековую маня,
Сбросить ношу душевного груза,
И тогда в том жилье не покинет меня
Земляная крестьянская муза.
С нею буду дружить до земного конца
И, склонясь над своими грехами,
Поклянусь в блиндаже, чтоб в людские сердца
Не стрелять холостыми стихами.

Владимир МОЛЧАНОВ

У братской могилы

Молодая вдова над могилой родной причитала:
«Дай-то Бог, чтоб земля лёгким пухом на милом лежала.
Спи спокойно, родной, — безутешно она голосила, —
Сколько вдов на земле, не нашедших любимых могилы?»

Молодая вдова над могилой скорбела о павших:
«Сколько есть матерей, в ожиданье до смерти уставших,
Сколько девичьих слёз, сколько боли в судьбе нашей скорбной,
Чтоб родная земля оставалась счастливой и доброй?!»

Молодая вдова над могилой у Бога просила:
«Пусть воскреснет в душе безвозвратно ушедшая сила,
Пусть для тех, кто погиб, кто навеки остался солдатом,
Вечный вспыхнет огонь и рассветов земных и закатов».

Молодая вдова над могилой в слезах причитала:
«Дай-то Бог, чтоб земля после нас больше горя не знала…»
Дай-то Бог…

Уважаемые читатели, авторы журнала!

Присылаемые вами статьи обязательно должны быть с пометкой:

«Только для журнала “Литература в школе”».

Просьба присылать материалы по почте в распечатанном виде в двух экземплярах.

Принимаются машинописные и рукописные оригиналы.

Все аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

При цитировании необходимо делать библиографическую ссылку. Ответственность за правильность данных, приведённых в библиографических ссылках и пристатейном списке литературы, несёт автор. При отсутствии библиографических ссылок и пристатейного списка литературы статья не рассматривается.

За фактический материал статьи несёт ответственность автор.

Редакция оставляет за собой право сокращения материалов.

К статье необходимо приложить аннотацию и ключевые (опорные) слова, а также указать e-mail.

Пожалуйста, не забудьте прислать сведения о себе:

— Фамилия, имя, отчество.
— Место жительства (республика, край, область, город) и код региона.
— Дата и место рождения.
— Паспортные данные (серия, №, кем и когда выдан).
— ИНН, № пенсионного страхового свидетельства.
— Образование (вуз, специальность, год окончания).
— Учёная степень и звание (если имеется; год присуждения или присвоения — в скобках).
— Домашний адрес с почтовым индексом.
— Домашний телефон с кодом города, мобильный телефон и E-mail.
— Место работы или учёбы (наименование организации и подразделения — факультета, кафедры, отдела).
— Должность; время работы на данной должности.
— Служебный адрес с почтовым индексом.
— Служебный телефон (с кодом города).
— Предполагаемая дата защиты (для соискателей).
— Научный руководитель или консультант (фамилия, имя, отчество, учёная степень и звание — для соискателей).

При отсутствии всех вышеуказанных данных гонорар не начисляется и не выписывается.

Вниманию соискателей на учёную степень!

Согласно требованиям ВАК необходимо указать:

— почтовый адрес вуза или места работы (с индексом); телефон, адрес электронной почты;
— **на русском и английском языках:** фамилию, имя, отчество, должность, учёную степень, учёное звание, заглавие статьи, аннотацию (2—4 предложения), ключевые слова (максимум 5).

Помимо ссылок на источники необходимо поместить в конце статьи библиографический список.

Рассматриваются статьи при наличии положительной рецензии кафедры, на которой защищается соискатель (или научного руководителя), и рецензии независимого эксперта (авторитетного учёного в соответствующей области) по запросу редакции.

Плата с соискателей на учёную степень за публикацию не взимается.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

НЕ ЗАБУДЬТЕ ПРОДЛИТЬ ПОДПИСКУ НА ВТОРОЙ КВАРТАЛ 2017 ГОДА!

СТАНОВИТЕСЬ НАШИМИ АВТОРАМИ!

CONTENTS

OUR SPIRITUAL VALUES

V.V.LIPITCH —
Lermontov’s creative heritage. Lermontov in school and university program 2

M.V.POLOVNEVA, L.P.SOLOMAKHINA —
“Fet’s flute” echo in the A.Block’s lyrics 7

E.A.SHIRINA —
The image of nature as a key to the understanding of war and peace in the epic novel “And Quiet Flows the Don” by M.A.Sholokhov 11

E.N.SEMYKINA —
“Good for soul” reading: V.N.Krupin’s prose 17

SEARCH. AN EXPERIENCE. SKILLS

T.F.NOVIKOVA —
“Small homeland is the human soul”.
Ways to create a small homeland image in the works of Belgorod’s writers 24

Y.V.KURBATOVA —
On the issue of continuity in the literature teaching in the modern school 28

T.A.OVCHAROVA —
Analytic graphical techniques as a way of implementing the active approach to teaching.
XIth Grade 31

S.N.BELOVA —
“Hallowed be thy name...”
Love in the A.I.Kuprin’s “Garnet Bracelet”. XIth Grade 33

T.Y.REVINA —
Information technology in literature classes.
Based on experience of the regional innovation platform 37

N.P.PEREVERZEVA —
Quarrel between Troyekurov and Dubrovsky.
VIth Grade 40

"Again and again the soul will be frozen with happiness..."
The Verses of poets of Belgorod region 43